ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



46
2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Александрович Чернов* (1966–2017) — советский и российский программист, автор кодировки KOI8-R, один из создателей Рунета и первый российский участник административного совета проекта FreeBSD.

Андрей Чернов родился в Москве. Его детство и юность пришлись на эпоху, когда доступ к западным компьютерным технологиям в СССР был ограничен, а отечественная вычислительная техника развивалась в значительной мере путем адаптации зарубежных разработок.

После окончания средней школы Чернов поступил на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Уже будучи студентом третьего курса, в 1987 году он принял участие в семинаре по разработке операционных систем Unix, которым руководил профессор В. Г. Сухомлин. Практика проходила на операционной системе ДЕМОС — советском клоне Unix V7, адаптированном для отечественной техники. В 1990 году Чернов окончил университет, защитив диплом с отличной оценкой; его работа была посвящена развитию операционных систем класса Unix.

Еще в 1980-е годы, совмещая учебу с работой, Чернов вошел в коллектив разработчиков советских операционных систем МНОС и ДЕМОС на кафедре прикладной кибернетики Института повышения квалификации Минавтопрома. В его задачи входила реализация механизма оверлеев для управления памятью, русификация системы и отладка ядра и утилит. В 1988 году на Всесоюзной конференции по переносимому программному обеспечению в Калинине (нынешней Твери) он представил собственный многооконный текстовый редактор LE. В 1990 году Чернов участвовал в первой Всесоюзной конференции пользователей Unix.

В начале 1990-х годов он присоединился к команде разработки сети Релком, соединившей советские научные организации с глобальной сетью, а затем работал в компании «Демос» — первом российском интернет-провайдере. Чернов непосредственно участвовал в запуске и наладке первого интернет-канала между Россией и западными странами. В сетевых проектах он использовал никнейм ache.

Главным техническим достижением Чернова стала кодировка KOI8-R — 8-битная таблица символов, обеспечивающая поддержку русского алфавита при сохранении совместимости с ASCII в младшей части кодовой таблицы. В июле 1993 года она была зарегистрирована в Инженерном совете Интернета (IETF). На протяжении 1990-х годов KOI8-R фактически стал стандартом для обмена кириллической информацией в Unix-системах, электронной почте, группах новостей и ранней русскоязычной сети.

В 1991–2001 годах Чернов разрабатывал и поддерживал почтовую программу UUPC/@, позволившую подключить к сети Релком большое число пользователей со слабыми ПК под управлением MS-DOS и OS/2. В 1994 году написал перекодировщик TODOS для преобразования текстов из кодировки CP866 в KOI8-R. В 1993–2000 годах Чернов входил в административный совет, определявший развитие операционной системы FreeBSD, и был первым российским участником этого совета. Его вклад в проект охватывал драйверы устройств, соответствие стандарту POSIX, безопасность и русификацию.

Никнейм ache Чернов использовал во всех сетевых проектах; под этим псевдонимом он был известен и в контркультурной среде 1990-х годов.

Помимо программирования, он занимался литературным переводом с английского: в 2005–2016 годах публиковал переводы на личном сайте Vniz.net и в печатных изданиях («Колонна», «Митин журнал»).

В 2002 году служба гражданства и иммиграции США запретила Чернову въезд в страну, из-за чего он не смог посещать американские конференции разработчиков FreeBSD; к началу 2000-х он свел участие в совете проекта к минимуму, называя его «слишком забюрократизированной структурой».

Личный сайт Vniz.net Чернов использовал как цифровой архив редких материалов: графики художников рубежа XIX–XX веков (Н. Калмаков, Л. Уэйн, Ф. фон Байрос), аниме и оккультных текстов. В декабре 2018 года, через год после смерти Андрея Александровича, домен прекратил работу, так как пароль от сервера был известен только самому Чернову; архив был восстановлен энтузиастами по материалам Wayback Machine на зеркале zachem.ne.jp.

В последние годы Чернов тяжело болел: выраженный остеопороз осложнился переломом ноги и практически лишил его возможности покидать дом. Андрей Александрович Чернов скончался 16 августа 2017 года в Москве на 51-м году жизни; церемония прощания прошла в подмосковном Николо-Архангельском крематории.

Память об Андрее Александровиче Чернове сохраняется в самой инфраструктуре Рунета и открытого программного обеспечения: сообщество FreeBSD увековечило его имя в разделе In Memoriam, отметив влияние, затронувшее практически все аспекты проекта. Коллеги называли его одним из отцов-основателей Рунета — человеком, благодаря которому русская кириллица впервые свободно зазвучала в глобальной сети.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абрамюк А. В.
Конституционно-правовые пределы применения искусственного интеллекта при анализе судебной практики в Российской Федерации 373

Абрамюк А. В.
Проблемы применения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в практике нижестоящих судов 375

Абросимова А. П.
Сделки с жильём, в котором проживают несовершеннолетние: проблемы правового регулирования и гарантии защиты 377

Абросимова А. А.
Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения и расторжения договора страхования 381

Абросимова А. А.
Увеличение страхового риска в период действия договора страхования 382

Алексеева М. А.
Систематизация неналоговых платежей в РФ 384

Алексеевская А. А.
Принципы административного порядка рассмотрения обращений в органах местного самоуправления: теоретическое обоснование и правовое закрепление 386

Белоусова А. Ш.
Трансформация правового режима предупреждений о вреде здоровью при осознанном риске 388

Белоусова А. Ш.
Критерий «правовой ожидаемости» в оценке эффективности информационных актов в системе обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия 393

Белоусова К. Г.
Причинно-следственная связь и обман как обязательные признаки состава преступления по статье 159.1 УК РФ 398

Бесаева М. М.
Квалификация цифровых убийств: когда насилие реализуется через цифровую среду 400

Беспалова Ю. В.
Право общей совместной собственности: виды, основания возникновения и проблемы раздела имущества 404

Билалова И. Р.
Доказывание вины при автоматизированном налоговом контроле: правовые гарантии налогоплательщика 406

Билалова И. Р.
Разграничение налоговой и административной ответственности: критерии квалификации и запрет повторного привлечения 408

Бочарова Д. Д., Гусева А. А.
Апартаменты как объект жилищных прав: противоречия статьи 15 ЖК РФ и практика их преодоления 410

Бутко А. А., Мануковская Д. В.
Правовой режим апартаментов в Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования и судебной практики 413

Вит Я. Ю.
Конституционно-правовые гарантии продовольственной безопасности Российской Федерации 415

Волкова А. С.
Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних: актуальные проблемы квалификации 419

Воронина О. В.
Отграничение превышения пределов необходимой обороны от преступлений, совершённых в состоянии аффекта: проблемы квалификации и критерии разграничения 423

Гаврилова А. Ю.
Информационный обмен между цифровыми платформами и налоговыми органами: правовые проблемы и перспективы развития 426

Гайнуллина А. И.
Судебное снижение неустойки по статье 333 ГК РФ: критерии явной несоразмерности и пределы усмотрения 428

Галкин А. С.
Мнимая оборона и разграничение смежных уголовно-правовых ситуаций 432

Глухова К. Ю.
Эволюция видов «иных документов»: от старины до современности (статья 74 УПК РФ) 434

Горбачёв Л. В.
Понятие и правовая природа финансового мониторинга: соотношение с финансовым контролем и надзором 438

Горбачёв Л. В.
Эволюция правового регулирования финансового мониторинга в России: от становления к риск-ориентированному подходу 440

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Конституционно-правовые пределы применения искусственного интеллекта при анализе судебной практики в Российской Федерации

Абрамюк Арина Валерьевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются конституционно-правовые пределы использования искусственного интеллекта (ИИ) при поиске и сравнении судебных решений. Выделены риски ошибочной аналогии, давления алгоритмических рекомендаций на судью и утраты конфиденциальности данных. Предлагается двухуровневая модель ИИ-сервисов с обязательной проверкой правовых источников.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, независимость судей, судебная практика, правовая определённость, судебная защита, алгоритмические рекомендации.*

Введение

В 2026 году в федеральных судах десяти субъектов РФ началось пилотирование ИИ-платформ, в том числе для расшифровки аудиозаписей заседаний [7]. Концепция внедрения ИИ в судопроизводство, утверждённая 3 сентября 2026 года, предусматривает также поиск судебной практики и проверку проектов решений на возможные расхождения с судебными позициями [2].

ИИ ускоряет поиск документов, но не способен самостоятельно решить вопрос об их юридической применимости. Цель статьи — установить границы между технической помощью и влиянием программы на осуществление правосудия. Исследование основано на анализе конституционных гарантий, законодательства и отдельных положений Концепции.

Нормативные пределы использования ИИ

Конституция РФ закрепляет равенство перед судом и право на судебную защиту (статьи 19 и 46), независимость судей (статья 120), состязательность и равноправие сторон (статья 123) [1]. Эти гарантии действуют при использовании любого программного обеспечения. Алгоритмическая рекомендация не может заменять исследование доказательств или становиться самостоятельным основанием процессуального решения.

Концепция 2026 года исходит из вспомогательной роли ИИ, его контролируемости, проверяемости сведений и защиты данных [2]. Федеральный закон от 26 июля 2026 года № 243-ФЗ касается развития больших фундаментальных моделей ИИ, но не передаёт им полномочия суда [3]. Основания процессуальных решений и обязанности участников судопроизводства должны устанавливаться законом, а не технологической концепцией.

Поиск судебной практики и юридическая сопоставимость дел

ИИ находит решения по смыслу запроса, но сходство текстов не означает совпадения юридически значимых обстоятельств. Даже при применении одной статьи закона дела могут различаться редакцией нормы, полномочиями органов и предметом доказывания. Результат поиска остаётся лишь материалом для проверки.

В Постановлении от 18 мая 2026 года № 33-П Конституционный Суд РФ разграничил регулярную очистку федеральных водных объектов и срочные меры муниципалитета по устранению загрязнения. Для решения были существенны правовой режим объекта, характер работ и передача полномочий [8]. ИИ, сопоставляющий такие ситуации только по словам «очистка водоёма», может предложить ложную аналогию.

Предлагается сопровождать каждый результат поиска карточкой: реквизиты и официальный источник акта, редакция применённого закона, предмет спора, существенные факты, правовой вывод и сведения о последующей отмене или изменении решения. Цитату из судебного акта необходимо отличать от пересказа, созданного системой. Проверять следует не только скорость поиска, но и точность сопоставления дел.

Независимость судьи и алгоритмические рекомендации

Особенно чувствительна функция предупреждения о расхождении проекта решения с судебной практикой. Она помогает обнаружить пропущенную позицию, но может создать давление на судью, если рекомендация программы воспринимается как предпочтительный исход. Риск усиливается, когда число отклонённых предложений становится показателем работы судьи. Научные исследования также подчёркивают необходимость сохранения судейского усмотрения [9; 10; 12].

Приложение № 3 к Концепции относит снижение независимости судьи к рискам и среди мер защиты называет мотивировку отклонения ИИ-рекомендации [2]. Однако мотивировка судебного акта и служебная фиксация обращения к программе имеют разное назначение. Суд обязан обосновать решение законом и доказательствами; несогласие с алгоритмом само по себе не свидетельствует о дефекте судебной мотивировки.

Использование сервиса допустимо технически фиксировать. Если он указал значимую правовую позицию, суд проверяет её по первоисточнику и оценивает по обычным правилам. Отдельная обязанность оправдывать отказ от рекомендации ИИ не должна возникать, как и оценка работы судьи по доле совпадений с алгоритмом.

Состязательность и безопасность информации

ИИ-сводка материалов дела может пропустить возражение стороны или объединить разные документы. Переносить её вывод в судебный акт без сверки опасно: согласно статье 84 КАС РФ, доказательства оценивает сам суд [6]. Любое фактическое утверждение, влияющее на исход дела, необходимо проверять по материалам дела, а значимые вопросы обсуждать со сторонами в процессуальном порядке. На подобные риски цифровизации указывают и исследователи [9; 11].

Законы № 152-ФЗ и № 262-ФЗ регулируют обработку персональных данных и доступ к информации о судебной деятельности [4; 5]. Публичность некоторых решений не означает доступности всех материалов дела для внешних ИИ-сервисов. Поэтому необходимы защищённый контур, разграничение прав доступа и минимизация передаваемых данных.

Предлагаемая модель гарантий

Предлагается разделить функции ИИ на два уровня. На техническом он ищет акты, извлекает реквизиты и предоставляет ссылки; здесь приоритетны достоверность и информационная безопасность. На юридически значимом уровне система предлагает предупреждение, сводку доказательств или проект мотивировки. В этом случае необходимы проверка первоисточника и полный контроль судьи с правом отклонить рекомендацию.

Для внедрения модели нужен внутренний стандарт судебных ИИ-сервисов: карточка источника, дата актуальности нормы, запрет вымышленных цитат, защита данных и регистрация ошибок. Проверять сервис следует на делах с небольшими, но решающими различиями: например, с наличием и отсутствием переданного публичного полномочия. Если алгоритм предлагает одинаковый вывод, критерии сравнения следует исправлять. Такой стандарт не заменяет процессуальное законодательство.

Заключение

ИИ ускоряет поиск судебной практики, но не заменяет правовую оценку обстоятельств дела. Его применение недопустимо, если рекомендация подменяет исследование доказательств, ограничивает независимость судьи или затрудняет проверку оснований решения участниками процесса. Предлагаемая двухуровневая модель предусматривает проверяемые источники, контроль юридически значимых рекомендаций и запрет оценивать судью по степени согласия с алгоритмом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными 01.07.2020). URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/8011/ (дата обращения: 10.11.2026).
2. Приказ Председателя Верховного Суда РФ от 03.09.2026 № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» (включая приложения № 2 и 3). URL: https://www.vsrf.ru/about/info/documents_regulations/37649 (дата обращения: 10.11.2026).
3. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. 26.07.2026. № 0001202607260003. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540336/ (дата обращения: 10.11.2026).
4. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 10.11.2026).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 10.11.2026).
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 10.11.2026).

7. Стартовал пилотный проект по применению искусственного интеллекта в федеральных судах // Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие». 26.05.2026. URL: https://iac.cdep.ru/стартовал-пилотный-проект-по-примене/ (дата обращения: 10.11.2026).
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2026 № 33-П по делу о проверке конституционности положений законодательства о местном самоуправлении и об отходах производства и потребления в связи с жалобой администрации городского округа «Город Калининград». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534379/ (дата обращения: 10.11.2026).
9. Маркин В. В., Маркина Е. В. Конституционно-правовые аспекты применения цифровых технологий при осуществлении судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 49. № 1 (69). С. 50–56. DOI: 10.21779/2224–0241–2024–49–1-50–56.
10. Степанов О. А., Басангов Д. А. О пределах использования искусственного интеллекта при подготовке судебных решений // Судья. 2026. № 8. С. 23–27. DOI: 10.52433/18178170_2026_08_23.
11. Чудесенко А. В. Использование технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства: сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности РФ // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53. № 2. С. 120–126. DOI: 10.17323/tis.2025.27373.
12. Порохов М. Ю., Кузнецова Е. М. Судейское усмотрение и искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве: границы и правоприменительные перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 4. С. 66–72. DOI: 10.14258/ralj(2025)4.11.

Проблемы применения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в практике нижестоящих судов

Абрамюк Арина Валерьевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются причины расхождений между конституционно-правовым смыслом нормы и её применением судами при разрешении конкретных дел. На материале постановлений Конституционного Суда Российской Федерации 2025–2026 годов показано, как ошибки в определении полномочий публичного органа, выборе юридически значимых фактов и толковании условий предоставления права влияют на результат спора. Предложен порядок проверки применимости правовой позиции, позволяющий отделить обязательный вывод от особенностей дела.

Ключевые слова: *Конституционный Суд Российской Федерации, судебная практика, конституционно-правовой смысл, единообразие правоприменения, судебная мотивировка, публичные полномочия.*

Постановка проблемы

При применении позиций Конституционного Суда РФ трудность нередко возникает не при поиске постановления, а при определении его значения для конкретного спора. Совпадение статьи закона ещё не означает совпадения юридически значимых обстоятельств. Если суд не объясняет эту связь, страдают правовая определённость и право на судебную защиту [1].

Цель статьи — выявить причины таких ошибок и предложить порядок их предупреждения. Сопоставлены предмет и результаты четырёх дел 2025–2026 годов. Выборка позволяет анализировать аргументацию судов, но не оценивать распространённость ошибок статистически.

Обязательность правовой позиции и пределы её применения

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепляет обязательность решений Суда. Когда выявлен конституционно-правовой смысл нормы, её противоположное истолкование исключается. Признание нормы неконституционной влечёт иные последствия. Поэтому требуется устанавливать точный правовой вывод, его связь с обстоятельствами дела и указания о пересмотре судебных актов [2].

В научной литературе конституционно-согласованное истолкование рассматривается как средство конституционной защиты [8]. Однако оно не освобождает обычный суд от исследования доказательств. Нельзя подменять правовой вывод общими ссылками на справедливость либо распространять его на иной спор без объяснения существенного сходства дел.

Ошибки в определении полномочий публичного органа

Показателен спор администрации Калининграда, рассмотренный в Постановлении от 18 мая 2026 года № 33-П.

Районный суд признал необоснованным возложение на муниципалитет обязанности очищать находящиеся в государственной собственности водоёмы. Апелляционная инстанция отменила решение, посчитав уборку водной поверхности обязанностью местного самоуправления независимо от формы собственности на объект; кассация согласилась с таким подходом [3].

Конституционный Суд разграничил регулярную очистку федерального объекта и срочное участие муниципалитета в устранении загрязнения. Постоянная обязанность не возникает только из расположения водоёма в границах городского округа; при необходимости немедленных мер муниципалитет участвует в ликвидации угрозы с учётом гарантий возмещения расходов. Ошибка нижестоящих судов заключалась в смешении разных оснований обязанности. Правоприменителю следовало проверить режим объекта, передачу полномочий и характер работ [3].

Дополнение закона условием, которого в нём нет

Иной характер имела проблема в деле Е. П. Ростовой. Женщине, родившей и воспитавшей троих детей за пределами современной территории Российской Федерации, отказали в досрочной страховой пенсии. Суды поддержали отказ, сославшись, в частности, на прекращение действия международного соглашения о пенсионном обеспечении. Между тем пункт 1.2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» не связывал соответствующую льготу с местом рождения детей [4].

В Постановлении от 27 апреля 2026 года № 28-П Конституционный Суд отверг ограничительное толкование для ситуации, когда мать и дети являются российскими гражданами и нет международного договора с иным регулированием. При этом достаточность страхового стажа и пенсионного коэффициента должна проверяться в обычном судопроизводстве. Пример показывает две ошибки: добавление к закону отсутствующего условия и возможность игнорирования прочих законных требований после устранения такого ограничения [4].

Формальная оценка служебных отношений

В Постановлении от 5 мая 2026 года № 31-П по жалобе М. М. Долматовой рассматривались последствия перехода сотрудников Федеральной службы судебных приставов на службу в органы принудительного исполнения. После ранее бессрочных служебных отношений заключались срочные контракты на выполнение аналогичных обязанностей. Применение оспоренных норм позволяло прекратить службу по истечении срока без гарантий, смягчающих последствия увольнения [5].

Конституционный Суд признал регулирование неконституционным в выявленной части. Формальное изменение вида службы и срока контракта получило решающее значение без достаточного учёта фактической преемственности отношений. Исправление такой ошибки требует учитывать не просто новый смысл нормы, а последствие признания её неконституционной и указания Суда о пересмотре дела [5].

Добросовестность и способ восстановления права

В Постановлении от 28 января 2025 года № 3-П рассматривались требования о признании отсутствующим права граждан на земельные участки в границах особо охраняемых природных территорий или земель лесного фонда. Защита публичного экологического интереса не исключает проверки добросовестности приобретателя, обстоятельств предоставления участка и заявления об исковой давности [6].

Конституционный Суд не установил общего запрета на прекращение прав на такие участки. Он разграничил основания публичного требования и гарантии добросовестного гражданина, в определённых случаях включая предоставление другого участка либо компенсацию. Ошибка возникает, когда суд решает только вопрос о земельном праве, оставляя без оценки связанные с его прекращением гарантии [6].

Предлагаемый порядок проверки правовой позиции

Сопоставление дел позволяет выделить три различных источника ошибки: неверное определение компетенции публичного органа, добавление не предусмотренного законом условия и игнорирование обстоятельства, от которого зависит объём конституционной гарантии. К ним примыкает самостоятельная проблема выбора правового последствия. Поэтому вместо общего требования «учитывать практику КС РФ» предлагается использовать краткую карту применимости правовой позиции.

Карта должна содержать редакцию применимой нормы; обязательный вывод Конституционного Суда и его фактические предпосылки; сходства и существенные различия с рассматриваемым делом; предусмотренное правовое последствие. Различие обстоятельств имеет значение, только если объяснено, как оно влияет на итог. Это вспомогательный аналитический инструмент, а не обязательная форма судебного акта.

В публично-правовых спорах прежде всего проверяются компетенция органа и основание его решения. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28 июня 2022 года № 21 связывает судебный контроль с проверкой законности действий администрации [7]. Карта применимости помогает не подменять её усмотрение: правовой вывод обязателен в соответствующих пределах, а исследование фактов остаётся задачей суда.

Предложение можно внедрять без изменения процессуальных кодексов: использовать разбор ошибок при повышении квалификации и подготовке тематических обзоров. В каждом примере полезно показывать не только факт отмены решения, но и пропущенный вопрос — о режиме объекта, условии выплаты, преемственности

службы либо компенсации. Это делает рекомендации конкретными и сохраняет самостоятельность судьи.

Заключение

Постановления 2025–2026 годов показывают различную природу ошибок: неверное определение полномочий, добавление не предусмотренного законом ограничения и игнорирование обстоятельств, влияющих на правовую защиту. Единообразие требует общего юридического критерия при сопоставимых фактах, а не одинакового результата во всех похожих делах. Предложенная карта применимости помогает проверять мотивировку и предупреждать необоснованные расхождения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.11.2026).
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 10.11.2026).
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2026 № 33-П по жалобе администрации городского округа «Город Калининград». URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision909841.pdf (дата обращения: 10.11.2026).
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.04.2026 № 28-П по жалобе Е. П. Ростовой. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915/ (дата обращения: 10.11.2026).
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.05.2026 № 31-П по жалобе М. М. Долматовой. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_533645/ (дата обращения: 10.11.2026).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 3-П по жалобам Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/ (дата обращения: 10.11.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/31334 (дата обращения: 10.11.2026).
8. Блохин П. Д. Феномен конституционно-согласованного истолкования в современном праве // Журнал Конституционного правосудия. 2025. № 4. С. 1–8. DOI: 10.18572/2072–4144–2025–4-1–8.

Сделки с жильём, в котором проживают несовершеннолетние: проблемы правового регулирования и гарантии защиты

Абросимова Александра Павловна, студент;
Панова Ирина Вадимовна

Научный руководитель: Максимова Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В работе рассматриваются вопросы защиты несовершеннолетних при продаже и ином отчуждении жилых помещений. На основе норм гражданского и семейного законодательства, Закона об опеке и попечительстве, а также судебных актов выявляются спорные моменты действующего регулирования. В частности, анализируются пределы полномочий органов опеки и возможность судебной защиты ребёнка, чьи интересы оказались нарушены действиями родителей. В заключительной части сформулированы предложения, направленные на более последовательную оценку последствий сделок и предупреждение ухудшения жилищного положения несовершеннолетних.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, жилищные права, сделка с недвижимостью, орган опеки и попечительства, предварительное разрешение, отчуждение жилого помещения, право собственности, право пользования, судебная защита.*

Сделки с жилыми помещениями, в которых проживают несовершеннолетние, относятся к числу наиболее социально значимых гражданско-правовых сделок. Их правовая специфика обусловлена тем, что последствия отчуждения недвижимости могут затронуть не только имущественные интересы собственника, но и право ребёнка на жилище, устойчивость условий его проживания, возможность сохранения привычной социальной среды.

Когда ребёнку принадлежит доля или весь объект недвижимости, законодатель устанавливает специальный механизм предварительного контроля. Если же собственником является родитель, а ребёнок только проживает в помещении, согласие органа опеки требуется не во всех случаях.

При рассмотрении данного вида сделок особое значение имеет определение правового положения несовершеннолетнего при совершении сделок с жилыми помещениями. Исходным для анализа является разграничение права собственности ребёнка и его права пользования жильём. В силу п. 4 ст. 60 Семейного кодекса РФ ребёнок не имеет права собственности на имущество родителей, а родители на имущество ребёнка [4]. Совместное проживание само по себе не приводит к возникновению у несовершеннолетнего доли в праве собственности на квартиру, принадлежащую родителю. Вместе с тем отсутствие права собственности не означает отсутствия жилищных прав: в соответствии с п. 1 ст. 292 ГК РФ члены семьи собственника, проживающие в принадлежащем ему жилом помещении, имеют право пользования им на условиях, предусмотренных жилищным законодательством [2].

За малолетних, не достигших четырнадцати лет, сделки, за исключением прямо предусмотренных п. 2 ст. 28 ГК РФ, совершают от их имени родители, усыновители или опекуны. При этом п. 3 ст. 60 СК РФ распространяет на родителей, управляющих имуществом ребёнка, правила гражданского законодательства о распоряжении имуществом подопечного. В частности, п. 2 ст. 37 ГК РФ запрещает без предварительного разрешения органа опеки совершать сделки по отчуждению имущества подопечного, включая продажу, обмен и дарение, а также иные действия, влекущие уменьшение его имущества [2].

Специальные ограничения закреплены в ст. 20 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Недвижимость, принадлежащая подопечному, по общему правилу не подлежит отчуждению; закон допускает исключения, в частности при перемене места жительства подопечного, совершении выгодной для него мены или ренты, а также в исключительных случаях, если отчуждение отвечает его интересам [5]. Для таких сделок необходимо предварительное разрешение органа опеки и попечительства.

Дополнительной гарантией выступает нотариальная форма. В соответствии с ч. 2 ст. 54 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» сделки по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину, подлежат нотариальному удостоверению [6]. Нотариальная форма обеспечивает дополнительную проверку полномочий представителей, соблюдения требований закона и наличия необходимых разрешений, однако сама по себе не заменяет содержательной оценки того, соответствует ли сделка интересам ребёнка.

Иной правовой режим предусмотрен для ситуации, когда несовершеннолетний не является собственником жилого помещения, а проживает в квартире или доме, принадлежащих родителю либо другому члену семьи. Центральное значение здесь имеет п. 4 ст. 292 ГК РФ. Согласно данной норме отчуждение жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством члены семьи собственника либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника, о чём известно органу опеки и попечительства, если при этом затрагиваются их права или охраняемые законом интересы, допускается с согласия органа опеки и попечительства.

Следовательно, само по себе наличие в квартире зарегистрированного или фактически проживающего ребёнка не означает, что для продажи недвижимости во всех случаях необходимо согласие органа опеки. Данный подход был подтверждён и Решением Верховного Суда РФ от 15 декабря 2008 г. № ГКПИ08–2069, которым признано недействующим положение ведомственной инструкции в части, требовавшей представлять согласие органа опеки при продаже жилья лишь на том основании, что в нём проживают несовершеннолетние, не относящиеся к указанным законом категориям [9].

В целях определения случаев, когда отчуждение жилого помещения требует согласия органа опеки и попечительства, представляется необходимым обратиться к судебной практике, которая помогает разграничить правовое положение несовершеннолетних, находящихся на попечении родителей, и детей, оставшихся без родительского попечения.

Апелляционном определении был отражено, как являлась единственным собственником двухкомнатной квартиры, в которой были зарегистрированы двое её несовершеннолетних детей. После продажи квартиры она намеревалась приобрести другое жилое помещение для семьи. Покупатель обратился с требованиями о признании сделки недействительной, ссылаясь, в частности, на отсутствие согласия органа опеки. Суд установил, что на момент совершения сделки мать не была лишена или ограничена в родительских правах, дети находились на её попечении и обеспечении, а семья не состояла на учёте как семья, оставшаяся без родительского попечения. Кроме того, детям были созданы условия для проживания в другом помещении.

Судебная коллегия пришла к выводу, что согласие органа опеки на отчуждение квартиры не требовалось, отменила решение первой инстанции в части признания договора недействительным и отказала в удовлетворении соответствующих требований [14].

Иной подход продемонстрирован в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.03.2010 № 3-В10–1. Несовершеннолетний К. А. И. проживал и был зарегистрирован в квартире с рождения. Его мать была ограничена в родительских правах, отец лишён родительских прав. Ребёнок был помещён в детский дом, при этом за ним сохранили право пользования спорной квартирой, принадлежавшей отцу на праве соб-

ственности. Впоследствии отец продал квартиру третьему лицу без получения согласия органа опеки и попечительства. Верховный Суд РФ указал, что несовершеннолетний относится к категории детей, оставшихся без родительского попечения, а отчуждение жилого помещения затрагивало его жилищные права. Следовательно, получение согласия органа опеки являлось обязательным. Верховный Суд отменил определение суда кассационной инстанции в соответствующей части и направил дело на новое рассмотрение [15].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 июня 2010 г. № 13-П разъяснил конституционно-правовой смысл п. 4 ст. 292 ГК РФ [8]. Суд исходил из презумпции добросовестности родителей, надлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию и содержанию детей. Поэтому государственное вмешательство в распоряжение принадлежащим родителю жильём не должно быть автоматическим. Вместе с тем эта презумпция не может превращаться в абсолютную: родители не вправе произвольно и необоснованно ухудшать жилищные условия детей, а их действия не должны приводить к лишению ребёнка жилища. Суд признал, что буквальное применение п. 4 ст. 292 ГК РФ без возможности оценить такие обстоятельства создавало бы несоразмерное ограничение права ребёнка на жилище и судебную защиту.

Не менее важным аспектом является пониманием того, что предварительное разрешение органа опеки представляет собой не формальное согласование сделки, а публично-правовую гарантию, призванную предотвратить уменьшение имущества ребёнка или нарушение его жилищных интересов. Статья 21 Закона № 48-ФЗ предусматривает письменную форму предварительного разрешения либо отказа и устанавливает срок их предоставления — не позднее пятнадцати дней со дня подачи заявления [5]. Отказ должен быть мотивирован и может быть оспорен в судебном порядке. Правила ст. 21 распространяются также на выдачу согласия на отчуждение жилого помещения в случаях, предусмотренных п. 4 ст. 292 ГК РФ.

Решая вопрос о допустимости отчуждения, органу опеки следует оценивать не только комплектность представленных документов. Существенно то, что именно изменится в положении несовершеннолетнего после сделки. Если ребёнку принадлежит доля, необходимо сопоставить её стоимость и размер с тем, что он получит взамен.

Показательной является позиция Верховного Суда РФ, изложенная в Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 24 апреля 2012 г. № 49-В12–1 [7]. В рассматриваемом деле орган опеки разрешил продажу принадлежавшей несовершеннолетним квартиры при условии одновременного приобретения другого жилого помещения с предоставлением каждому ребёнку по 1/2 доли. Однако приобретённый впоследствии дом стоил значитель3но дешевле проданной квартиры, а доказательства использования разницы в стоимости в интересах детей отсутствовали. Кроме того, несовершеннолетние указывали на невозможность проживания в новом доме в зимний период. Верховный Суд РФ признал эти обстоятельства юридически значимыми и указал на необходимость проверки фактического соблюдения имущественных прав детей, отменив ранее принятые судебные акты и направив дело на новое рассмотрение.

Указанный подход прослеживается и в практике судов общей юрисдикции. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 ноября 2023 г. № 8Г-23755/2023 рассматривался спор о продаже квартиры, принадлежавшей матери и двум несовершеннолетним детям. Орган опеки разрешил отчуждение детских долей при условии приобретения для них другого равноценного жилья. Однако это условие выполнено не было, в результате чего дети лишились принадлежавших им долей и не получили другого жилого помещения в собственность. Судебная коллегия оценивала не только наличие разрешения органа опеки, но и фактическое исполнение установленных им условий, а также последствия сделки для жилищных прав детей [10].

Сходная позиция отражена в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2024 г. № 8Г-9328/2024. При рассмотрении спора о продаже доли несовершеннолетнего суды учитывали отсутствие приобретённого взамен жилья, неисполнение условий разрешения органа опеки, а также осведомлённость покупателя об ограничениях, установленных при отчуждении имущества ребёнка. Существенное значение имело и то, что покупатель располагал возможностью проверить соблюдение указанных условий, но не предпринял необходимых мер [11].

Таким образом, при оценке сделок с недвижимостью, принадлежащей несовершеннолетним, судебная практика ориентируется на совокупность обстоятельств: сохранение имущественных прав ребёнка, предоставление ему другого жилого помещения, фактическое исполнение условий разрешения органа опеки и осведомлённость приобретателя о возможных нарушениях. Само по себе получение предварительного разрешения не исключает последующей судебной проверки законности сделки.

Практическое применение указанных норм и положений выявляет ряд проблем, возникающих при участии в сделках несовершеннолетних. Первая из них состоит в разграничении сделок с имуществом ребёнка и сделок с жильём, принадлежащим взрослому, где несовершеннолетний только проживает. На практике эти ситуации могут смешиваться, что приводит как к необоснованному требованию согласия органа опеки при любой продаже квартиры с зарегистрированным ребёнком, так и к противоположной ошибке, а именно к игнорированию имущественных прав ребёнка, если он является собственником доли. Вторая проблема связана с неоднородностью оценки выгодности сделки органами опеки. Закон закрепляет общие критерии защиты интересов подопечного, однако не устанавливает исчерпывающей системы параметров для сравнения отчуждаемого и приобретаемого жилья. В результате сходные по обстоятельствам ситуации могут

получать различную оценку. Третья проблема связана с формальным учетом мнения несовершеннолетнего при принятии решений, затрагивающих его жилищные права. Само наличие подписи законного представителя или отметки о выяснении мнения ребёнка не гарантирует, что его позиция была свободно выражена. Поэтому целесообразно предусмотреть обязательную фиксацию способа и результатов выяснения мнения ребёнка, достигшего десяти лет, а при наличии конфликта интересов между ним и законным представителем возможность обеспечить участие независимого представителя либо иного уполномоченного лица.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о последствиях заключения сделки без требуемого предварительного разрешения. По общему правилу ст. 173.1 ГК РФ сделка, для которой закон предусматривает согласие государственного органа, является оспоримой, если из закона не следует иное [2]. Для её признания недействительной имеет значение, знала ли другая сторона или должна ли была знать об отсутствии необходимого согласия. Одновременно ч. 4 ст. 21 Закона № 48-ФЗ возлагает на орган опеки обязанность обратиться в суд с требованием о расторжении договора, заключённого от имени подопечного без предварительного разрешения, за исключением случая, когда договор заключён к выгоде подопечного [5]. Следовательно, правовая оценка зависит от конкретного основания сделки, статуса несовершеннолетнего и применимой нормы; сам факт отсутствия разрешения ещё не позволяет без анализа объявить договор ничтожным.

В этой связи целесообразно устранить неопределённость при применении общих положений ГК РФ и специальных норм Закона № 48-ФЗ. Законодатель мог бы яснее обозначить последствия не только полного отсутствия предварительного разрешения, но и отступления от условий, на которых оно было выдано. При выборе способа защиты необходимо принимать во внимание, насколько существенно нарушены права ребёнка, действовал ли приобретатель добросовестно и возможно ли восстановить положение несовершеннолетнего иным способом. Такой подход позволил бы не допускать ни безнаказанного нарушения детских прав, ни автоматического возложения всех негативных последствий на добросовестных участников оборота.

Правовое регулирование сделок с жилыми помещениями, в которых проживают несовершеннолетние, основано на необходимости согласования двух начал: защиты права ребёнка на жилище и имущественных интересов собственника. Для повышения эффективности защиты необходимо обеспечить единообразную оценку последствий сделок, содержательное выяснение мнения ребёнка, конкретизацию критериев выдачи разрешений и согласование гражданско-правовых последствий их отсутствия или нарушения. Приоритетом должно оставаться не сохранение недвижимости любой ценой, а недопущение необоснованного ухудшения положения несовершеннолетнего и обеспечение ему реальной, а не декларативной возможности пользоваться безопасным и пригодным для проживания жильём.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026)// КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026)// КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
5. Федеральный закон от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об опеке и попечительстве» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
6. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2026) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
7. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2012 г. N 49-В12–1 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 N 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
9. Решение Верховного Суда РФ от 15.12.2008 N ГКПИ08–2069 «О признании частично недействующим абзаца третьего пункта 8 Инструкции о порядке государственной регистрации договоров купли-продажи и перехода права собственности на жилые помещения, утв. Приказом Минюста РФ от 06.08.2001 N 233(с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2026)» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).

10. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 ноября 2023 г. № 8Г-23755/2023// КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
11. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2024 г. № 8Г-9328/2024// КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
12. Рачилина Д. Ю. Обеспечение жилищных прав несовершеннолетних при совершении сделок // Вестник науки. 2025. № 8 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zhilischnyh-prav-nesovershennoletnih-pri-sovershenii-sdelok (дата обращения: 30.10.2026).
13. Тарасова А. Е. Правовое значение предварительного разрешения органов опеки и попечительства на сделки с имуществом несовершеннолетних // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-znachenie-predvaritelnogo-razresheniya-organov-opeki-i-popechitelstva-na-sdelki-s-imuschestvom-nesovershennoletnih (дата обращения: 30.10.2026).
14. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14.03.2014 по делу № 33-2115/2014// КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
15. Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2010 № 3-В10-1. // КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/law/podborki/soglasie_organov_opeki_na_sdelku/

Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения и расторжения договора страхования

Абросимова Анастасия Антоновна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

В статье исследуется проблема применения института существенного изменения обстоятельств к договорам страхования с учётом их алеаторного (рискового) и длящегося характера. На основе анализа доктринальных позиций и актуальной судебной практики выявляются критерии, при которых изменение обстоятельств может быть признано существенным, а также определяются пределы судейского усмотрения при адаптации страхового договора. Обосновывается вывод об исключительном характере применения данной нормы к страховым отношениям и формулируются предложения по внедрению в договоры страхования специальных адаптационных оговорок.

Ключевые слова: *договор страхования, существенное изменение обстоятельств, статья 451 ГК РФ, алеаторный договор, расторжение договора, страхование жизни.*

Вопрос о допустимости применения статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) к договору страхования относится к числу дискуссионных в цивилистической доктрине. Специфика страхового обязательства, обусловленная его рисковым характером, предопределяет особое отношение к институту существенного изменения обстоятельств: стороны, вступая в страховое отношение, сознательно принимают на себя риск наступления неблагоприятных событий. Вместе с тем буквальное содержание ст. 451 ГК РФ не содержит прямого запрета на её применение к алеаторным договорам, что порождает неопределённость как в доктрине, так и в правоприменительной практике [1].

В доктрине длительное время господствовала позиция, согласно которой алеаторные договоры не могут быть, по общему правилу, расторгнуты или изменены по ст. 451 ГК РФ, что определяется их особой природой. Однако, как справедливо указывается в новейших исследованиях, ст. 451 ГК РФ прямо не устанавливает такого запрета; она лишь указывает, что существенное изменение обстоятельств является основанием для изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Представляется, что превращать данное ограничение в абсолютное недопустимо: вполне вероятна ситуация, когда вследствие резких экономических колебаний дальнейшее исполнение договора станет для страхователя чрезвычайно обременительным, и при этом будут иметь место все иные признаки существенного изменения обстоятельств, предусмотренные п.2 ст. 451 ГК РФ [1].

Анализ актуальной судебной практики демонстрирует, что суды последовательно отказывают в признании инфляции, девальвации и санкционных ограничений существенным изменением обстоятельств, квалифицируя их как обычные предпринимательские риски. Сфера применения данной нормы к страховым отношениям ограничивается действительно экстраординарными ситуациями, выходящими за пределы обычного страхового риска.

Самостоятельный аспект проблемы связан с соотношением ст. 451 ГК РФ и специальных норм о страховании. Ст. 959 ГК РФ предоставляет страховщику право требовать из-

менения условий договора или его расторжения при увеличении страхового риска [2]. Представляется, что данная специальная норма не вытесняет общее правило ст. 451 ГК РФ. Ведь ст. 959 регулирует отношения, связанные с изменением обстоятельств, влияющих на увеличение риска, тогда как ст. 451 охватывает более широкий круг ситуаций, связанных с существенным изменением обстановки в целом.

В исследовании В. А. Горбача, посвящённом страхованию жизни, специально подчёркивается, что при нарушении информационной обязанности страховщика приоритет отдаётся нормам о недействительности сделок и защите прав потребителей, а не ст. 451 ГК РФ [3]. Данный вывод позволяет разграничить последствия пороков заключения договора и последствия изменения обстановки в период его действия.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях расторжения договора страхования жизни в связи с существенным изменением обстоятельств. Согласно п. 4 ст. 453 ГК РФ, стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон [1]. Применительно к страхованию это означает, что уплаченная страховая премия по общему правилу не подлежит возврату, что создаёт для страхователя существенный имущественный риск. В литературе обоснованно обращается внимание на то, что данное правило, будучи рассчитанным на ординарные договорные отношения, не в полной мере учитывает специфику долгосрочного страхования жизни, где размер премии формируется с учётом длительного срока и инвестиционной составляющей. Представляется, что при расторжении договора страхования жизни по основанию, предусмотренному ст. 451 ГК РФ, целесообразно предусмотреть специальное правило о возврате страхователю части страховой премии, соответствующей неистекшему сроку страхования, что позволило бы обеспечить баланс интересов сторон и снизить негативные последствия для страхователя.

Не менее важным аспектом является процессуальный порядок применения ст. 451 ГК РФ к договору страхования. Согласно п. 2 ст. 452 ГК РФ, требование об изменении или о расторжении договора может быть заявлено в суд только после получения отказа другой стороны на предложение изменить или расторгнуть договор либо неполучения ответа в срок, указанный в предложении или установленный законом либо договором, а при его отсутствии в тридцатидневный срок. В судебной практике встречаются случаи, когда страхователи обращаются в суд с иском о расторжении договора страхования, минуя стадию досудебного урегулирования, что влечёт оставление иска без рассмотрения.

Перспективным направлением повышения договорной определённости является внедрение в договоры страхования адаптационных оговорок, позволяющих изменять или расторгать обязательства при наступлении заранее согласованных событий без обращения к жёстким критериям ст. 451 ГК РФ.

Таким образом, применение ст. 451 ГК РФ к договору страхования жизни не исключается полностью, однако ограничивается сферой страхового риска и возможно лишь в исключительных случаях, когда изменение обстоятельств носит экстраординарный характер. Судебная практика подтверждает исключительный характер данной нормы, а разграничение последствий пороков заключения договора и изменения обстановки в период его действия позволяет обеспечить правовую определённость. Целесообразно внедрение в договоры страхования адаптационных оговорок, позволяющих сторонам гибко реагировать на изменение обстановки без обращения к жёстким критериям ст. 451 ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Горбач В. А. Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора страхования жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2026. Т. 19. № 4. С. 119–125.

Увеличение страхового риска в период действия договора страхования

Абросимова Анастасия Антоновна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Статья посвящена анализу правовых последствий увеличения страхового риска в период действия договора страхования. Рассматриваются дискуссионные вопросы о соотношении права страховщика требовать изменения условий договора или расторжения договора, а также о пределах судебного контроля за реализацией данного права. Обосновы-

вается необходимость дифференцированного подхода к оценке существенности изменения обстоятельств и предлагаются критерии разграничения добросовестного и недобросовестного поведения страховщика.

Ключевые слова: *страхование, увеличение страхового риска, изменение договора, расторжение договора, злоупотребление правом.*

Институт увеличения страхового риска в период действия договора страхования занимает особое место в системе динамики страхового обязательства. В отличие от существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) [1], применяемого судом, ст. 959 ГК РФ предоставляет страховщику одностороннее право требовать изменения условий договора или его расторжения при наступлении обстоятельств, существенно влияющих на увеличение вероятности страхового случая [2]. Однако реализация данного права порождает ряд теоретических и практических проблем, связанных с определением критериев существенности изменения риска и недопустимостью злоупотребления правом со стороны страховщика.

Согласно п. 1 ст. 959 ГК РФ, в период действия договора имущественного страхования страхователь (выгодоприобретатель) обязан незамедлительно сообщать страховщику о ставших ему известных значительных изменениях в обстоятельствах, сообщённых страховщику при заключении договора, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска. Значительными во всяком случае признаются изменения, оговорённые в договоре страхования (страховом полисе) и в переданных страхователю правилах страхования.

Страховщик, уведомлённый об обстоятельствах, влекущих увеличение страхового риска, вправе потребовать изменения условий договора страхования или уплаты дополнительной страховой премии соразмерно увеличению риска. Если страхователь возражает против изменения условий договора или доплаты страховой премии, страховщик вправе потребовать расторжения договора в соответствии с правилами, предусмотренными главой 29 ГК РФ. При этом ст. 959 ГК РФ устанавливает исчерпывающий перечень прав страховщика, которые он может реализовать после уведомления об увеличении страхового риска со стороны страхователя [2].

В судебной практике встречаются примеры, когда действия страховщика, формально соответствующие ст. 959 ГК РФ, расценивались как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Так, в одном из дел суд указал, что переход права собственности на застрахованное имущество не являлся значительным изменением в обстоятельствах, сообщённых страхователем при заключении договора, а действия страховой организации по направлению дополнительного соглашения на предложенных ею условиях являлись злоупотреблением правом [3]. Данный пример иллюстрирует, что реализация страховщиком права требования изменения условий договора не должна превращаться в инструмент необоснованного прекращения страховой защиты.

Отдельного внимания заслуживает правило п. 4 ст. 959 ГК РФ, согласно которому страховщик не вправе требовать расторжения договора страхования, если обстоятельства, влекущие увеличение страхового риска, уже отпали [2]. Данная норма направлена на защиту интересов страхователя и предотвращение необоснованного прекращения страховой защиты в ситуации, когда риск уже перестал существовать.

Дискуссионным остаётся вопрос о критериях «существенности» увеличения риска. Законодатель не раскрывает данного понятия, что создаёт почву для произвольного усмотрения страховщика. Представляется, что существенность увеличения риска должна оцениваться с учётом того, повлияло ли изменение обстоятельств на вероятность наступления страхового случая настолько, что страховщик, знай он об этом при заключении договора, либо отказался бы от его заключения, либо существенно изменил бы условия страхования [4].

Таким образом, право страховщика требовать изменения или расторжения договора при увеличении страхового риска (ст. 959 ГК РФ) не является абсолютным и ограничивается требованиями добросовестности. Ст. 959 ГК РФ устанавливает исчерпывающий перечень прав страховщика, не подлежащий расширительному толкованию, а судебная практика демонстрирует, что формально правомерные действия страховщика могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, если увеличение риска не носило действительно существенного характера. Правило п. 4 ст. 959 ГК РФ о невозможности расторжения договора при отпадении обстоятельств, увеличивших риск, выполняет защитную функцию и должно применяться с учётом конкретных обстоятельств дела. Дальнейшее совершенствование правового регулирования в этой сфере должно быть направлено на уточнение критериев существенности увеличения страхового риска и на создание правовых механизмов, препятствующих недобросовестному использованию страховщиком предоставленных ему законом правомочий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 10.10.2023 № 53-КГ23–18-К8.
4. Кратенко М. В. Увеличение страхового риска в период действия договора страхования: правовые последствия // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 67–79.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011.

Систематизация неналоговых платежей в РФ

Алексеева Мария Алексеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена проблеме систематизации неналоговых платежей в Российской Федерации, которая сохраняет высокую актуальность ввиду отсутствия единого кодифицированного акта и разрозненности правового регулирования. Анализируется правовая природа неналоговых платежей, отмечается отсутствие их легального определения и размытость границ с налоговыми доходами бюджетной системы. Выявлены основные недостатки действующего регулирования, среди которых множественность администраторов, отсутствие единого перечня и значительная фискальная нагрузка на хозяйствующих субъектов в настоящее время. Рассмотрены доктринальные подходы к систематизации, включая инкорпорацию в Налоговый кодекс и принятие самостоятельного закона. Обосновывается перспективность внедрения института обязательных публичных платежей. Делается вывод о необходимости создания единого реестра и принятия рамочного законодательства как условий повышения прозрачности и предсказуемости фискальной политики государства.

Ключевые слова: *неналоговые платежи, систематизация, обязательные публичные платежи, налоговый кодекс, правовое регулирование*

Проблема систематизации неналоговых платежей в Российской Федерации по-прежнему остается одной из наиболее дискуссионных в современной финансово-правовой науке и законотворческой практике. Несмотря на многолетние обсуждения и неоднократные попытки законодательного урегулирования, единый подход к пониманию правовой природы неналоговых платежей, их классификации и порядку взимания до настоящего времени не выработан.

Актуальность систематизации неналоговых платежей напрямую связана с эффективностью бюджетного администрирования и прозрачностью фискальной системы РФ. Во многих странах существует разрозненная масса обязательных платежей, которые не относятся к налогам. Их плохо организованное правовое регулирование приводит к серьезным проблемам для компаний, которые несут административные издержки из-за необходимости разбираться в противоречивых ведомственных актах, а также для государства, которое может недополучать доходы из-за сложности контроля и учета поступлений. Систематизация дает возможность объединить неналоговые платежи в единую систему, установив для них общие правила исчисления, уплаты и ответственности.

Без четкой системы и классификации невозможно отличить фискальный инструмент от платы за реально оказанную публичную услугу. Систематизация также является необходимым условием для цифровизации, потому что только при наличии единых стандартов можно настроить эффективную работу информационных систем, автоматизировать сверки и обеспечить корректное распределение средств между бюджетами разных уровней.

В настоящее время определение неналоговых платежей законодательно не установлено. Основным признаком, объединяющим неналоговые платежи с налогами, является публичность их установления. Бюджетный кодекс РФ относит к неналоговым доходам: доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности; платежи при пользовании природными ресурсами; доходы от оказания платных услуг и компенсации затрат государства; административные платежи и сборы; штрафы, санкции, возмещение ущерба. Однако также существует масса платежей, которые не зачисляются в бюджеты, а поступают в пользу специализированных организаций, но при этом носят обязательный характер.

Система действующего правового регулирования неналоговых платежей в Российской Федерации представляет собой фрагментированный массив нормативных актов, не объединенных единым кодифицированным документом. Значительная часть норм, регулирующих неналоговые платежи, сосредоточена на подзаконном уровне — в постановлениях Правительства и приказах министерств. Государственные пошлины занимают двойственное положение: законодательно они указаны в Налоговом кодексе, но по экономической природе их относят к неналоговым сборам.

Анализ действующего регулирования позволяет выделить проблему множественности администраторов неналоговых платежей. В отличие от налогов, где основным

администратором выступает Федеральная налоговая служба, неналоговые платежи распределены между множеством различных органов и организаций. Для плательщика взаимодействие с разными ведомствами становится серьезной проблемой, так как каждое ведомство имеет собственные формы документов, сроки уплаты и процедуры сверки. Невозможность централизованно отследить все начисления приводит к техническим ошибкам, задолженностям и судебным спорам. Государство не может в полной мере планировать поступления в бюджет, а также не в состоянии своевременно выявлять схемы уклонения от уплаты неналоговых сборов. Также появляются коррупциогенные риски.

Современные исследователи выделяют проблему размытости границ между налоговыми и неналоговыми платежами. Бюджетный кодекс лишь перечисляет виды неналоговых доходов, не раскрывая их сущностных отличий от налогов. Это приводит к ситуации, когда один и тот же по экономической природе платеж может быть отнесен то к налогам, то к неналоговым сборам в зависимости от ведомственных интересов.

Систематизация неналоговых платежей представляет собой комплексную задачу, направленную на упорядочение разрозненных обязательных сборов и поступлений, не отнесенных к налоговым доходам. В рамках структурирования необходимо провести инвентаризацию существующих платежей, выработать концептуальные основы их правового регулирования, устранить внутренние коллизии и унифицировать процедуры администрирования.

В Российской Федерации движение в сторону систематизации началось с передачи администрирования страховых взносов в ФНС, создания перечня платежей, администрируемых налоговыми органами, а также внедрения ГИС ГМП. Однако эти меры носят фрагментарный характер и не решают системных проблем.

В научных работах рассматривают несколько подходов. Первый — сведение всех нормативных актов в единый официальный реестр без изменения содержания норм. Это позволяет быстро найти информацию о платежах, но не решает проблем правовых коллизий и разрозненности контроля. Более глубокий подход — функциональный: передача разнородных платежей в ведение единого администратора (налоговой службы) с сохранением нормотворческих полномочий за профильными ведомствами. Наиболее системный подход — кодификация, предполагающая разработку самостоятельного Кодекса неналоговых платежей или включение раздела о неналоговых доходах в Налоговый кодекс.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что система правового регулирования неналоговых платежей в РФ в целом выполняет свои фискальные функции, однако обладает значительным потенциалом для дальнейшего упорядочения и повышения эффективности. Отсутствие единого систематизирующего акта, разрозненность нормативного материала и множественность контролирующих органов создают определенные сложности для плательщиков и затрудняют осуществление бюджетного контроля. Любые преобразования в данной сфере требуют тщательной предварительной проработки и учета правоприменительной практики, чтобы избежать необоснованного увеличения фискальной нагрузки. Систематизация неналоговых платежей представляет собой перспективное направление развития финансового законодательства, реализация которого позволит повысить удобство исполнения публичных обязанностей для плательщиков и укрепить доверие к бюджетной системе Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.11.2026).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 05.08.2000 № 117-ФЗ: (ред. от 04.08.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 10.11.2026).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): от 31.07.1998 № 146-ФЗ: (ред. от 04.08.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 12.11.2026).
4. Артемов, Н. М. Проблемы правового регулирования неналоговых доходов государства: монография / Н. М. Артемов. — Москва: Проспект, 2021. — 192 с. — ISBN 978–5-392–34088–0.
5. Гончаренко, Л. И. Налоги и налоговая система Российской Федерации: учебник для вузов / Л. И. Гончаренко [и др.]; под редакцией Л. И. Гончаренко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 450 с. — ISBN 978–5-534–17643–2.
6. Павлов, П. В. Налоговый менеджмент и планирование в организации: учебное пособие / П. В. Павлов. — Москва: Юрайт, 2023. — 183 с. — ISBN 978–5-534–13291–1.
7. Колкарева, И. Н. Парафискальные платежи в России: состояние и направления реформирования / И. Н. Колкарева, Э. Н. Колкарева // Сфера услуг: инновации и качество. — 2017. — № 28. — С. 46–52.
8. Парафискальные платежи: опрос ТПП РФ // Налоговед. Журнал для профессионалов в налогообложении: [сайт]. — 2025. — 19 дек. — URL: https://nalogoved.ru/news/16147.html (дата обращения: 03.08.2026).

9. Миронова, С. М. Современное правовое регулирование публичных неналоговых платежей в Российской Федерации / С. М. Миронова, И. В. Куркин // Парадигмы управления, экономики и права. — 2020. — № 2. — С. 203–210.
10. Штогрин, С. И. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ проблем установления и классификации неналоговых платежей и платежей, имеющих признаки налогов» / С. И. Штогрин // Бюллетень Счетной палаты. — 2019. — № 9 (261). — С. 55–108.
11. Корнев, А. Д. Признаки фискальных сборов и парафискалитетов / А. Д. Корнев // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 7 (80). — С. 28–38. — DOI: 10.17803/1994–1471.2017.80.7.028–038.
12. Бахрах, Д. Н. Административное право России: учебник для вузов / Д. Н. Бахрах. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Эксмо, 2010. — 607 с. — ISBN 978–5-699–40071–3.

Принципы административного порядка рассмотрения обращений в органах местного самоуправления: теоретическое обоснование и правовое закрепление

Алексеевская Анна Александровна, студент магистратуры
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета

В статье исследуются теоретические основания и нормативное закрепление принципов административного порядка рассмотрения обращений граждан органами местного самоуправления. Анализируются фундаментальные требования к организации процедур рассмотрения обращений, включая прозрачность, оперативность, беспристрастность и доступность административных услуг. Автор выделяет системные проблемы реализации этих принципов, связанные с институциональной неоднородностью муниципального управления, и обосновывает необходимость совершенствования механизмов правового регулирования и повышения качества муниципальной коммуникации.

Ключевые слова: *местное самоуправление, административная процедура, обращения граждан, принципы рассмотрения, правовое регулирование, муниципальное управление, публичные услуги.*

Эффективная система рассмотрения обращений граждан в органах местного самоуправления является индикатором зрелости демократических институтов и уровня реальной доступности публичной власти. В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к проблеме совершенствования административных процедур, обеспечивающих оперативность, прозрачность и юридическую определённость взаимодействия населения с муниципальными структурами [5].

В центре этой проблематики находятся принципы административного порядка рассмотрения обращений, которые выступают не только нормативной основой регламентации соответствующих процессов, но и концептуальной рамкой, определяющей качество муниципального управления и степень доверия к нему.

Теоретическое обоснование принципов административного порядка восходит к фундаментальным представлениям о публичной власти как системе, обязанной действовать в интересах общества, соблюдать стандарты законности и открытости, обеспечивать защиту прав каждого субъекта, обращающегося за её содействием.

В этой связи принципы приобретают роль своеобразных ориентиров, задающих пределы усмотрения и формирующих устойчивую практику, непротиворечивую как внутри отдельного органа, так и в масштабах всей муниципальной системы. Они обеспечивают согласование интересов публичной власти и граждан, препятствуют произволу, а также позволяют выстраивать процедуры таким образом, чтобы они были не только формально корректными, но и содержательно справедливыми.

Одним из фундаментальных принципов является принцип законности, который выражается в требовании точного и неуклонного соблюдения нормативных актов при приёме, регистрации, обработке и разрешении обращений [2]. Он задаёт строгие рамки для действий должностных лиц, исключая возможность произвольной трактовки требований или недобросовестного затягивания процедур. В практическом плане законность выступает гарантом одинакового отношения ко всем участникам процесса, формируя единый стандарт обработки обращений независимо от их природы, содержания или субъекта подачи.

Наряду с законностью важную роль играет принцип доступности. Он предполагает, что граждане должны иметь возможность обращаться в органы местного самоуправления свободно, без чрезмерных процедурных барьеров, в удобной форме и через различные каналы, включая современные электронные платформы.

Доступность помогает преодолеть социальные, территориальные и информационные препятствия, обеспечивая реальную связь органов власти с населением [4]. В условиях стремительного развития цифровизации данный принцип расширяется, приобретая новые организационные и технологические измерения.

Принцип открытости и прозрачности также занимает центральное место в системе административных принципов. Он требует, чтобы деятельность муниципальных органов при рассмотрении обращений была понятной, контролируемой и подотчётной. Гражданин должен понимать, на какой стадии находится его обращение, какие решения принимаются и по каким основаниям. Прозрачность формирует доверие к муниципальной власти и способствует снижению конфликтности, поскольку исключает тайность и неопределённость, создающие почву для домыслов и недовольства.

Не менее значим принцип объективности, который предполагает беспристрастное, всестороннее и полное изучение обстоятельств, изложенных в обращении [3]. Его реализация направлена на недопущение принятия решений под влиянием личных предпочтений или внешнего давления. Объективность опирается на профессионализм муниципальных служащих, обеспечивающих аналитическую и доказательную обоснованность каждого решения. Этот принцип тесно связан с требованием мотивированности ответов, что повышает предсказуемость административных действий и позволяет гражданину оценить обоснованность решения.

В контексте муниципального управления особое значение приобретает принцип оперативности. Он выражается в обязанности органов местного самоуправления рассматривать обращения в разумные, установленные законом сроки, обеспечивая своевременное реагирование на запросы населения. Слишком длительное разрешение обращения снижает эффективность управления, препятствует решению социально значимых проблем и формирует ощущение равнодушия власти к потребностям населения. Оперативность не должна подменять тщательность анализа, но должна обеспечивать баланс между скоростью и полнотой процедуры.

Важным элементом системы является принцип недопустимости злоупотребления правом со стороны как граждан, так и должностных лиц [1]. Он направлен на предотвращение ситуаций, когда процесс рассмотрения обращений используется для давления, блокирования деятельности муниципальных органов или ради личной выгоды. Для служащих этот принцип означает необходимость воздерживаться от излишнего формализма, избирательного подхода и иных форм недобросовестного поведения. На уровне организационного регулирования данный принцип укрепляет дисциплину и позволяет поддерживать устойчивость процедур.

Принципы административного порядка получили разностороннее и достаточно подробное закрепление в нормативных актах, прежде всего в федеральном законодательстве об обращениях граждан, актах, регулирующих местное самоуправление, а также в муниципальных уставах и административных регламентах.

Таким образом, можно подытожить, что принципы административного порядка рассмотрения обращений в органах местного самоуправления фактически предстают в качестве фундамента и основы организации сложного взаимодействия граждан с властями. Приведенные ранее принципы как раз задают стандарты поведения муниципальных и государственных служащих, являются для них средством формирования моделей коммуникации с гражданами. Именно благодаря существованию и функционированию перечисленных принципов, эта система имеет предсказуемый и стабильный характер.

При этом, теоретическое обоснование и правовое закрепление этих принципов создают условия для дальнейшего совершенствования муниципальной деятельности, повышения её открытости и ориентации на реальные запросы населения. Именно в гармоничном сочетании юридической регламентации и научно выверенных подходов к публичному управлению проявляется способность муниципальной власти служить подлинным инструментом защиты и продвижения интересов местного сообщества.

Литература:

1. Ахметьянова З. А., Шакиров И. И. Принцип недопустимости злоупотребления правом // ВЭПС. 2024. № 2. С. 79–84.
2. Ашхотова Л. А. К вопросу о сущности принципа законности // Право и управление. 2024. № 7. С. 33–35.
3. Беженцев А. А. Принципы административной ответственности: нетрадиционный взгляд // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 103–111.
4. Тремполец Л. А. Принцип доступности в системе принципов административного судопроизводства РФ: проблемы определения и закрепления // Образование и право. 2022. № 6. С. 154–158.
5. Смертина Ю. Р. Особенности работы с обращениями граждан в органах местного самоуправления Российской Федерации // Экономика и социум. 2020. № 12–2 (79). С. 148–151.

Трансформация правового режима предупреждений о вреде здоровью при осознанном риске

Белоусова Алёна Шамилевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Трансформация правового режима предупреждений о вреде здоровью при осознанном риске представляет обширную категорию. В целях обеспечения глубины анализа автор фокусируется на обороте табачной и алкогольной продукции. Предметная область демонстрирует наиболее рельефную динамику. В работе проведен сравнительный анализ текстовых и графических предупреждений. Автор показывает разницу в влиянии на рациональное и эмоциональное восприятие субъекта. Исследована эволюция государственного подхода. От информирования к модели административного и экономического контроля. Установлено, что внедрение новых ограничительных механизмов провоцируют ответную адаптацию населения. Сформулирована авторская гипотеза о причинах уязвимости современного потребителя. Историко-правовое сопоставление советского и современного российского периодов показывает, что формальные нормы и доступность продукции не претерпели радикальных изменений. Сдвиг заключается в фактической утрате института общественного порицания. Ликвидация внешнего морального контроля повышает его подверженность.

Ключевые слова: *осознанный риск, предупреждение, общественное порицание, табачная и алкогольная продукция.*

Transformation of the legal regime for health warnings regarding known risks

The transformation of the legal regime governing health warnings in the context of conscious risk constitutes a broad conceptual category. To ensure analytical depth, the author focuses specifically on the circulation of tobacco and alcohol products. This subject area demonstrates the most pronounced evolutionary dynamics. The study conducts a comparative analysis of textual and graphic warnings. The author highlights the divergent impacts these formats have on the rational and emotional perception of the subject. The research traces the evolution of the state approach from basic information disclosure to a model of strict administrative and economic control. The analysis establishes that the introduction of new restrictive mechanisms provokes a responsive adaptation among the population. The author formulates a hypothesis regarding the underlying causes of the modern consumer's vulnerability. A historical and legal comparison of the Soviet and modern Russian periods reveals that formal norms and product availability have not undergone radical transformations. The fundamental shift lies in the actual disappearance of the institution of public censure. The elimination of this external moral control significantly increases individual susceptibility to harmful habits.

Keywords: *conscious risk, health warning, public censure, tobacco and alcohol products.*

Предупреждение о вреде здоровью — сложный конструкт. Рассматриваемый институт информирует человека о потенциальных рисках для здоровья, связанных с определённым действием, товаром, услугой или условием среды. Прямая цель — дать субъекту возможность принять осознанное решение или снизить вероятность негативных последствий. Само по себе наличие предупреждения далеко не всегда снимает ответственность с лица, предоставляющего риск. Априори — информация, формально доведенная до сведения потребителя [1].

Юридическая презумпция осознанности не гарантирует рационального поведения. С точки зрения поведенческой экономики, психологии и теории принятия решений, человек оценивает риск через призму субъективных фильтров. К ним относятся эмоции, когнитивные искажения и социальный контекст. Осознанный риск выступает здесь не столько как объективная правовая оценка, сколько как субъективный выбор.

Возникает закономерный вопрос. Если риск очевиден и документально подтверждён, почему государство не запрещает оборот подобной продукции полностью, как это практиковалось в исторической ретроспективе. Ответ кроется в сложном балансе интересов и глубоком понимании природы самого риска. Исторические эксперименты с тотальными запретами, такие как «сухой закон», продемонстрировали свою контрпродуктивность. Полный запрет не решает социальных проблем. Современная правовая стратегия сместилась в сторону управления риском. Государство признаёт, что полностью исключить риск невозможно, но минимизировать его негативные последствия возможно. К таким мерам относятся ограничения рекламы, установление возрастных цензов и жёсткие требования к маркировке. Конечная цель состоит не в уничтожении продукта, а в обеспечении безопасного потребления.

При этом правовая доктрина фиксирует противоречие [2]. С одной стороны, закон требует информировать о рисках посредством текстовых предупреждений или графики на упаковке, чтобы человек мог принять осознанное решение. С другой стороны, сама легальная доступность продукта создаёт ситуацию, где даже при наличии информации риск неизбежно реализуется [3]. Разрешение противоречия состоит в том, чтобы «исчисленный» риск соответствовал «воспринимаемому» риску

в сознании людей [4]. Социальный контекст добавляет дополнительные слои юридической и социологической сложности.

Для структурирования анализа необходимо выделить формы предупреждений, которые в реальной практике часто пересекаются и дополняют друг друга. Это текстовые предупреждения, пиктограммы, символы, звуковые сигналы, цифровые форматы, организационные меры и профилактические информационные кампании, включая социальную рекламу и лекции.

Предупреждения встречаются во все сферы жизнедеятельности. Такая избыточность и однотипность приводят к «слепоте» [5]. Со временем человек перестаёт замечать эти сигналы, фильтруя их как шум. Право требует формального исполнения норм, но такое исполнение совершенно не гарантирует реального информирования субъекта.

Требования к предупреждениям сегодня разбросаны по множеству разрозненных правовых режимов. Технические регламенты, отраслевые законы и внутренние правила компаний формируют фрагментированную систему. Из-за разрозненности отсутствуют единые критерии «достаточности» предупреждения. То, что считается исчерпывающим предупреждением в одной отрасли, в другой может быть признано судом недостаточным. Яркую коллизию демонстрирует сравнение двух сфер. Табачная продукция подчиняется жёстким императивным требованиям к размеру шрифта, занимаемой площади и исчерпывающим формулировкам. Цифровые продукты существуют в условиях нормативного вакуума. Здесь отсутствуют чёткие правила, позволяющие достоверно доказать ознакомление пользователя с рисками. Государство в первом случае тотально диктует форму, а во втором оставляет всё на усмотрение площадки, хотя риск для здоровья или благополучия потребителя может быть вполне сопоставимым.

Именно поэтому в данной статье мы сосредоточим внимание на алкогольной и табачной продукции. Это самый яркий и шаблонный пример, который мгновенно возникает в сознании. Формулировки о вреде здоровья всё чаще встречаются в рекламных роликах и кинематографе. Товар хорошо знаком огромному количеству людей и присутствует в повседневном обороте, что делает его идеальным предметом исследования для отслеживания правовой трансформации.

Рассмотрим истоки. Институт предупреждений зародился в 1964 году [6]. 18 января американские врачи официально обратились к властям с требованием обязать табачные компании печатать на пачках предупреждения об опасности курения. К этому моменту медицинские исследования уже убедительно доказали прямую связь курения с раком, эмфиземой лёгких и болезнями сердца. Вскоре после этого первые подобные надписи появились на упаковках в США.

На государственном уровне задачу поставили в конце 1970-х годов. В 1977 году вышло соответствующее постановление ЦК КПСС и Совета Министров [7]. Тогда на сигаретных пачках впервые появилась крылатая фраза: «Минздрав СССР предупреждает» [8]. Изначально текст размещали где приходилось, часто на торце или боку пачки, чтобы не портить основной художественный дизайн.

Правовой режим предупреждений о вреде здоровью складывался исторически по логике «защитить любой ценой». Государство старалось свести риски к минимуму через прямые запреты. Особенная роль отводилась общественному порицанию. Реализация проходила через товарищеские суды и комиссии по борьбе с конкретными социальными рисками. Такие органы создавали прямо на предприятиях, в учреждениях и по месту жительства, то есть там, где люди постоянно взаимодействуют.

Яркий пример из истории — масштабные антиалкогольные кампании в СССР. Власти активно использовали механизм общественного порицания [9]. Дела пьяниц выносили на публичное рассмотрение товарищеских судов, в трудовых коллективах детально обсуждали такие случаи. Уклон шел на создание атмосферы социальной нетерпимости вокруг нарушителя. Аналогичным образом поступали с нарушениями правил гигиены, санитарии или техники безопасности на производстве. Важно понимать тонкий нюанс. Общественное порицание не заменяло государственное право, а органично дополняло его.

В 1990-е годы, на фоне глубокой социальной нестабильности, потребление алкоголя и табака резко выросло [10]. Факт подтолкнул государство к более активной политике. С конца 1990-х, а особенно с 2000-х годов, в российском правовом поле начинают закрепляться элементы риск-ориентированной модели. Важным шагом стало развитие законодательства о защите прав потребителей. Акцент смещается на императивную обязанность продавца и изготовителя давать полную и достоверную информацию.

Аналогичные процессы происходят в сфере охраны труда и промышленной безопасности. Трудовой кодекс РФ [11] и подзаконные акты, включая приказы Минтруда, вводят строгие требования по оценке профессиональных рисков, информированию работников и обучению безопасным методам работы. Теперь недостаточно просто разместить предупреждающий знак в цеху. Работодатель обязан провести комплексную оценку рисков, разработать меры по их снижению и обеспечить, чтобы работник был полноценно проинформирован и обучен. Заметно глобальное смещение акцента с «запретить опасное» на «управлять риском» [12].

В медицинской сфере появляется принцип информированного добровольного согласия. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] предусматривает, что любое медицинское вмешательство возможно только после получения согласия пациента. Согласие должно основываться на полной информации. На практике это означает, что врач обязан не просто дать пациенту подписать стандартный

бланк. Он должен провести детальную разъяснительную беседу и убедиться, что пациент действительно понимает суть и последствия процедуры.

Особый акцент, в данной работе, мы оставляем в отношении товаров с потенциально вредным воздействием, таких как табак и алкоголь. Поскольку здесь особо сочетается доступность, обширная реклама и особая информированность потребителей, что служит хорошим примером для рассуждения. Ключевым поворотным моментом стало присоединение России в 2008 году к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака. Согласно положениям Конвенции, в частности статье 11.1(b)(v) [13], предупреждения о вреде для здоровья на упаковке могут включать рисунки и пиктограммы. Это стало мощным международным импульсом для ужесточения национальных норм.

В России переход к графическим предупреждениям закрепили позже. В 2012 году вышел Приказ Минздравсоцразвития России № 490н «Об утверждении предупредительных надписей о вреде курения, сопровождаемых рисунками» [14]. Этот документ заменил исключительно текстовые предупреждения на комбинацию текста и изображений. Минздрав утвердил ряд рисунков, наглядно демонстрирующих последствия: онкозаболевания, пародонтоз, ампутация, эмфизема, а также риски при беременности, включая мертворождаемость и недоношенность. Смысл смены формата заключается в том, что изображение воздействует на эмоционально-образное мышление, минуя рациональный фильтр, и значительно сильнее привлекает внимание.

Правовую основу также заложил Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» в статье 10 [15]. Позже был принят Федеральный закон от 23 февраля 2013 года № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» [16]. В рамках этого закона статья 15 прямо закрепляет просвещение населения и информирование о вреде потребления табака. Закон предусматривает не только ограничения на продажу и рекламу, но и строгие требования к оформлению упаковок: крупные предупреждающие надписи, обязательные графические изображения и запрет на вводящие в заблуждение обозначения. Аналогичные подходы применяются и в отношении алкогольной продукции.

В научной среде чётко разделяют формат подачи информации и механизмы её восприятия. Речь идёт не о том, что закон запрещает один формат в пользу другого. Исследователи изучают, какой способ лучше достигает цели повышения осведомлённости и изменения поведения, какие психологические механизмы при этом включаются и есть ли у каждого формата упущения.

Текст и графика обладают принципиально разными «точками входа» в сознание субъекта. Текст требует вдумчивого чтения и логической обработки. Его гораздо проще рационализировать, используя внутренние установки. Графика действует быстрее и сильнее на эмоциональном уровне. Она сразу визуализирует риск. Как к примеру, было с оглаской (научно не подтверждённого) примера с «25 кадром».

Эффективность этих инструментов напрямую зависит от характеристик человека. Люди с низким уровнем грамотности могут хуже воспринимать сложный текст, и графика для них становится гораздо более полезным инструментом. Однако если одно и то же изображение на пачках годами, его шокирующее воздействие неуклонно снижается.

В целом исследования показывают, что графические предупреждения часто эффективнее чисто текстовых. Метаанализы, включая работу Noar et al. (2016) [17], выявили: графика лучше привлекает и удерживает внимание, вызывая эмоциональные отклики. Цель такой графики состоит не просто в информировании, а в вызове сильной эмоциональной реакции, такой как страх, отвращение или сочувствие. По задумке законодателя, реакция должна подтолкнуть человека к рефлексии о рисках и, в идеале, к изменению поведения. Реакция личности при этом крайне неоднородна. Не все курильщики реагируют одинаково. Те, кто внутренне настроен на отказ, получают от таких предупреждений мотивацию. Те, кто активно отрицает риски, могут отреагировать мощной защитной реакцией. Пугающие изображения вызывают дискомфорт, и мозг ищет способ его снизить, чаще всего через игнорирование. Человек перестаёт смотреть на пачку, прячет её в специальные портсигары. В итоге предупреждение просто перестаёт работать. В одном из исследований отмечалось, что само по себе появление пугающих изображений не всегда сразу меняло поведение. В краткосрочной перспективе количество выкуриваемых сигарет у части людей даже незначительно выросло из-за вызванного стресса [18]. Следовательно, такое введение может показать и обратно-ожидаемый эффект.

Разумеется, статистика об эффективности неопровержимо подтверждает преимущество графического формата [19]. В некоторых исследованиях эффективность оказалась выше именно среди людей с более низким уровнем образования [20]. Среди респондентов со средним образованием разница была менее заметной. Этот факт подчёркивает, что одна лишь графика не решает проблему в отрыве от других мер. Успешным элементом современной модели выступает не только содержание предупреждения, но и его форма, способ подачи для целевой аудитории. Право начинает учитывать, что формальное наличие текста на упаковке не гарантирует его восприятия.

Судебная практика хорошо отражает трансформацию [21]. В спорах о возмещении вреда суды всё чаще исследуют вопрос о том, была ли предоставлена полная и понятная информация о рисках. Оценивается, насколько субъект мог реально оценить риски. Неполная, недостоверная или недоступная информация расценивается как нарушение прав. А нарушение служит основанием для возложения ответственности на исполнителя. Предупреждение становится полноценным элементом правового механизма защиты прав.

Яркой иллюстрацией трансформации правового восприятия риска выступает эволюция статуса классических социокультурных артефактов. Достаточно вспомнить советский мультфильм «Ну, погоди!», где центральный персонаж систематически курит и употребляет алкоголь. В советскую эпоху подобные сцены транслировались по центральному телевидению без каких-либо ограничений, формируя норму повседневного поведения. В настоящее время наличие табачной и алкогольной атрибутики в кадре стало прямым основанием для повышения возрастного ценза произведения [22]. Сцены подвергаются цензурной обработке, замазываются или демонстрируются с жесткими ограничениями.

Возникает закономерный исследовательский вопрос. Что фундаментально изменилось в правовом поле. Законодательство существовало и в СССР, и в современной России. Механизмы ограничения покупки алкоголя или табака не претерпели настолько радикальных изменений, чтобы оправдать столь резкую переоценку культурного кода. Авторская гипотеза заключается в следующем. Корень проблемы кроется в деградации института общественного порицания. В советский период риск потребления опасных веществ нивелировался мощным социальным контролем. Осознавая риск, индивид понимал, что ответственность за его действия несет не только он сам, но и его социальное окружение. Моральное осуждение создавали плотную сеть сдерживающих факторов.

В современных условиях этот институт практически исчез. Индивид остался один на один с риском, неся единоличную ответственность. В условиях отсутствия внешнего морального контроля принять решение о потреблении опасного продукта становится психологически легче. Осознав этот вакуум, государство взяло на себя ту общественную роль, которую ранее выполняло общество. Компенсаторная регуляция выразилась в переходе от мягких форм информирования к административному и пространственному контролю.

Помимо графических и текстовых предупреждений, государство активно внедрило механизм пространственных ограничений. Базовый Федеральный закон № 15-ФЗ был принят в феврале 2013 года, однако ограничения вводились поэтапно. Запрет на курение в вокзалах, детских и спортивных площадках, а также в подъездах многоквартирных домов вступил в силу с 1 июня 2013 года [23]. Летом 2014 года ограничения распространились на рестораны и кафе.

Позднее законодательная база была существенно расширена. С 2020 года под регулирование попало потребление никотинсодержащей продукции, а с 2021 года законодатель распространил ограничения на использование кальянов [24]. Субъектам Российской Федерации было делегировано право вводить собственные, более строгие ограничения в отдельных локациях.

Практика пространственных запретов выявила серьезную системную уязвимость. Пока действовали жесткие ограничения на традиционные сигареты, часть потребительского спроса закономерно перетекла в альтернативные сегменты. Произошел классический «эффект замещения». Потребители массово перешли на электронные системы доставки никотина и системы нагревания табака. По данным аналитического агентства FinExpertiza за 2023 год [25], доля потребителей вейпов и нагреваемого табака среди курильщиков достигла 17,5 %. Абсолютная численность таких потребителей выросла в 46 раз за пять лет, достигнув отметки в 4,5 миллиона человек.

Запрет одного формата потребления не уничтожил спрос, а перенаправил его в другие каналы. Альтернативная продукция часто обладает меньшей стоимостью входа и большей доступностью для несовершеннолетних, что нивелирует профилактический эффект первоначальных запретов.

Осознав, что одни лишь пространственные ограничения и предупреждения на упаковках не приводят к радикальному снижению числа потребителей, государство сменило тактику. Регулятор начал оказывать прямое давление через экономические и административно-деликтные рычаги.

Экономическое принуждение реализуется через планомерное повышение акцизов и установление минимальных розничных цен. Это классический макроэкономический инструмент. Искусственное завышение стоимости продукта снижает эластичный спрос. Исторические данные подтверждают эффективность этого метода. После существенного роста акцизных ставок в России в 2010-х годах наблюдался статистически значимый спад продаж традиционных сигарет [26]. Смысл данной меры заключается в том, чтобы сделать вредную привычку финансово обременительной, тем самым дополняя правовые запреты экономическими барьерами.

Параллельно происходит ужесточение административной ответственности. Изначально штрафы за нарушения в этой сфере были номинальными и не обладали превентивным эффектом. В последние годы законодатель сознательно повышает санкции, стремясь усилить сдерживающую функцию права.

В соответствии со статьей 6.24 КоАП РФ [27], курение в запрещенных местах (подъезды, лифты, остановки) влечет наложение штрафа от 500 до 1500 рублей. За курение на детской площадке санкция строже и составляет от 2000 до 3000 рублей. Распитие алкогольной продукции в запрещенных местах (статья 20.20 КоАП РФ) также карается штрафом от 500 до 1500 рублей.

В 2026 году в Государственную Думу был внесен законопроект, предлагающий увеличить нижние и верхние пределы данных штрафов примерно в два раза. Законодатель исходит из презумпции, что только существенное финансовое наказание способно реально сдерживать правонарушения в условиях инфляции и роста доходов населения.

Изложенный анализ окончательно подтверждает актуальность выбранной темы исследования. Предметная область оборота табака и алкоголя демонстрирует уни-

кальную динамику. Мы наблюдаем, как государство непрерывно вводит новые ограничительные меры, а население пропорционально развивает методы адаптации. Процесс «действия и противодействия» представляет исключительный научный интерес.

Ни графические изображения, ни текстовые предупреждения, ни пространственные ограничения не смогли искоренить вредные привычки. На этих примерах мы отчетливо видим, как трансформировалась политика государства: от простого информирования к «тотальному» контролю.

Подытоживая вышесказанное, необходимо констатировать следующее. Трансформация правового режима предупреждений о вреде здоровью при осознанном риске представляет собой обширную категорию, проявления которой можно обнаружить в различных отраслях. Однако именно сфера оборота табака и алкоголя наиболее рельефно демонстрирует всю сложность и противоречивость трансформации. Рассмотренный сегмент служит идеальной моделью для анализа того, как государство постоянно ищет новые правовые формы, для отпора растущим рискам потребительского поведения.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 24.10.2026).
2. Матюсова А. И. Влияние ограничений и запретов рекламы алкогольной продукции, пива и табака на рекламный рынок в Российской Федерации / А. И. Матюсова, В. Н. Бузин, О. О. Салагай, Т. С. Бузина, К. В. Сошкина // Профилактическая медицина. — 2019. — Т. 22, № 1. — С. 29–34.
3. Доклад Минздрава России «О состоянии противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в РФ» (2025). — М.: Минздрав, 2025. — 112 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://minzdrav.gov.ru/documents (дата обращения: 24.10.2026).
4. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро: перевод с английского / Д. Канеман; редактор А. Батурина. — Москва: АСТ, 2021. — 653 с.
5. Ричард Талер, Касс Санстейн. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 240 с.
6. 18 Января 1964 года врачи впервые призвали писать предупреждения на пачках сигарет [Электронный ресурс] // Радио ВЕРА. — URL: https://radiovera.ru/18-yanvarya-1964-goda-vrachi-vpervyie-prizvali-pisat-preduprezhdeniya-na-pachkah-sigaret.html?ysclid=mvlnesbh5u851721853 (дата обращения: 24.10.2026).
7. О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22.09.1977 № 870 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=51262&ysclid=mvlnbyx25j657246965#qVdBvYV0eZ1fVzIt (дата обращения: 24.10.2026).
8. Антитабачная пропаганда как часть санитарного просвещения в России в период 1970–1989 гг. [Электронный ресурс] // Роспотребнадзор. — URL: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/istoriya/istoriya-vrednykh-privychek/antitabacnaya-propaganda-kak-cast-sanitarnogo-prosveshcheniya-v-rossii-v-period-1970–1989-gg/?ysclid=mvlnkflp6i517839948 (дата обращения: 24.10.2026).
9. О мерах по усилению борьбы с курением: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12.06.1980 № 706 [Электронный ресурс] // docs.historyrussia.org. — URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/420139?ysclid=mvlnhll05z488900754 (дата обращения: 24.10.2026)
10. Как изменилась жизнь курильщиков за последние 100 лет [Электронный ресурс] // ДП.ру. — URL: https://www.dp.ru/a/2016/06/01/Ni_kapli_nikotina (дата обращения: 24.10.2026).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=mvlnno7t6w294798292 (дата обращения: 24.10.2026).
12. Приказ Минтруда России от 28.12.2021 № 926 «Об утверждении Рекомендаций по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406016/?ysclid=mvlnosci71951478417 (дата обращения: 24.10.2026).
13. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (Женева, 21 мая 2003 г.) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — URL: https://base.garant.ru/2565668/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/?ysclid=mvlnta7z7t369476379 (дата обращения: 24.10.2026).
14. Приказ Минздравсоцразвития России от 5 мая 2012 г. № 490н «Об утверждении предупредительных надписей о вреде курения, сопровождаемых рисунками» (зарегистрирован в Минюсте РФ 10 мая 2012 г., регистрационный № 24097) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70074544/?ysclid=mvlns16i7i902119598 (дата обращения: 24.10.2026)

15. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» (в ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82841/?ysclid=mvlnv81y89280159532 (дата обращения: 24.10.2026)
16. Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» (в ред. от 26.06.2026) [Электронный ресурс] // Контур.Норматив. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/1991a1ab71085fb0a4ada4b3ee44544973484d17/?ysclid=mvlnvqsq8c914811942 (дата обращения: 24.10.2026)
17. Noar, S. M., Hall, M. G., Francis, D. B., Ribisl, K. M., Pepper, J. K., & Brewer, N. T. (2016). Pictorial cigarette pack warnings: A meta-analysis of experimental studies. Tobacco Control, 25(3), 341–354.
18. Hammond, D., Fong, G. T., McDonald, P. W., Brown, K. S., & Cameron, R. (2004). Graphic cigarette warning messages and cigarette smoking prevalence in Canada. Tobacco Control, 13(3), 206–211
19. Вагапова Р. З. Реакция курящих людей на графическую информацию, представленную на упаковке сигарет / Р. З. Вагапова, И. Д. Зайцев, А. А. Насангужина, Е. А. Сидоренко // Актуальные проблемы педагогики и психологии. — 2021. — № 8. — Текст: электронный. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reaktsiya-kuryaschih-lyudey-na-graficheskuyu-informatsiyu-predstavlennuyu-na-upakovke-sigaret (дата обращения: 24.10.2026).
20. Гамбарян М. Г. Мониторинг и оценка реализации законодательных мер по охране здоровья населения от воздействия табачного дыма и последствий потребления табака: методические рекомендации / М. Г. Гамбарян, О. М. Драпкина, А. В. Концевая, М. В. Попович, О. О. Салагай // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2022. — № 5. — Текст: электронный. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-i-otsenka-realizatsii-zakonodatelnyh-mer-po-ohrane-zdorovya-naseleniya-ot-vozdeystviya-tabachnogo-dyma-i-posledstviy (дата обращения: 24.10.2026).
21. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 октября 2017 г. № 5-КГ17–146.
22. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/?ysclid=mvlo8qz0ae58932222 (Дата обращения:24.10.2026).
23. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» (в ред. Федерального закона от 31.07.2020 № 303-ФЗ) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/?ysclid=mvloc574ap261036546 (Дата обращения:24.10.2026).
24. Федеральный закон от 31.07.2020 № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» (в ред. Федерального закона от 13.06.2023 № 204-ФЗ) // КонсультантПлюс.
25. Аналитическая служба аудиторско-консалтинговой группы FinExpertiza. Доля потребителей вейпов и систем нагревания табака среди курильщиков в России в 2023 году // Росстат. — 2023.
26. Распоряжение Правительства РФ от 23.09.2010 № 1563-р «Об утверждении Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 годы и Плана мероприятий по её реализации» // КонсультантПлюс.
27. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mvlogcslbm576831016 (Дата обращения: 24.10.2026).

Критерий «правовой ожидаемости» в оценке эффективности информационных актов в системе обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия

Белоусова Алёна Шамилевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Категория «правовой ожидаемости» остаётся на уровне общих рассуждений о ясности и предсказуемости права. В настоящей работе предпринята попытка придать ей операциональное содержание. Предложена система количественных и качественных индикаторов. Показано, что размытость формулировок порождает правовую неопределённость, что в последующем трансформируется в реальную угрозу.

Ключевые слова: *правовая ожидаемость, информационные акты, правовая экспертиза, правовая дефектология, санитарно-эпидемиологическое благополучие, эффективность права.*

The «legal expectability» criterion in evaluating the effectiveness of informational acts within the system for ensuring sanitary-epidemiological well-being

The category of «legal predictability» remains confined to general discourse on the clarity and foreseeability of law. This paper seeks to endow it with operational substance. A system of quantitative and qualitative indicators is proposed. It is demonstrated that the vagueness of legal formulations breeds legal uncertainty, which subsequently transforms into a tangible threat.

Keywords: *legal predictability, information acts, legal expertise, legal defectology, sanitary and epidemiological well-being, effectiveness of law.*

Среди источников регулирования в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия информационные акты занимают положение довольно своеобразное. Сюда относятся постановления главных государственных санитарных врачей (полномочие на их издание закреплено ст. 51 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»), приказы федеральных органов исполнительной власти, санитарные правила и нормы, методические рекомендации и, наконец, информационные сообщения, адресованные неопределенному кругу лиц [1]. Объединяет их то, что адресат у них массовый, принимаются они зачастую в спешке, а модель поведения задают тогда, когда сама обстановка еще толком не прояснилась. Отсюда и повышенные требования к их качеству — юридической точности, ясности текста, предсказуемости последствий. Вопрос этот далеко не академический: от того, как написан акт, во многом зависит, удастся ли защитить здоровье людей.

Критерий «правовой ожидаемости» сводится, по сути, к одному вопросу [2]. Способен ли тот, кому он адресован, понять, что последует за его действиями, и вести себя соответственно. Если нет, появляется правовая неопределенность, за ней следуют массовые нарушения, и весь механизм регулирования начинает давать сбои.

Что касается правовой экспертизы, единства взглядов на ее сущность в доктрине нет. В. Г. Губарькова [3] видит в ней специальное исследование, задача которого — оценить качество акта и его соответствие Конституции Российской Федерации [4] и законодательству; экспертизу они делят на официальную и неофициальную. О. В. Маричеву больше интересуют субъект и процедура: экспертизу, по ее мнению, проводит уполномоченный специалист либо специализированное учреждение, опираясь на профессиональные знания, а итог оформляется мотивированным заключением [5]. У Н. П. Кобец акцент другой — это исследование, которое сведущие лица ведут по поручению заинтересованных субъектов, чтобы установить обстоятельства, значимые для обоснованного решения [6].

Для А. В. Никитина [7] экспертиза — это действия специально уполномоченного органа по изучению принятого акта или его проекта с позиций формы, целей и задач регулирования. А. Ю. Гулягин подчеркивает процессуальную природу такого исследования: оно нужно, чтобы получить информацию, без которой качественный акт не принять [8]. Н. В. Мамитова и вовсе выводит экспертизу за рамки чисто юридической деятельности, характеризуя ее как оценочно-аналитическую работу в условиях частичной неопределенности, результаты которой служат обоснованием управленческих решений [9].

Если свести эти взгляды воедино, под правовой экспертизой можно понимать оценку формы акта, его целей, предмета регулирования, компетенции принявшего его органа, а также порядка принятия и обнародования — на соответствие Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Опирается этот институт на нормы конституционного, административного и муниципального права, а назначение его в том, чтобы выявлять и устранять пробелы, коллизии и неопределенность.

Парадокс, однако, в том, что сама юридическая экспертиза урегулирована главным образом подзаконными актами — методическими рекомендациями Минюста России [10], которые, в свою очередь, отсылают к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правилам юридической техники [11]. Закона, который устанавливал бы систему нормативных правовых актов, требования к их подготовке и правила юридической техники, на федеральном уровне так и не принято, хотя проекты закона «О нормативных правовых актах» [12] обсуждаются уже не первое десятилетие. Такая разрозненность сказывается и на экспертизе информационных актов санитарно-эпидемиологической направленности, тем более что их нередко готовят в условиях, когда на тщательную юридическую проработку попросту нет времени.

Об эффективности правовых актов нельзя судить по одному показателю. Необходим набор критериев, в которых отражались бы цели, принципы и ценности права. Право, как регулятор призвано прежде всего поддерживать стабильность общественных отношений, и потому общесоциальные, ценностные характеристики весят здесь больше экономических.

Первичными критериями эффективности информационных актов в этой сфере мы считаем целевой и результативный. Первый отвечает на вопрос, соответствует ли акт заявленной цели охраны здоровья населения, второй — достигнута ли эта цель на деле. Оптимальность, ресурсоемкость, оперативность, устойчивость, мобильность тоже важны, но роль у них вспомогательная. В теории систем на этот счет есть известное положение: неоптимальное ре-

шение по верно выбранному критерию лучше самого выгодного решения, принятого по ошибочному мерилу [13].

Результативность измеряется вполне осязаемыми вещами — снижением заболеваемости, сокращением распространения инфекций, улучшением показателей среды обитания. Расходы на реализацию акта и прочие экономические соображения, когда речь идет о жизни и здоровье людей, неизбежно отступают на второй план.

Право справляется с ролью социального регулятора лишь при условии, что его нормы качественны. Дефектные нормы порождают неопределенность, а потому их нужно изучать отдельно и в тесной связке с категориями «качество права» и «эффективность права».

Понятие дефекта трактуется в науке неодинаково, и условно здесь можно говорить о широком и узком подходах. Сторонники широкого относят к дефектам любые негативные стороны правовых явлений: так, М. Д. Хайретдина [14] понимает под ними все негативные аспекты существования исследуемого предмета. С. И. Цыбуляк [15] определяет дефект в широком смысле как такое состояние норм, при котором нарушается баланс интересов, хотя допускает и узкое толкование — низкое качество регулирования.

Широкий подход нам кажется неудачным. Правовые явления слишком различны по своей природе, и несовершенства каждого из них устраняются по-своему. Дефект гражданско-правового договора нельзя ставить в один ряд с дефектом закона, а изъяны правосознания — смешивать с нормативными коллизиями. К тому же при таком подходе под «дефект» легко подвести любое отступление от нормы, вплоть до правонарушения, хотя для правонарушений давно существуют собственные теории — юридической ответственности, деликтного права.

В оценке качества информационных актов центральное место, как мы полагаем, должен занять критерий «правовой ожидаемости», т. е. способности адресата нормы предвидеть, исходя из текста акта, правовые последствия своего поведения. Высокая ожидаемость говорит о том, что норма сформулирована ясно и однозначно, с поправкой на реальные возможности ее исполнения, и субъект может заранее выбрать правомерный вариант поведения.

Для практического применения критерия его индикаторы удобно разделить на количественные и качественные. К первым относятся статистика обращений граждан, число жалоб и судебных споров, количество выявленных административных правонарушений. Вторые получают иначе — через интервью и фокус-группы с участниками правоотношений, экспертные оценки, анализ правоприменительной практики.

В санитарно-эпидемиологической сфере ожидаемость значит особенно много. Обстановка меняется быстро, и людям приходится подстраиваться под нее буквально на ходу. Акты, принимаемые при эпидемиологической угрозе, должны давать предельно ясное представление о том, что запрещено, что предписано, а что лишь рекомендовано. Любая неясная формулировка бьет по ожидаемости, а значит, и по эффективности регулирования.

Насколько важен этот критерий, видно и по судебной практике. В обзорах по вопросам применения мер противодействия распространению COVID-19, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в 2020 г. [16], немало места отведено тому, какие именно правила поведения обязаны были соблюдать граждане и какими актами эти правила установлены. Иначе говоря, суды фактически выясняют, мог ли человек понять, чего от него требует акт, и низкая ожидаемость становится для них признаком неэффективной нормы.

В административном праве стабильность и понятность государственного регулирования принято оценивать через соотношение принципов правовой определенности и законных ожиданий. Критерий ожидаемости дает возможность последовательно выявлять слабые места акта и прослеживать, каким образом изъяны текста оборачиваются вполне реальными рисками для санитарно-эпидемиологического благополучия.

Найти равновесие между регулятивными и охранительными нормами непросто. Если норма чрезмерно жесткая, а среда динамична, адресат не в состоянии предусмотреть все ситуации ее применения, и ожидаемость падает. Если же норма слишком гибкая, открывается простор для усмотрения, а то и произвола правоприменителя.

Информационные акты в этой сфере меняются часто и принимаются быстро. Весной 2020 г., в первые месяцы пандемии новой коронавирусной инфекции, постановления главных государственных санитарных врачей, приказы Минздрава России, указы глав субъектов Федерации выходили один за другим, порой с интервалом в несколько дней. Немалая часть из них содержала дефекты, снижавшие ожидаемость.

Главной бедой стали размытые формулировки. Регионы вводили ограничения на передвижение, но из текста актов нельзя было однозначно понять, нарушает ли режим самоизоляции, скажем, поездка на автомобиле в ближайший магазин за продуктами. Граждане поступали по-разному и заранее определить правомерный вариант поведения не могли, а ответственность между тем уже была установлена: ст. 20.6.1 КоАП РФ действует с 1 апреля 2020 г. Отсутствие четкого ориентира, помимо прочего, повышало и риск распространения инфекции [17].

Похожая история — с запретами курения в общественных местах. Когда в акте используется оценочное понятие (например, запрет курить «рядом» с медицинской организацией) без указания конкретного расстояния, контролирующие органы не могут применять норму единообразно [18]. «Рядом» на практике означало и пять метров, и десять, иногда всю прилегающую территорию. Норма с такой низкой ожидаемостью фактически перестала работать.

Неопределенностью отличались и разъяснения уполномоченных органов. Минздрав рекомендовал вакцинировать группы риска, однако не уточнил, кто должен

инициировать процесс — врач, работодатель или сам гражданин [19]. На местах это обернулось разнобоем. В одних медицинских организациях врачи сами предлагали прививку, в других ждали, пока пациент обратиться. В итоге часть людей не была своевременно вакцинирована, и формирование коллективного иммунитета отодвинулось. Здесь связь между дефектом акта и эффективностью регулирования видна, пожалуй, нагляднее всего.

Дефекты правовых актов способны затрагивать даже национальную безопасность. Изъян нормы ведет к неопределенности, неопределенность — к несоблюдению правил. В санитарно-эпидемиологическом регулировании такие изъяны создают системные риски, что подтверждают данные ежегодных государственных докладов «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации».

Отдельного разговора заслуживает цифровая форма доведения информации. Предписания доходят до адресатов быстрее, это, бесспорно. Но возникает и «цифровой разрыв» [20]. У части населения, прежде всего у пожилых людей и жителей небольших населенных пунктов, нет нужных навыков или доступа к сети, и воспринять, а тем более выполнить правовые требования им сложнее. Предсказуемость регулирования от этого снижается.

В России действует Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а вокруг него сложился большой массив связанных актов. Однако связь этого законодательства с базовыми конституционными нормами прослеживается слабо, отрасль страдает от дублирования и нуждается в систематизации. Выходом могло бы стать принятие Информационного кодекса Российской Федерации, концепция которого была подготовлена в Институте государства и права РАН [21]. Думается, в основу кодекса следует положить конституционное право на информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ). Это позволит обеспечить единство регулирования как общего оборота информации, так и требований к государственным информационным системам.

Многое зависит и от того, насколько согласованно работают федеральные и региональные органы. Сейчас Роспотребнадзор не вправе участвовать в разработке региональных программ, хотя именно он располагает достоверными сведениями о состоянии среды обитания.

В 2023 г. в субъектах Российской Федерации было утверждено свыше 5700 региональных программ, причем значительная их часть посвящена улучшению качества питьевой воды [22]. А поскольку органы субъектов не всегда располагают достоверной информацией, Роспотребнадзор должен участвовать в подготовке таких программ непосредственно.

Подводя итог, отметим: критерий «правовой ожидаемости» позволяет проследить, как ошибки юридической техники в информационных актах превращаются в реальные риски для санитарно-эпидемиологического благополучия. Поэтому его, по нашему мнению, следует сделать обязательным элементом оценки информационных актов — как на стадии подготовки, так и в ходе применения.

Литература:

1. О санитарноэпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 14. — Ст. 1650.
2. В. С. Бялт, С. Ю. Чимаров. Теоретико-правовой анализ критериев классификации норм права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3–1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovoy-analiz-kriteriev-klassifikatsii-norm-prava (дата обращения: 30.10.2026).
3. Губарькова, В. Г. Правовая экспертиза нормативных правовых актов: проблемы теории и практики / В. Г. Губарькова, Е. В. Нащёкина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 25 (315). — С. 244–246.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2ФКЗ, от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. — 1993. — № 237. — Текст: непосредственный.
5. Маричева О. В. Экспертиза проектов нормативных правовых актов: понятие и классификация // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XXVII междунар. науч.-практ. конф. № 10(26). — Новосибирск: СибАК, 2019. С. 73–81.
6. Кобец, П. Н. Особенности правовой экспертизы нормативных правовых актов, проводимой на стадии правотворческого процесса в государствах — членах Европейского союза // Вестник Прикамского социального института. — 2022. — № 1 (91). — С. 14–21.
7. Никитина А. В. Правовая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы правового регулирования / А. В. Никитина, А. О. Чебуракова. — Текст: непосредственный, электронный // Право: современные тенденции: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, октябрь 2018 г.). — Краснодар: Новация, 2018. С. 6–9.
8. Гулягин, А. Ю. Экспертиза нормативных правовых актов как юридическое средство противодействия коррупции / А. Ю. Гулягин // Юридический мир. 2009. № 12. С. 37–39.
9. Мамитова Н. В. экспертиза как междисциплинарный институт // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-kak-mezhdistsiplinarnyy-institut (дата обращения: 30.10.2026).

10. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87 (с изм. от 02.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2026).
11. Об утверждении Методических указаний по юридикотехническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: приказ Минюста России от 31.08.2023 № 222 // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 30.10.2026).
12. О нормативных правовых актах в Российской Федерации: проект федерального закона (подготовлен Минюстом России 26.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2026).
13. Глухих, И. Н. Теория систем и системный анализ: учебное пособие / И. Н. Глухих. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2025. — 152 с. — ISBN 978–5–392–42878–6; ISBN 978–5–400–01165–8.
14. Хайретдинова, М. Д. Дефекты законодательных дефиниций: автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Казань, 2011. — С. 12.
15. Цыбуляк, С. И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений: дис. … канд. юрид. наук. — Москва, 2010. — С. 23.
16. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID19) № 1: утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 31.10.2026). — Текст: электронный.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019)» на территории Московской области в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: https://www.ksrf.ru/ (дата обращения: 30.10.2026). — Текст: электронный.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2020 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина А. В. Петрова» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: https://www.ksrf.ru/ (дата обращения: 30.10.2026). — Текст: электронный.
19. Письмо Минздрава России от 17.06.2022 № 30–4/И/2–9890 «О направлении временных методических рекомендаций «Порядок проведения вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»» // Официальный сайт Минздрава России. — URL: https://www.law.ru/npd/doc/docid/351563923/modid/99?ysclid=mveftir4f538042797 (дата обращения: 30.10.2026). — Текст: электронный.
20. Летова, Н. В. Государственная социальная помощь отдельным категориям граждан: цифровой разрыв и юридические способы его преодоления / Н. В. Летова, Н. И. Соловяненко // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 2. — С. 23–28
21. Концепция информационного кодекса Российской Федерации [Текст] / [И. Л. Бачило и др.; под ред. И. Л. Бачило]; Ин-т государства и права Российской акад. наук. — Москва: Канон-плюс, 2014. — 190 с. — ISBN 978–5–88373–409–9.
22. Головко В. В., Сахно А. И. основные направления совершенствования законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения российской ФЕДЕРАЦИИ // Правоприменение. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-o-sanitarno-epidemiologicheskom-blagopoluchii-naseleniya-rossiyskoy (дата обращения: 30.10.2026).

Причинно-следственная связь и обман как обязательные признаки состава преступления по статье 159.1 УК РФ

Белоусова Кристина Геннадьевна, студент магистратуры
Московский педагогический государственный университет

В статье рассматриваются обман и причинноследственная связь как обязательные элементы состава преступления, квалифицируемого по ст. 159.1 УК РФ [1]. Раскрывается их содержание, значение для квалификации деяния, специфика доказывания в уголовном процессе, а также типичные проблемы правоприменительной практики.

Обман в рамках состава мошенничества в сфере кредитования — это сообщение заведомо ложных сведений либо умолчание о фактах, которые кредитор должен был учитывать при принятии решения о выдаче кредита. Соответственно, ключевым является тот факт, что предоставленные заемщиком сведения так или иначе оказали влияние на принятие кредитором положительного решения. В отличие от мошенничества по ст. 159 УК РФ, где обман может касаться любых обстоятельств, в ст. 159.1 УК РФ он имеет отраслевую специфику: речь идёт о сведениях, значимых для кредитного анализа и оценки рисков банком.

Следует сделать акцент на том, что формы обмана в квалификации по ст. 159.1. УК РФ могут быть разными, в частности обман может быть разграничен на:

активный обман — предоставление недостоверных справок о доходах, подложных документов о праве собственности. Соответственно, в данном контексте представляется очевидным намерение заемщика ввести кредитора в заблуждение относительно своего финансового состояния;

пассивный обман — сокрытие действующих кредитов, просрочек, судебных споров, арестов имущества, которое также применимо к рассматриваемому составу и оказывает непосредственное влияние на принятие кредитором положительного решения о выдаче кредита конкретному заемщику;

обман в цифровой среде — использование чужих учётных записей, поддельных электронных анкет, фальсифицированных цифровых профилей. Указанный вид обмана применим к практике цифрового кредитования, которая активно набирает обороты в современном мире. По верному замечанию Ивашкиной Е. А. «Стремительная цифровизация модифицирует способы преступного посягательства, создавая новые проблемы» [2, с. 709]. В действительности, данная сфера является наиболее уязвимой, поскольку не всегда позволяет осуществить качественную идентификацию заемщика, а также удостовериться в корректности предоставляемых таким заемщиком сведений.

Исходя из приведенных выше тезисов, а также из подхода законодателя, изложенного в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017 г. [3] обман должен быть заведомо ложным и значимым для принятия решения кредитором о кредитовании конкретного заемщика. Если сведения не влияют на общую картину финансового состояния потенциального заемщика или не запрашиваются банком в рамках его внутренних регламентов, их недостоверность сама по себе не образует состава преступления по ст. 159.1. УК РФ.

Причинноследственная связь в ст. 159.1 УК РФ означает, что именно обман (в рассматриваемом случае ложные сведения) стал причиной принятия кредитором решения о выдаче кредита, что в итоге привело к имущественному ущербу для банка-кредитора. Это не абстрактная логическая связь, а юридически значимая зависимость: необходимо доказать, что без обмана кредит бы не выдали либо выдали на иных условиях, не являющихся для преступника-заемщика предпочтительными и не позволяющими ему совершить преступление по рассматриваемому составу.

Для установления причинной связи правоприменитель должен ответить на три вопроса:

Какие сведения были искажены или скрыты? Важно в данном ключе, какие именно факты, документы, формулировке в заявлении на выдачу кредита являлись недостоверными и на сколько об их недостоверности был осведомлен заемщик. Поскольку, например, если сведения, предоставленные заемщиком, были достоверными с его точки зрения, а их искажение связано с посторонними причинами (предоставление некорректного документа работодателем), состав преступления не образуется.

Как эти сведения повлияли на решение кредитора? Например, для доказывания того, что предоставленные недостоверные сведения напрямую оказали влияние на принятие банком положительного решения о выдаче кредита, следствию необходимо будет привести выдержку из внутренних правил банка, регламентирующих необходимость предоставления заемщиком соответствующего документа как основополагающего. Примечательно, что в научной литературе отмечается вина банков в том, что количество преступлений по ст.159.1. УК РФ увеличивается. Так, Столбов А. А. утверждает, что «банки сами способствуют повышению уровня мошенничества в сфере кредитования путем послабления требований к заемщикам» [4, с. 120].

Что было бы, если бы банку была известна действительно достоверная информация? Необходимо привести сценарий, который описывает ситуацию установления банком несоответствия представленных сведений действительности. Если в таком случае принятие положи-

тельного решения о выдаче кредита становится невозможным — состав преступления существует.

Таким образом, на практике наличие состава преступления по ст. 159.1 УК РФ подтверждается совокупностью доказательств:

внутренними регламентами банка (правила кредитования или иные локальные нормативные акты, регламентирующие процесс принятия решения о кредитовании);

кредитными досье и протоколами принятия решений, по схожим/аналогичным ситуациям;

показаниями сотрудников кредитного подразделения, уполномоченных на принятие решений о кредитовании;

заключениями специалистов или экспертов по оценке кредитных рисков.

Обман и причинноследственная связь образуют единый механизм преступного воздействия: обман является способом, а причинная связь отражает его результативность. Отсутствие одного из элементов исключает состав преступления и делает невозможным обвинение по нему.

Примеры:

обман есть, причинной связи нет. Заёмщик указал завышенный доход, но банк всё равно отказал бы в кредите изза плохой кредитной истории. В этом случае обман не стал причиной ущерба — состав отсутствует;

причинная связь есть, обмана нет. Кредит выдан по ошибке сотрудника банка, без проведения необходимой проверки документов. В данном случае нет умышленного обмана со стороны заёмщика, следовательно, нет и состава ст. 159.1 УК РФ.

Таким образом, для квалификации по ст. 159.1 УК РФ необходимо доказать умышленный обман и то, что именно он опосредовал выдачу кредита и причинение ущерба.

На практике встречаются следующие проблемы:

формальный подход к обману. Следователи и дознаватели фиксируют факт недостоверности сведений, но не показывают, как именно это повлияло на решение банка;

игнорирование внутренних правил кредитора. Не запрашиваются регламенты и скоринговые модели, изза чего невозможно оценить значимость искажённых данных;

подмена причинной связи виной. Наличие умысла и факта невозврата кредита не доказывает, что кредит был выдан именно изза обмана;

смешение гражданскоправовых и уголовноправовых последствий. Недостоверность сведений в кредитной заявке не всегда свидетельствует о преступлении: это может быть основанием для оспаривания сделки или взыскания долга, но не для уголовного преследования.

Суды всё чаще требуют конкретики: не просто «заёмщик предоставил ложные сведения», а «ложные сведения о доходе в размере X рублей, которые являлись ключевым фактором проверки финансового состояния потенциального заемщика; при корректных данных скоринговый балл был бы ниже порога одобрения, и кредит не был бы выдан».

Обман и причинноследственная связь — это обязательные и взаимосвязанные элементы состава преступления по ст. 159.1 УК РФ. Обман выступает способом совершения преступления, а причинноследственная связь подтверждает, что именно он привёл к выдаче кредита и причинению ущерба. Для правильной квалификации необходимо не только зафиксировать факт обмана, но и доказать его значимость для решения кредитора, опираясь на внутренние регламенты банка и объективные данные о кредитных процедурах.

Совершенствование практики доказывания по таким делам требует более детального анализа кредитных процессов, привлечения специалистов по оценке рисков и чёткого разграничения уголовно наказуемого мошенничества и гражданскоправовых споров. Это позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности и повысить качество правосудия в сфере кредитного мошенничества.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996//Собрание законодательства РФ. — № 25. — 17.06.1996.
2. Ивашкина, Е. А. Динамика преступлений в финансово-кредитной сфере на примере мошенничества в сфере кредитования / Е. А. Ивашкина // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 31. — С. 707–711.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022)// Российская газета. — 11.12.2017. — № 280.
4. Столбов, А. А. Мошенничество в сфере кредитования / А. А. Столбов // Фемида. Science. — 2019. — № 4(10). — С. 119–120.

Квалификация цифровых убийств: когда насилие реализуется через цифровую среду

Бесаева Милена Мухарбековна, студент
Научный руководитель: Костенюк Екатерина Александровна, преподаватель
Оренбургский экономико-юридический колледж

В статье исследуется проблема квалификации насильственных преступлений против жизни, совершаемых с использованием цифровой среды. Показано, что термин «цифровое убийство» объединяет две структурно различные модели — дистанционное причинение смерти и цифровое воздействие на суицидальное поведение. На основе анализа ст. 105 и 110–110.2 УК РФ, доктринальных позиций и приговоров 2017–2026 гг. выявлены источники ошибок квалификации и предложен критерий контроля над смертельным актом. Сформулированы практические рекомендации по актуализации Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1.

Ключевые слова: *цифровое убийство, убийство, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, информационно-телекоммуникационные сети, квалификация преступлений, причинная связь.*

Введение

Цифровая среда стала полноценным инструментом совершения преступлений против личности: через неё осуществляются кибербуллинг, сталкинг, шантаж, раскрытие персональных данных, ложные вызовы силовых служб, навязывание «заданий» и ультиматумов. Главная проблема современной правоприменительной практики — отсутствие чётких критериев для разграничения убийства (ст. 105 УК РФ) и доведения до самоубийства (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ) [1] в тех случаях, когда травля в сети приводит к смерти потерпевшего. Закон создал специальные нормы [2], но не ответил на главный вопрос: по какому признаку отличать убийство, совершённое через цифровую среду, от доведения человека до самоубийства. Поскольку наказание за эти преступления несоизмеримо, квалификационная ошибка критически меняет судьбу осуждённого.

Отсутствие физического контакта, растянутость во времени и анонимность в цифровой среде усложняют определение роли преступника при совершении онлайн-преступлений, приведших к смерти: воздействие складывается из десятков сообщений, в нём могут участвовать несколько лиц под псевдонимами, а смертельное действие совершает сам потерпевший либо третье лицо, не осознающее последствий. Цель исследования — предложить чёткий критерий разграничения убийства и доведения до самоубийства (ст. 105 и ст. 110–110.2 УК РФ) в сети «Интернет», основываясь на судебной практике 2017–2026 гг. Исследовательский вопрос: достаточно ли признака использования сети «Интернет», чтобы определить вид преступления, или решающим должен быть иной признак? Практическая острота темы подтверждается свежими делами: приговор сентября 2026 г. касается многомесячного преследования школьницы через социальную сеть.

1. Понятие и признаки «цифрового убийства»

Термин «цифровое убийство» не закреплён в законодательстве и разъяснениях Верховного Суда РФ. В публицистике он используется для обозначения разнородных феноменов, поэтому в рамках юридического исследования данное понятие необходимо очистить от метафоричности. В настоящей статье под «цифровым убийством» предлагается понимать умышленное причинение смерти другому человеку, при котором решающее воздействие на потерпевшего либо на источник опасности для его жизни осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Ключевой признак здесь — не сама сеть как пространство, а детерминирующий характер цифрового воздействия, приводящего к летальному исходу. Для цифрового убийства характерны четыре признака: умышленность и направленность на лишение жизни; опосредованность воздействия технологией; отсутствие физического контакта виновного с потерпевшим; наличие цифровых следов (переписка, журналы доступа, метаданные), позволяющих реконструировать воздействие с помощью осмотра и компьютерно-технической экспертизы.

Такое определение охватывает две структурно разные модели.

Первая — цифровая среда как способ совершения преступления. Технология служит инструментом запуска смертельной причинной цепи, а смерть наступает не по решению потерпевшего. Примеры: дистанционное вмешательство в работу медицинского оборудования или систем жизнеобеспечения; ложный вызов силовых служб в расчёте на то, что при задержании будет применено оружие («сваттинг»); передача заведомо ложной информации, побуждающей третье лицо, не осознающее опасность, совершить смертельное действие. Это модель опосредованного причинения смерти: она, как правило, укладывается в ст. 105 УК РФ, а при использовании невиновного лица — в ч. 2 ст. 33 УК РФ [3]. Позиция Верховного Суда РФ последовательна: использование сети «Интернет» рассматривается как способ, который сам по себе не меняет вид преступления, если закон не придал ему значения специального признака [4].

Вторая — цифровая среда как пространство психологического воздействия. Технология не причиняет смерть,

а формирует условия, в которых потерпевший сам принимает решение о самоубийстве: травля, угрозы, требования «выполнить задание», создание привлекательного образа смерти. Смертельный акт совершает потерпевший. Именно эту модель законодатель описал в ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, и именно она порождает основную часть сложностей, поскольку внешне выглядит как убийство «руками жертвы».

Термин требует уточнения по трём причинам. Во-первых, он объединяет модели с разной причинной структурой и разными санкциями, из-за чего выводы по одной модели незаконно переносятся на другую. Во-вторых, он создаёт иллюзию, что цифровая форма сама повышает опасность деяния до уровня убийства, тогда как для закона существенна степень контроля виновного над смертельным исходом. В-третьих, он подталкивает к идее самостоятельной нормы, хотя цифровая среда описывает способ, а не объект посягательства. Далее предлагается различать «дистанционное причинение смерти» (первая модель) и «цифровое воздействие на суицидальное поведение» (вторая), а разговорный термин сохранять лишь как зонтичный.

2. Проблемы квалификации

Нормы. Статья 105 УК РФ охватывает умышленное причинение смерти другому человеку; Пленум Верховного Суда РФ требует установить умысел и причинную связь деяния со смертью [5]. Статья 110 устанавливает ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства; ст. 110.1 — за склонение к самоубийству уговорами, предложениями, подкупом, обманом или иным способом «при отсутствии признаков доведения», а также за содействие; ст. 110.2 — за организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в этой группе норм выступает квалифицирующим признаком, а в ст. 105 такого признака нет — и это не пробел: убийство определяется не средой, а характером причинения смерти.

Причинная связь. Классическое условие ответственности — то, что смерть является результатом деяния виновного [6]. Но свободное и осознанное поведение другого лица обычно рассматривается как обстоятельство, прерывающее причинную цепь [7]. Применительно к самоубийству это означает, что решение потерпевшего — автономный фактор, способный «разорвать» связь между словами виновного и смертью. Условие «без деяния виновного смерть не наступила бы» необходимо, но недостаточно: воздействие должно быть достаточным, чтобы сформировать решение потерпевшего, а не быть одним из фоновых факторов. Статья 110 — исключение, признающее причинение самоубийства через психику, но лишь определёнными способами. В цифровой среде доказывание осложняется: воздействие многоканально и длительно, аккаунты анонимны, на решение потерпевшего влияют и иные факторы (семья, расстройства), которые приходится отсекать комплексной посмертной психолого-психиатрической экспертизой. Следствием становится доказательный разрыв: по сообщению следствия, с «группами смерти» Будейкина связывали 15 самоубийств подростков [8], однако осуждение последовало лишь за эпизоды в отношении двух потерпевших, которые остались живы [9].

Умысел. В литературе по существу сложились две позиции. Расширительная исходит из того, что если виновный желал смерти, а психическое воздействие избрал как средство, содеянное — убийство. Ограничительная рассматривает самоубийство как акт, который, даже будучи вынужденным, остаётся актом потерпевшего, поэтому убийство возможно лишь тогда, когда потерпевший утратил способность руководить своими действиями (обман относительно сущности действия, беспомощность, непосредственное насилие). Для убийства характерна направленность умысла на лишение жизни [10], тогда как состав доведения построен на воздействии на психику потерпевшего; законодательные новеллы 2017 г. в научных работах оцениваются неоднозначно [11, с. 11–12; 12, с. 81–82]. Эти позиции дают разные результаты именно там, где виновный желал смерти, но формально воздействовал словом. Отдельная проблема — косвенный умысел: убийство возможно и при сознательном допущении смерти, поэтому в «сваттинге» виновный, рассчитывающий на применение оружия при задержании, не обязательно желает гибели жертвы, но допускает её. Правомерные действия сотрудников полиции при этом не исключают ответственность инициатора: он причиняет смерть через невиновных исполнителей. Норма ст. 110.1 УК РФ по своей законодательной конструкции субсидиарна («при отсутствии признаков доведения до самоубийства»). Это обязывает правоприменителя первоначально проверять наличие жёстких признаков ст. 110 УК РФ (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение) и лишь при их отсутствии переходить к оценке действий на предмет склонения или содействия суициду.

Соучастие. Самоубийство не является преступлением, а потому подстрекательство или пособничество самоубийству по ст. 33 УК РФ невозможно: нет преступления, к которому можно причаститься. Именно это объясняет появление ст. 110.1 УК РФ [13, с. 104–107]. Показательна эволюция обвинения Будейкину: дело было возбуждено по ч. 4 ст. 33, ст. 110 УК РФ, затем обвинение предъявили только по ст. 110 без ссылки на подстрекательство [8]. В групповых сценариях куратор, администратор и «исполнитель заданий» оказываются либо исполнителями доведения, либо организаторами по ст. 110.2; для ст. 105 соучастие применимо полностью, в том числе когда один выполняет технический акт, а другой направляет его.

Источники ошибок. Выделяются четыре. Первая — подмена критерия: цифровой способ ошибочно считается основанием для «усиленной» квалификации по ст.

105 либо, напротив, для автоматического применения ст. 110. Вторая — смешение способов: угроза убийством близким (дело Сидорова) формально относится к способам доведения, но по интенсивности приближается к принуждению. Третья — игнорирование отношения виновного к смерти: оно не влияет на выбор нормы, если смертельный акт совершил сам потерпевший. Четвёртая — двойной учёт неоконченности: ст. 110 уже включает покушение на самоубийство как последствие, а суды применяют ещё и ч. 3 ст. 30 УК РФ (в деле Будейкина — ст. 110 и ч. 3 ст. 30, ст. 110). Граница между оконченным доведением до попытки самоубийства и покушением на доведение остаётся неопределённой.

3. Судебная практика и авторские предложения

В открытых источниках, доступных автору, приговоров по ст. 105 УК РФ, в которых смерть наступила от самостоятельного действия потерпевшего под цифровым воздействием, обнаружено не было: ст. 105 применяется при физическом исполнении смертельного акта виновным. Показательны четыре дела о преступлениях в цифровой среде; сведения о них получены из судебных пресс-релизов и публикаций СМИ, поэтому формулировки приговоров нуждаются в проверке по текстам актов.

По делу Будейкина Тобольский районный суд в июле 2017 г. осудил администратора «группы смерти» по ст. 110 и ч. 3 ст. 30, ст. 110 УК РФ к 3 годам 4 месяцам колонии-поселения [9]. Смерти потерпевших в приговоре не вменялись, несмотря на масштаб расследования. По делу Сидорова Еткульский районный суд Челябинской области в 2018 г. назначил 3 года по ч. 1 ст. 110 и ст. 163 УК РФ: он склонял 14-летнюю школьницу к самоубийству, угрожая убить её родителей, и требовал деньги [14]. Угроза убийством близким рассматривалась как способ доведения, а не как отдельный состав. По делу Погиблова Ленинский районный суд Новосибирска 15 апреля 2025 г. назначил 9 лет по ч. 2 ст. 110.2, ч. 3 ст. 110.1 и ч. 4 ст. 150 УК РФ; умысел не был доведён до конца из-за задержания [15]. По делу Шалимова Новгородский районный суд Новгородской области в сентябре 2026 г. назначил 12 лет по ч. 2 ст. 110 и ч. 2 ст. 207 УК РФ: полугодовое преследование школьницы, раскрытие её данных, ложные сообщения о минировании от её имени и требование покончить с собой завершились попыткой самоубийства [16].

Сопоставление обнаруживает закономерность: суды квалифицируют по способу воздействия и по последствию, а не по отношению виновного к смерти; ни в одном из четырёх дел, по имеющимся сведениям, смерть не наступила. Ограничительная позиция подтверждается практикой, расширительная отражения не находит. Но если бы потерпевший погиб, вопрос об умысле на убийство встал бы остро, а критерия, позволяющего его решить, практика не выработала.

Предлагается критерий контроля над смертельным актом. Деяние, совершённое с использованием цифровой среды, квалифицируется как убийство (ст. 105 УК РФ, при использовании невиновного — с учётом ч. 2 ст. 33), если одновременно соблюдены два условия. Первое — объективное: смертельное действие совершено не потерпевшим либо совершено им при утрате способности руководить действиями (заблуждение относительно смертельности действия, беспомощность) или совершено третьим лицом либо технической системой, запущенными виновным. Второе — субъективное: виновный осознавал, что его воздействие приведёт к смерти, и желал её либо сознательно допускал. Если первое условие отсутствует, а потерпевший сохранял, пусть и под давлением, возможность выбора, деяние квалифицируется по ст. 110, 110.1 или 110.2 УК РФ независимо от желания виновного. Пример: сваттинг, рассчитанный на применение оружия сотрудниками полиции, — убийство через невиновных исполнителей; многомесячная травля с требованием самоубийства (дело Шалимова) — доведение.

Критерий не обесценивает желание смерти: если оно было у виновного, но смертельный акт совершил потерпевший, сохранявший выбор, это обстоятельство должно учитываться при назначении наказания в пределах ст. 110–110.2, а не расширять ст. 105. Модельная ситуация для проверки: лицо, получив доступ к управляющему приложению инсулиновой помпы, задаёт опасную дозу — потерпевший не руководит смертельным актом, условия критерия соблюдены, налицо убийство.

Из критерия вытекают практические рекомендации для правоприменения и предложения по совершенствованию регулирования. Во-первых, не вводить самостоятельную норму о «цифровом убийстве»: цифровая среда описывает способ, а не объект посягательства. Во-вторых, актуализировать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», закрепив в нём критерий контроля и разъяснение о посредственном причинении смерти через информационно-телекоммуникационные сети. В-третьих, разъяснить, что ч. 3 ст. 30 УК РФ применима к ст. 110 лишь при отсутствии самоубийства и покушения на него. В-четвёртых, рассмотреть дифференциацию санкций ст. 110 по тяжести последствия — оконченное самоубийство и покушение, поскольку диспозиция базового состава объединяет их.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать четыре вывода. Первый: термин «цифровое убийство» объединяет две модели — дистанционное причинение смерти и цифровое воздействие на суицидальное поведение; без их разделения квалификация неизбежно ошибочна. Второй: сама по себе цифровая среда не определяет вид преступления — как в ст. 105, так и в ст. 110–110.2 УК РФ она является способом, а не основанием выбора нормы, что согласуется с подходом Пленума Верховного Суда РФ. Третий: основные ошибки связаны с подменой

критерия, двойным учётом неоконченности и доказательным разрывом в причинной связи.

Четвёртый вывод отвечает на исследовательский вопрос: решающим является не признак использования сети «Интернет», а контроль виновного над смертельным актом в сочетании с отношением к смерти. Если смертельное действие выполнено потерпевшим, сохранявшим возможность выбора, применяются ст. 110–110.2; если оно выполнено помимо его осознанной воли, третьим лицом или технической системой, — ст. 105 УК РФ.

Практическая значимость разработанного подхода заключается в формировании для органов следствия и суда верифицируемой последовательности алгоритмических вопросов. Это минимизирует риски необоснованно расширительного толкования ст. 105 УК РФ применительно к суицидам и обеспечивает единообразие судебной практики в условиях лавинообразного роста числа преступлений, связанных с цифровым насилием.

Сформулированные в работе предложения открывают перспективу для дальнейших прикладных исследований на материалах уголовных дел, по которым наступила смерть потерпевших. Именно детальный эмпирический анализ подобных прецедентов позволит окончательно подтвердить универсальность и достаточность предложенного критерия контроля для разграничения ст. 105 и ст. 110–110.2 УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 УПК РФ в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2004. 736 с.
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
6. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.
7. Hart H. L. A., Honoré T. Causation in the Law. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1985. 516 p.
8. Администратору «группы смерти» во «ВКонтакте» предъявили обвинение (сообщение ГСУ СК России по Санкт-Петербургу) // Zakon.kz. 23.11.2016. URL: https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4830529-administratoru-gruppy-smerti-vo.html (дата обращения: 09.11.2026).
9. Приговор Тобольского районного суда Тюменской области в отношении Ф. Будейкина (июль 2017 г.); см.: Филиппа Лиса приговорили к трём годам колонии за доведение до самоубийства // Lenta.ru. 18.07.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/07/18/lis/ (дата обращения: 09.11.2026).
10. Бородин С. В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 1999. 356 с.
11. Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11–12.
12. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву РФ: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 81–82.
13. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. О некоторых вопросах применения статьи 110.1 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 7. С. 104–107. URL: https://journals.eco-vector.com/2072–3164/article/view/531033 (дата обращения: 09.11.2026).
14. Приговор Еткульского районного суда Челябинской области в отношении И. Сидорова (2018 г.); см.: На Урале московского почтальона осудили за попытку довести школьницу до суицида через интернет // Медиазона. 05.09.2018. URL: https://zona.media/news/2018/09/05/whale (дата обращения: 09.11.2026).
15. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 15.04.2025 в отношении И. Погиблова; см.: Создателя канала «Синий кит» приговорили к девяти годам колонии // Новая газета Европа. 15.04.2025. URL: https://novayagazeta.eu/articles/2025/04/15/sozdatelia-kanala-sinii-kit-prigovorili-k-deviati-godam-kolonii-po-delu-o-sklonenii-detei-k-suitsidu-news (дата обращения: 09.11.2026).
16. Приговор Новгородского районного суда Новгородской области в отношении М. Шалимова (сентябрь 2026 г.); см.: пресс-релиз Новгородского районного суда Новгородской области. URL: https://novgorodski.nvg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=606; Жителя Новгородской области признали виновным в онлайн-травле школьницы // Meduza. 14.09.2026. URL: https://meduza.io/news/2026/09/14/zhitelya-novgorodskoy-oblasti-priznali-vinovnym-v-onlayn-travle-shkolnitsy-emu-dali-12-let-kolonii-za-dovedenie-do-popytki-suitsida (дата обращения: 09.11.2026).

Право общей совместной собственности: виды, основания возникновения и проблемы раздела имущества

Беспалова Юлия Викторовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Актуальность темы права общей совместной собственности обоснована тем, что установление государством базовых правил по поводу видов общей совместной собственности, оснований возникновения и раздела имущества требует совершенствования. На практике собственники совместного имущества сталкиваются с трудностями в отграничении личного имущества, а также с вопросами раздела совместной собственности. Кроме того, в современных условиях меняется и законодательство, а также практика его применения, это порождает потребность в комплексном исследовании проблемных аспектов и поиске возможных путей совершенствования данного механизма.

Данная тема регулярно изучается российским научным сообществом. Существенный вклад в разработку вопросов, связанных с этим видом собственности, внесли — Б. М. Гонгало, В. А. Рясенцев, В. В. Ветрянский, Д. М. Генкин, Е. А. Суханов, Е. А. Чефранова, К. П. Победоносцев и другие.

Понятие общей совместной собственности дано в ГК РФ — это «имущество, находящееся в собственности двух или нескольких лиц без определения долей каждого» (ст. 244 ГК РФ) [2].

Общая совместная собственность возникает только в случаях, предусмотренных в законе — совместная собственность супругов, приобретенная ими во время брака (ст. 256 ГК РФ, а также п. 1 ст. 34 СК РФ) [2, 3], и собственность членов крестьянского (фермерского) хозяйства (далее — КФХ) на имущество, используемое для ведения такого хозяйства (ст. 257 ГК РФ, ст. 6 ФЗ от 11.06.2003 № 74-ФЗ) [2, 5], а также до 21.05.2001 был известен и еще один (третий) возможный случай образования общей совместной собственности — совместная приватизация жилого помещения, приватизированного до 31 мая 2001 года проживающими в ней гражданами (ч. 1 ст. 2 Закона РФ от 04.07.1991 № 1541–1) если оно по желанию собственников передавалось им в совместную собственность (ст. 3.1 Закона РФ от 04.07.1991 № 1541–1) [6]. Эти случаи возникновения совместной собственности можно назвать исключением из общих правил, которые диктует ГК: «общая собственность на имущество является долевой» (п. 3 ст. 244 ГК РФ). [2]

Основаниями возникновения права общей совместной собственности супругов могут быть: 1) приобретение вещей (кроме вещего индивидуального пользования (исключая драгоценности и предметы роскоши) — они поступают в собственность того супруга, который ими пользуется) (абз. 2 п. 2 ст. 256 ГК РФ; п. 2 ст. 36 СК РФ) любым из супругов (п. 1 ст. 256 ГК РФ; п. 1 ст. 34 СК РФ; 2) участие в имуществе другого супруга собственными средствами или общим имуществом, значительно увеличившее стоимость этого имущества (абз. 3 п. 2 ст. 256 ГК РФ; ст. 37 СК РФ). Нормой п. 2 ст. 34 СК РФ приводится примерный перечень вещей, поступающих в общую совместную собственность супругов, независимо от того, кем и на имя кого из супругов оно приобретено [2, 3].

Основанием возникновения права общей совместной собственности членов КФХ является: 1) приобретение любым из его членов вещей, составляющих так называемое имущество КФХ (п. 1 ст. 257 ГК РФ); 2) отделение плодов, производство продукции и получение доходов в результате деятельности КФХ (п. 3 ст. 257 ГК РФ). В состав имущества КФХ входят, в частности, «предоставленный или приобретенный земельный участок, хозяйственные или иные постройки, мелиоративные и другие сооружения, продуктивный и рабочий скот, птица, сельскохозяйственная и иная техника и оборудование, транспортные средства, инвентарь и другое имущество, приобретенное для хозяйства на общие средства его членов» (п. 2 ст. 257 ГК РФ; п. 1 и 2 ст. 6 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»). [2, 5, 8 с. 325]. Законом или договором (соглашением) между членами КФХ может быть предусмотрен и иной режим данного имущества (п. 1 ст. 257 ГК РФ; п. 3 ст. 6 Закона) [2, 5].

Также необходимо учесть и право совместной супружеско-крестьянской (супружеско-фермерской) собственности. В случае если члены КФХ являются к тому же и супругами, то приоритетом пользуются нормы ст. 257 и 258 ГК РФ о праве общей совместной собственности членов КФХ; нормы об общей совместной собственности супругов отступают перед ними на второй план (п. 2 ст. 33 СК РФ). Объяснение этой нормы очень простое: в случае если к супругам присоединится еще хотя бы один новый член хозяйства, то возникнет надобность в установлении весьма экстравагантного варианта общей совместной собственности, где отношения между одними членами хозяйства (супругами с одной стороны, и другими лицами — с другой, а также между этими последними) будут подчиняться нормам ГК РФ, а отношения между другими сохозяевами (супругами) — СК. Вряд ли подобная двойственность может быть оправдана [2, 3].

Нормальным случаем прекращения права общей совместной собственности является ее преобразование (превращение) в общую долевую собственность, осуществляемое посредством определения размеров долей собственников (п. 1 ст. 254 ГК РФ) [2].

Однако, как показывает практика, супруги, в том числе и бывшие супруги сталкиваются с проблемами раздела совместной собственности в части определения состава об-

щего имущества, причитающегося каждому из них. Сложность возникает в выборе способа раздела (добровольно (по взаимному согласию) и в суде), в понимании и отграничении личной собственности одного из супругов от совместной (например, квартиры полученной в дар по наследству, однако в последующем в этой квартире была сделана реконструкция существенно увеличивающая стоимость). Кроме этого между супругами (бывшими супругами) возникают споры и сложности в доказывании вклада каждого супруга в приобретение имущества, а также имеет место недобросовестное поведение одного из супругов (например, сокрытие активов, акций) и отчуждение имущества одним из супругов в тайне от другого — не в интересах семьи). В процессе семейных отношений могут возникнуть долги, которые также подлежат разделу. Нередко проблема заключается в доказывании цели кредита и был ли он израсходован на нужды семьи [10].

Стоит учесть и особенности исчисления сроков исковой давности. Пункт 19 Постановления Пленума ВС от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъясняет с какого момента исчисляется срок исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью бывших супругов (п. 7 ст. 38 СК РФ), отсчет идет не со времени прекращения брака, а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ) [7, 3, 2, 9]. В чём часто кроется сложность? В том, что момент нарушения права не всегда очевиден и зависит от реальных обстоятельств, например, срок исковой давности начинает течь с того момента, когда потерпевший супруг узнал о совершенной сделке.

В современном правовом поле раздел общего совместного имущества супругов является структурно сложным. В связи с чем предлагается заранее продумывать «точки опоры», например, заключать брачный договор, нотариальное соглашение, а также рекомендуется ведение учета доходов и крупных покупок, сохранение правоустанавливающих документов.

Раздел имущества КФХ может сопровождаться некоторыми проблемными вопросами и требует четкого правового подхода. Определение долей при фактически не равных размерах вкладов, например, один участник внес сельскохозяйственную технику, другой — стройматериалы для строительства цехов или трудовые ресурсы. По закону доли участников хозяйства равные.

Для избежания проблем с разделом общего совместного имущества КФХ предлагается использовать юридические меры защиты — письменное соглашение на этапе создания КФХ, которое зафиксирует размеры долей участников, механизм оценки вкладов и расчет стоимости, порядок выплаты компенсации на случай выхода одного из членов хозяйства или при наследовании доли участника хозяйства лицом не являющимся членом КФХ.

Необходимо заметить, что участники КФХ могут столкнуться со сложностями, возникающими при разделе земельного участка. Согласно п. 2 ст. 11.4 ЗК РФ, при разделе земельного участка у его собственника возникает право собственности на все вновь образованные участки. Это создает неопределенность в дальнейшем владении и пользовании. В связи с чем возникает необходимость в выделе земельного участка для установления права собственности конкретного участника долевой собственности на отдельный участок (п. 2 ст. 11.5 ЗК РФ, ст. 12 Федерального закона от 27.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения») [1, 4].

Исследование подтверждает, что формы совместной собственности весьма разнообразны: они устанавливаются между супругами и участниками КФХ, оказывая при этом значительное практическое воздействие. По этой причине актуально совершенствовать нормативную базу. Это поможет защитить права участников общей совместной собственности, которые выбрали данный режим владения, пользования и распоряжения общим совместным имуществом, и свести к минимуму возможные споры и конфликты.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ // [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ // [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11 июня 2003 г. N 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 июня 2003 г. N 24 ст. 2249.
6. О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации: Закон РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-I // [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. 15 // [Электронный ресурс]: Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 6-е изд., перераб. и доп. –М.: Юрайт, 2026. — 429 с. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 325 — URL: https://urait.ru/bcode/590718/p.325 (дата обращения: 04.11.2026).
9. Богославская, Л. С. Специфика реализации права общей собственности: анализ ключевых аспектов / Л. С. Богославская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 9 (560). — С. 138–141. м URL: https://moluch.ru/archive/560/123002. (Дата обращения: 04.11.2026).
10. Романова, В. Р. Проблемы раздела имущества супругов / В. Р. Романова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 21 (572). — С. 317–320. — URL: https://moluch.ru/archive/572/125616. (Дата обращения: 04.11.2026).

Доказывание вины при автоматизированном налоговом контроле: правовые гарантии налогоплательщика

Билалова Илюза Рафиковна, студент
Научный руководитель: Столярова Зинаида Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Исследуются пределы использования автоматизированных данных при доказывании налоговых правонарушений. На основе формально-юридического и системного анализа, а также судебной практики показано, что программное выявление расхождений само по себе не доказывает вину. Сформулированы критерии проверки электронных доказательств и трехступенчатый алгоритм разграничения смежных составов, направленные на защиту прав налогоплательщика.

Ключевые слова: *налоговое администрирование, электронные доказательства, презумпция невиновности, вина юридического лица, автоматизированный контроль.*

Введение

Цифровизация налогового администрирования изменила выявление нарушений: электронная отчетность, сопоставление счетов-фактур, онлайн-кассы, межведомственный обмен и единый налоговый счет позволяют дистанционно анализировать большие массивы данных. Однако автоматизированные результаты требуют самостоятельной правовой оценки.

По статье 106 Налогового кодекса РФ налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное деяние, за которое Кодексом установлена ответственность [2]. Конституционный Суд РФ подчеркивал, что при применении налоговых санкций должны быть доказаны как факт нарушения, так и степень вины лица [3]. Следовательно, обнаруженное системой расхождение — повод для проверки, но не готовый вывод о виновности. Цель исследования — определить требования к доказыванию вины при автоматизированном контроле и предложить алгоритм квалификации сложных составов. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

1. Автоматизированный контроль и пределы его доказательственного значения

Налоговые органы используют цифровые инструменты для сопоставления сведений об операциях, отчетности и движении денежных средств. Система контроля НДС выявляет разрывы в цепочках счетов-фактур, онлайн-кассы передают данные о расчетах, электронный документооборот ускоряет обмен. Это отражает переход к риск-ориентированному администрированию [5].

Однако риск-индикатор не равен доказанному правонарушению. Расхождение показателей или отрицательное сальдо единого налогового счета сами по себе не подтверждают противоправное поведение и возможность исполнить обязанность. Следует различать недоимку и пени, связанные с уплатой налога, и штраф как меру ответственности: автоматическое требование или расчет пеней не устанавливают состав и вину.

В действующей редакции статьи 108 НК РФ пункт 3 связывает основание привлечения с установлением нарушения вступившим в силу решением налогового органа, а пункт 6 закрепляет презумпцию невиновности и возлагает на инспекцию обязанность доказать факт правонарушения и виновность лица [2]. В совокупности со статьей 110 НК РФ это исключает подмену индивидуальной оценки вины автоматическим результатом информационной системы.

2. Доказывание вины и проверка электронных доказательств

Статья 110 НК РФ предусматривает умысел и неосторожность. Вина организации определяется через действия

или бездействие ее должностных лиц либо представителей, обусловивших нарушение [2]. Поэтому необходимо установить, кто отвечал за исполнение обязанности, какими полномочиями и сведениями он располагал, мог ли предотвратить нарушение и какие меры организация приняла для соблюдения закона. Сам по себе пропуск срока не доказывает виновность юридического лица.

Следует также учитывать различия между формальными и материальными составами. Для статьи 119 НК РФ значим факт несвоевременного представления декларации. По статье 122 НК РФ устанавливается неуплата или неполная уплата вследствие неправомерных действий (бездействия) налогоплательщика, а при необходимости — причинная связь с недоимкой [2].

Электронные доказательства следует проверять по происхождению, целостности, временным отметкам и связи с конкретным лицом. Значение имеют электронная подпись, квитанции, протоколы форматно-логического контроля и журналы операций. Скриншот или распечатка выгрузки оцениваются в совокупности с другими материалами. В деле № 2А-4514/2025 Енакиевский межрайонный суд исследовал статус приема электронного файла и сведения о технической исправности канала [4], что показывает необходимость проверять всю цепочку передачи документа. Технический сбой может исключать вину, если реально препятствовал исполнению обязанности, а налогоплательщик своевременно обратился в поддержку либо использовал доступный альтернативный канал; такие обстоятельства оцениваются с учетом статьи 111 НК РФ [2].

3. Разграничение смежных составов и алгоритм квалификации

Одно поведение может содержать признаки нескольких составов НК РФ и КоАП РФ. Искажение бухгалтерского учета, например, способно повлечь занижение налоговой базы и одновременно поставить вопрос о соблюдении правил учета. Для квалификации важно установить, имеется ли единое деяние или несколько эпизодов, определить объект посягательства, адресата обязанности и субъекта ответственности.

Административная ответственность должностного лица по статье 15.11 КоАП РФ и налоговая ответственность организации по главе 16 НК РФ не тождественны автоматически: различаются субъект и содержание нарушенной обязанности [1; 2]. Вместе с тем пункт 2 статьи 108 НК РФ запрещает повторное привлечение одного лица за одно и то же налоговое правонарушение [2, п. 2 ст. 108]. Поэтому сравнивать следует фактическое поведение, субъекта и период, а не только номера применяемых статей.

Предлагается трехступенчатый алгоритм. Сначала устанавливаются фактическое поведение, временные границы, последствия и причинная связь; определяется, имеется ли одно деяние или несколько эпизодов. Затем составы разграничиваются по объекту посягательства, субъекту и содержанию обязанности. На третьем этапе проверяется запрет повторной ответственности путем сопоставления лица, деяния и периода. Вина устанавливается отдельно, а цифровые сведения оцениваются как доказательства, а не готовый юридический вывод.

Заключение

Автоматизированный налоговый контроль расширяет возможности выявления рисков, но не меняет оснований юридической ответственности. Результаты проверки и данные единого налогового счета могут служить источником сведений, однако не заменяют доказывание противоправного поведения, субъекта и формы вины, а при необходимости — причинной связи. Для повышения единообразия практики целесообразно разработать методические рекомендации ФНС России и Верховного Суда РФ по проверке происхождения и целостности электронных доказательств, учету технических сбоев, разграничению единого деяния и совокупности эпизодов и применению запрета повторного наказания. Такой подход позволит использовать цифровые технологии без автоматического вменения вины и с сохранением гарантий налогоплательщика.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона РФ "О федеральных органах налоговой полиции"» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 197.
4. Решение Енакиевского межрайонного суда Донецкой Народной Республики от 30.10.2025 по делу № 2А-4514/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QH9PDjCU8011/ (дата обращения: 08.11.2026).
5. Таймазова Э. А. Развитие цифровых технологий в налоговом администрировании // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2023. № 1(39). С. 109–116.

Разграничение налоговой и административной ответственности: критерии квалификации и запрет повторного привлечения

Билалова Илюза Рафиковна, студент
Научный руководитель: Столярова Зинаида Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Исследуется разграничение налоговой и административной ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах. Выделяются критерии квалификации: источник нормы, субъект, нарушенная обязанность, объект посягательства и порядок производства. На примере статей 120 НК РФ и 15.11 КоАП РФ анализируется соотношение запрета повторного наказания и самостоятельной ответственности организации и ее должностного лица. Обосновывается необходимость отдельно устанавливать состав и вину каждого субъекта.

Ключевые слова: *налоговая ответственность, административная ответственность, налоговое правонарушение, разграничение составов, двойное наказание, НК РФ, КоАП РФ.*

Введение

Ответственность в сфере налогообложения регулируется НК РФ и КоАП РФ. Один хозяйственный эпизод может затрагивать обязанности организации и ее должностного лица, что осложняет выбор нормы и создает риск необоснованного либо повторного наказания. Цель статьи — определить критерии разграничения налоговой и административной ответственности и условия их параллельного применения.

1. Научные подходы к правовой природе налоговой ответственности

Различие подходов к правовой природе налоговой ответственности связано с двойственной характеристикой института: специальные налоговые составы и процедура установлены НК РФ, но санкции имеют публично-штрафной характер. Одновременно КоАП РФ предусматривает наказания за отдельные нарушения в области учета и отчетности [1; 2].

В доктрине выделяются три позиции. Первая признает налоговую ответственность самостоятельной разновидностью финансово-правовой ответственности, связывая ее с предметом налогового права и особой процедурой (И. И. Кучеров [3], Л. В. Тернова [4]). Вторая относит такие санкции к административным. Третья рассматривает нормы как межотраслевой институт защиты налоговых правоотношений [5].

Для квалификации конкретного дела важнее не общее название института, а адресат обязанности, характер нарушенного правила и субъект соответствующего состава. Совпадение санкций или экономического результата еще не означает тождества правонарушений.

2. Критерии разграничения налоговой и административной ответственности

Первый критерий — источник нормы. Если состав и санкция закреплены НК РФ, применяется налогово-правовой порядок; если деяние предусмотрено КоАП РФ, ответственность наступает по правилам административного производства. Сам факт связи нарушения с налогами не превращает административную санкцию в налоговую.

Второй критерий — субъект. Налоговую ответственность несут лица, обозначенные в НК РФ. Административные составы часто адресованы должностным лицам, отвечающим за учет, отчетность или иные публичные обязанности. Организация и руководитель — самостоятельные субъекты; вина одного не доказывает вину другого.

Третий критерий — нарушенная обязанность и объект посягательства. Налоговые составы охраняют порядок исчисления и уплаты налогов, исполнения обязанностей агента и представления налоговой отчетности. Административные нормы могут защищать порядок бухгалтерского учета и исполнения должностных обязанностей. Совпадение экономического результата не означает тождества составов [6].

Размер штрафа не разграничивает виды ответственности: оба кодекса предусматривают такую санкцию. Значение имеют правовое основание, компетенция органа и срок давности. По ст. 113 НК РФ общий срок составляет три года; ст. 4.5 КоАП РФ устанавливает специальные сроки, в том числе один год для налоговых нарушений и два года для нарушений правил бухгалтерского учета [1; 2].

Критерии необходимо оценивать в совокупности: сопоставлять субъекта, обязанность, деяние и правовое основание санкции.

3. Пределы параллельного применения санкций

Пункт 2 ст. 108 НК РФ запрещает повторную ответственность за одно налоговое правонарушение. По п. 4 ответственность организации не исключает самостоятельной ответственности должностных лиц, если для этого есть основания [1]. Эти положения следует применять во взаимосвязи.

Так, статья 120 НК РФ устанавливает санкцию для организации за грубое нарушение правил учета доходов, расходов и объектов налогообложения. Статья 15.11 КоАП РФ предусматривает административную ответственность должностных лиц за грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету и отчетности [1; 2]. Ситуация может быть общей, но субъекты и обязанности различны.

Следовательно, привлечение организации по ст. 120 НК РФ и должностного лица по ст. 15.11 КоАП РФ само по себе не означает повторного наказания: субъекты различны, а п. 4 ст. 108 НК РФ допускает самостоятельную ответственность. При этом состав и вина должностного лица устанавливаются отдельно; решение в отношении организации их не доказывает.

Если оба решения адресованы одному субъекту и основаны на тождественном деянии, необходимо проверить запрет повторного привлечения и требования справедливости публичного принуждения, отраженные в позициях Конституционного Суда РФ [7].

Практическая проверка сводится к четырем вопросам: кто привлекается; какая обязанность на него возложена; совпадает ли вменяемое деяние; доказана ли вина именно этого субъекта. Это исключает и механический запрет санкций для разных лиц, и их формальное дублирование.

4. Совершенствование правового регулирования

В магистерской диссертации предложено упорядочить нормы НК РФ и КоАП РФ, включая возможную консолидацию налоговых составов в КоАП РФ. Такая реформа может сократить дублирование, но не должна ослабить специальные процессуальные гарантии налогоплательщиков.

Приоритетом должны стать единые критерии разграничения смежных составов: объект, деяние, субъект, вина, компетентный орган и срок давности. Рекомендации ФНС и обзоры судебной практики должны отдельно разъяснять условия самостоятельной ответственности организации и ее должностных лиц.

Заключение

Разграничение ответственности требует учитывать источник нормы, субъект, нарушенную обязанность и процедуру. Пункты 2 и 4 ст. 108 НК РФ одновременно закрепляют запрет повторного наказания и возможность самостоятельной ответственности организации и должностного лица. Для устранения коллизий необходимы единые критерии квалификации и согласование НК РФ с КоАП РФ.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.
3. Кучеров И. И. Налоговое право России: курс лекций. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Центр ЮрИнфоР, 2006. — 448 с.
4. Тернова Л. В. Налоговая ответственность — самостоятельный вид юридической ответственности // Финансы. — 2009. — № 9. — С. 30.
5. Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 327 с.
6. Гладкова М. В. О проблеме соотношения налоговых преступлений и иных правонарушений в сфере налогообложения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2010. — № 1. — С. 199.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции"» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 197.

Апартаменты как объект жилищных прав: противоречия статьи 15 ЖК РФ и практика их преодоления

Бочарова Дария Дмитриевна, студент;
Гусева Алина Андреевна, студент
Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Проблема правового положения апартаментов связана прежде всего с тем, что фактическое использование таких помещений не всегда совпадает с их юридическим статусом. Несмотря на то что граждане нередко приобретают апартаменты именно для проживания, по документам они могут относиться к нежилой недвижимости. Статья 15 Жилищного кодекса Российской Федерации устанавливает условия, при которых помещение признаётся жилым, однако прямо не разрешает ситуацию, когда нежилой объект фактически выполняет функцию жилья. Поэтому остаётся открытым вопрос о том, в каких пределах к апартаментам могут применяться нормы жилищного законодательства и какие гарантии доступны их собственникам [2].

Отсутствие отдельного правового режима апартаментов делает особенно важным анализ судебной практики. В настоящем исследовании рассматриваются противоречия регулирования таких объектов с учётом статьи 15 ЖК РФ, подходы судов к отдельным вопросам их использования и возможные направления дальнейшего совершенствования законодательства.

Для определения правового положения апартаментов необходимо исходить из критериев, закреплённых в статье 15 ЖК РФ. Части 1 и 2 данной статьи связывают жилищные права с жилыми помещениями и определяют такое помещение как изолированный объект недвижимости, пригодный для постоянного проживания граждан. Пригодность предполагает соответствие санитарным, техническим и иным установленным законом требованиям.

Перечень видов жилых помещений содержится в статье 16 ЖК РФ: к ним относятся жилой дом и его часть, квартира и её часть, а также комната. Апартаменты в этот перечень не включены. Поэтому бытовое сходство с квартирой — наличие отдельных комнат, кухни и санузла — ещё не придаёт помещению жилой статус. При квалификации объекта учитываются его назначение по документам, проектная документация, сведения кадастрового учёта и документы о вводе здания в эксплуатацию.

Слово «апартаменты» встречается и в законодательстве о средствах размещения: так может называться определённый вид гостиничного номера, отвечающий установленным требованиям. Однако это понятие не следует отождествлять с нежилыми помещениями, которые в обычном обороте называют апартаментами из-за их сходства с квартирами, но которые не входят в гостиничный номерной фонд [6].

Следовательно, само наименование объекта в рекламе или договоре не определяет его правовую природу. Решающее значение имеют документы, из которых следует назначение здания и помещения. Именно здесь проявляется основная коллизия: некоторые нежилые помещения фактически служат местом проживания, но в силу статей 15 и 16 ЖК РФ не становятся жилыми. От этой квалификации зависит и объём прав, которыми могут пользоваться собственники.

Нежилой статус апартаментов означает, что к ним нельзя автоматически применять весь правовой режим квартир. В частности, собственники не получают на этом основании возможность регистрации по месту жительства и не могут ссылаться на все специальные гарантии, предусмотренные жилищным законодательством. Однако из этого не следует, что использование помещения для личных, семейных и бытовых целей всегда недопустимо или что его собственник лишён гражданско-правовой и потребительской защиты.

Такое разграничение прослеживается в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 78-КГ21–17-К3. Суд отметил, что отнесение помещения к нежилым не исключает его использования для личных, семейных, домашних и бытовых нужд. Поэтому при разрешении спора о правах приобретателя важно исследовать не только формальную категорию недвижимости, но и обстоятельства сделки, в том числе цель, с которой гражданин приобретал объект [10].

Эта правовая позиция не превращает апартаменты в жилые помещения и не означает распространения на них всех положений ЖК РФ. Речь идёт о другом: статус самой недвижимости необходимо отличать от характера отношений, возникших при её приобретении и дальнейшем использовании. Если гражданин приобретал помещение для личных или семейных нужд, нежилой статус сам по себе не исключает применения законодательства о защите прав потребителей при наличии предусмотренных им оснований.

При определении того, относится ли объект к жилым помещениям, существенное значение имеют разъяснения пункта 7 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации». В нём раскрываются признаки жилого помещения, вытекающие из статьи 15 ЖК РФ. Тем самым подтверждается, что квалификация объекта должна опираться на установленные законом критерии, а не только на фактический способ его использования [7].

Для споров, связанных с приобретением апартаментов гражданами, важны также пункты 1 и 10 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». Эти разъяснения позволяют учитывать, для каких целей гражданин приобретает товар, работу или услугу, в том числе связаны ли они с личными, семейными и домашними потребностями. Хотя апартаменты прямо в постановлении не рассматриваются, изложенный подход может учитываться при разрешении соответствующих споров [8].

Практическое значение такой позиции видно на примере Определения Верховного суда РФ от 25 мая 2021 г. № 78-КГ21–17-К3. Суд не счёл нежилую категорию помещения достаточной причиной для отказа в применении законодательства о защите прав потребителей. Для разрешения спора требовалось установить цель приобретения объекта и выяснить, имели ли отношения личный, семейный или бытовой характер. Таким образом, защита приобретателя может предоставляться и без предварительного признания апартаментов жилым помещением.

Иной аспект проблемы затронут в кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ от 6 августа 2025 г. № 18-КАД25–32-К4. Рассматривая спор об отказе в согласовании перевода нежилого помещения в жилое, Суд указал, что соответствие площади отдельным нормативам, установленным для квартир, ещё не подтверждает возможность такого перевода. Для этого необходимо выполнить все требования статей 22 и 23 ЖК РФ, в том числе условия об изолированности помещения и его соответствии установленным требованиям. Следовательно, одной лишь схожести планировки с квартирой недостаточно [11].

Вопрос о регистрации граждан в апартаментах наглядно показывает, что судебные подходы к отдельным элементам их правового режима складывались не сразу. Так, в деле Пиуновой В. И. заявительница и её семья просили зарегистрировать их по месту пребывания в нежилом помещении, обозначенном как апартаменты гостиничного типа и принадлежавшем родственнику. Им отказали, и суды общей юрисдикции поддержали это решение. 14 октября 2024 г. судья Верховного суда РФ отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения. В дальнейшем спор был рассмотрен Конституционным судом РФ, который принял постановление от 3 февраля 2026 г. № 4-П [9].

В постановлении № 4-П Конституционный суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они не допускали регистрацию по месту пребывания в нежилых помещениях, которые по проектным характеристикам сходны с квартирами в многоквартирном доме и не относятся к номерному фонду гостиниц или иных средств размещения. До изменения законодательства Суд установил временный порядок: зарегистрироваться могут собственники таких помещений, а с их письменного согласия — члены семьи и близкие родственники, если документально подтверждены соответствующие отношения. Также должны быть представлены документы о предназначении здания для пребывания граждан и пригодности конкретного помещения для такого использования. При этом Суд специально оговорил, что его выводы не относятся к регистрации по месту жительства в нежилых помещениях [9].

Значение постановления № 4-П состоит в том, что Конституционный суд не признал апартаменты жилыми помещениями и не пересмотрел критерии статьи 15 ЖК РФ. Вместе с тем Суд указал: для определённой категории помещений, сходных с квартирами и не входящих в номерной фонд средств размещения, нежилой статус не может служить безусловным препятствием для регистрации по месту пребывания. Таким образом, отдельная гарантия была предоставлена без изменения юридической природы недвижимости.

В целом приведённые судебные акты показывают, что правовая оценка апартаментов зависит от предмета конкретного спора. Вопрос о признании помещения жилым решается по критериям жилищного законодательства, тогда как при защите потребителя или рассмотрении вопроса о регистрации могут учитываться цель приобретения и фактическое назначение объекта. Эти правовые позиции дополняют друг друга, но имеют разные пределы и не должны рассматриваться как единое правило для всех апартаментов.

В научной литературе также нет единого мнения о том, каким должен быть правовой режим апартаментов. Д. А. Формакидов полагает, что изолированное помещение, пригодное для постоянного проживания и являющееся недвижимостью, при соблюдении необходимых условий может быть включено в жилищный фонд как квартира. Д. Н. Кархалев и М. Е. Панкратова предлагают разграничивать жилые и нежилые апартаменты и определять применимые к ним нормы с учётом такой классификации. А. Н. Лужина и Т. В. Сазонова используют характеристику «условно жилые» помещения и обращают внимание на закрытый перечень, установленный статьёй 16 ЖК РФ. С. А. Соменков рассматривает проблему нежилых помещений, приспособленных для проживания, в связи с изменениями правового режима помещений, внесёнными в ГК РФ Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ. Таким образом, в доктрине обсуждаются разные решения: от признания отдельных объектов квартирами при соответствии статье 15 ЖК РФ до распространения на апартаменты отдельных положений жилищного законодательства. Разнообразие предложений подтверждает необходимость более чёткого нормативного разграничения таких объектов [13; 14; 15; 16].

Рассмотренные положения законодательства, судебные решения и научные подходы позволяют говорить о необходимости дальнейшей работы над правовым регулированием апартаментов. При этом, на наш взгляд, решение проблемы не должно сводиться к признанию всех таких помещений жилыми. Более обоснованным пред-

ставляется дифференцированный подход, при котором правовой режим определяется с учётом назначения объекта и особенностей его использования.

Приравнивать все апартаменты к квартирам было бы неверно. Часть таких объектов входит в номерной фонд средств размещения и рассчитана на временное пребывание. Другие представляют собой отдельные нежилые помещения, которые по своим характеристикам напоминают квартиры и фактически используются для проживания. Эти категории имеют разное назначение, поэтому единый правовой подход без их разграничения не позволит учесть существующие различия.

В связи с этим представляется необходимым закрепить в законодательстве критерии, позволяющие разграничивать указанные категории. При определении правового режима следует принимать во внимание проектное назначение здания, конструктивные особенности и санитарно-техническое состояние помещения, его изолированность, а также наличие или отсутствие объекта в номерном фонде средства размещения.

Отдельного согласования требуют нормы жилищного законодательства и правила регистрации граждан, а также положения, регулирующие использование нежилых помещений. Постановление Конституционного суда РФ № 4-П временно разрешило вопрос о регистрации по месту пребывания применительно к определённым объектам. Однако для единообразного применения этого подхода необходимы дальнейшие законодательные изменения, которые устранят сохраняющуюся неопределённость.

Проведённый анализ показывает, что ключевая трудность в регулировании апартаментов возникает из-за несовпадения их фактической функции и юридической квалификации. Статьи 15 и 16 ЖК РФ не называют апартаменты самостоятельным видом жилых помещений, поэтому проживание в них само по себе не предоставляет собственникам весь объём жилищных прав. В то же время судебная практика подтверждает, что нежилой статус не исключает защиты отдельных интересов граждан. Особенно наглядно это проявилось в постановлении Конституционного суда РФ от 3 февраля 2026 г. № 4-П, допустившем регистрацию по месту пребывания в определённой категории нежилых помещений. Наиболее последовательным решением представляется установление дифференцированного правового режима, учитывающего назначение здания, характеристики помещения и способ его использования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
3. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 30.01.2026) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227.
4. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» (ред. от 20.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 6. Ст. 702.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения» (ред. от 27.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 2 и 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», а также пунктов 3, 12 и 14 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Пиуновой Виктории Игоревны» // Российская газета. 2026. 17 февр. № 34 (9870); Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 78-КГ21–17-К3 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru (Электронная справочная).
11. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2025 г. № 18-КАД25–32-К4 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru (Электронная справочная).
12. Судебные акты по делу В. И. Пиуновой (решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 7 декабря 2022 г.; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 8 августа 2023 г.; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 января 2024 г.; определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2024 г.) // Приведены в п. 1.1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № 4-П (Российская газета. 2026. 17 февр. № 34 (9870)).
13. Кархалев Д. Н., Панкратова М. Е. Апартаменты как вид недвижимого имущества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 82–87.
14. Лужина А. Н., Сазонова Т. В. Особенности правового регулирования помещений: на примере жилых помещений и апартаментов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2024. № 3. С. 176–187.
15. Соменков С. А. Особенности правового режима помещений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 170–177.
16. Формакидов Д. А. Современные подходы к определению правового режима апартаментов // Юридический мир. 2021. № 7. С. 33–37.

Правовой режим апартаментов в Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования и судебной практики

Бутко Анна Алексеевна, студент;
Мануковская Дарья Владимировна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуются проблемы правового режима апартаментов в Российской Федерации. Анализируются законодательное регулирование, особенности правового положения собственников и судебная практика. Обосновывается необходимость самостоятельного законодательного закрепления понятия апартаментов и дифференциации их правового режима.

Ключевые слова: *апартаменты, правовой режим недвижимости, нежилые помещения, жилые помещения, законодательное регулирование, судебная практика, права собственников.*

Распространение апартаментов на рынке недвижимости сформировало правовую ситуацию, при которой фактическое назначение объекта и его юридическая квалификация не совпадают. Помещения приобретаются гражданами для проживания, оборудуются соответствующими коммуникациями и используются в качестве места постоянного проживания, однако сохраняют статус нежилой недвижимости.

В действующем градостроительном и жилищном законодательстве [3, ст. 14] отсутствует легальное определение данного объекта.

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1951. «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» [6] существует понятие апартаментов применительно к гостиничному номеру, который представляет собой — номер площадью не менее 40 кв. м, состоящий не менее чем из двух комнат и оборудованный кухонной зоной и необходимой бытовой техникой. При этом указанное определение применяется исключительно в целях классификации гостиниц и не устанавливает обязательных требований к апартаментам как самостоятельному виду недвижимости. В связи с чем считаем, что целью исследования является выявление проблем законодательного регулирования правового режима апартаментов и определение подходов к их разрешению с учетом судебной практики.

Правовая квалификация апартаментов непосредственно связана с разграничением жилой и нежилой недвижимости. В соответствии со статьей 15 Жилищного кодекса Российской Федерации определяющим признаком жилого помещения выступает его пригодность для постоянного проживания при соблюдении установленных законодательством санитарных, технических и иных требований.

Однако применительно к апартаментам возможность фактического проживания не означает появления и признания у данного помещения соответствующего юриди-

ческого статуса. Как правило, такие объекты создаются в составе зданий нежилого назначения, включая гостиничные комплексы и многофункциональные объекты недвижимости, вследствие чего сохраняют нежилой режим независимо от их внутреннего обустройства и целей приобретения. В этом заключается принципиальное отличие апартаментов от квартир: внешнее сходство, наличие необходимых коммуникаций и возможность длительного проживания сами по себе не позволяют отнести их к жилым помещениям. Хотя действующее жилищное законодательство предусматривает процедуру перевода нежилого помещения в жилое [3, ст. 14, 22], однако её применение обусловлено соблюдением установленных законом требований и не предполагает автоматического изменения статуса объекта исключительно в силу его фактического использования для проживания.

Таким образом, правовая природа апартаментов характеризуется расхождением их функционального назначения и юридической квалификации: фактически они могут удовлетворять жилищные потребности граждан, но с правовой точки зрения остаются объектами нежилой недвижимости. Именно это несоответствие следует рассматривать в качестве отправной точки при исследовании особенностей их правового режима.

Еще одной из проблем правового режима апартаментов является ограниченность правовых гарантий для их собственников по сравнению с собственниками жилых помещений. Несмотря на фактическое использование апартаментов для постоянного проживания, их нежилой статус препятствует реализации отдельных прав, связанных с постоянным проживанием, в частности регистрации по месту пребывания. Прежде всего указанная проблема затрагивает реализацию конституционного права граждан на жилище. Также проблемой выступает учет граждан, проживающих в апартаментах. Регистрация по месту жительства связана с жилым помещением, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает [7]. В связи с нежилым режимом апартаментов постоянная регистрация по месту жительства в них невозможна. Вместе с тем в отдельных объектах гостиничного типа допускается временная регистрация по месту пребывания. Представляется, что основная проблема заключается в недостаточности комплексного регулирования отношений, так как нет единого подхода к определению правового положения таких объектов.

Неоднозначность правового положения апартаментов наиболее отчетливо проявляется при разрешении споров, в которых суды вынуждены устанавливать, какие юридические последствия могут наступать в отношении объекта, формально относящегося к нежилому фонду, но фактически используемого для проживания. Показательным является спор о переводе апартамента в жилое помещение [8], где собственница помещения обратилась в администрацию с заявлением. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требований, однако кассация отменила решения, признав соответствие нормативам площади для жилых помещений. Верховный Суд РФ не согласился с таким подходом, указав, что жилищное законодательство не предусматривает отдельного понятия апартаментов и не относит их к жилым помещениям, а соответствие площади помещения не свидетельствует о возможности его перевода в жилое. Также было обращено внимание на отсутствие изолированного от нежилых помещений доступа к помещению, что является самостоятельным основанием для отказа в переводе. То есть фактическая возможность проживания не означает автоматического возникновения у них статуса жилого помещения.

Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда РФ относительно возможности использования апартаментов для личных и семейных нужд. Рассматривая спор между приобретателем помещения в гостиничном комплексе и застройщиком [9], Суд указал, что отнесение объекта к нежилым помещениям само по себе не исключает его использования для личных, семейных и бытовых целей. Следовательно, приобретение апартаментов гражданином для собственных нужд не лишает его возможности пользоваться гарантиями законодательства о защите прав потребителей. Данный подход разграничивает юридическое назначение недвижимости и цели ее приобретения лицом.

Рассматривая вопрос о возможности регистрации граждан по месту пребывания в нежилых помещениях, сходных по своим характеристикам с квартирами, Конституционный Суд признал недопустимым полное исключение такой возможности исключительно по причине нежилого статуса объекта [10]. Суд отметил, что отсутствие возможности регистрации может ограничивать право граждан на свободный выбор места пребывания и право собственности. Конституционный Суд установил возможность регистрации по месту пребывания в определенных нежилых помещениях при соблюдении предусмотренных условий. Сходная тенденция проявляется и при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц [11].

Верховный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой несоответствие помещения требованиям жилищного законодательства само по себе не может служить основанием для отказа в применении исполнительского иммунитета. В частности, в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан отражён спор, в котором суд округа допустил распространение исполнительского иммунитета на апартаменты, используемые должником и его семьёй в качестве единственного жилья. При разрешении спора учитывались технические характеристики помещения, наличие необходимых коммуникаций и фактическое постоянное проживание семьи. Следовательно, при решении вопроса о сохранении единственного жилья отнесение объекта к нежилому фонду не должно иметь определяющего значения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что правовой режим апартаментов нуждается в самостоятельном законодательном регулировании, поскольку су-

ществующее разграничение не учитывает специфику объектов, фактически используемых гражданами для постоянного проживания. Анализ судебной практики показывает, что при разрешении споров формальный нежилой статус апартаментов не всегда имеет определяющее значение, поэтому мы предлагаем закрепить самостоятельное понятие апартаментов, предусмотрев дифференцированный правовой режим для объектов, фактически предназначенных для проживания. Это позволит устранить противоречие между юридическим назначением апартаментов и их фактическим использованием, не приравнивая автоматически все нежилые помещения к жилым.

Литература:

1. Иванова М. С. Проблемы определения правового статуса апартаментов в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36). С. 108–112.
2. Сазонова Т. В., Лужина А. Н. Вопросы судебной защиты нарушенных прав собственников апартаментов // Российское правосудие. 2024. № 1. С. 62–70. DOI: 10.37399/issn2072–909X.2024.1.62–70.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1).
4. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242–1 (ред. от 08.03.2026, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 03.02.2026 № 4-П) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.
5. Об утверждении Положения о классификации средств размещения: Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1951 (ред. от 27.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412310014 (дата обращения: 13.11.2026).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1951 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7713.
7. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 10 августа. № 152.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 06.08.2025 № 18-КАД25–32-К4 // Банк судебных документов Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2480742
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 78-КГ21–17-К3 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2026 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 2 и 3 Закона Российской Федерации "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации"» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision885638.pdf
11. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № __. П. 18.

Конституционно-правовые гарантии продовольственной безопасности Российской Федерации

Вит Ян Юрьевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье автор исследует конституционно-правовые основы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации и формулирует предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, продовольственная независимость, право на питание, право на жизнь, Конституция Российской Федерации, аграрная политика, законодательство субъектов Российской Федерации.*

Продовольственная безопасность является составной частью национальной безопасности государства и одним из условий сохранения его суверенитета. События последних лет — внешнеторговые ограничения, разрыв логистических цепочек, рост мировых цен на продовольствие и средства его производства — со всей оче-

видностью показали, что способность страны самостоятельно обеспечивать население продовольствием имеет не только экономическое, но и конституционное измерение: от неё зависит реализация фундаментальных прав человека на жизнь и охрану здоровья.

Актуальность темы усиливается и тем обстоятельством, что, несмотря на наличие значительного массива нормативных правовых актов, в Российской Федерации до настоящего времени не принят специальный федеральный закон о продовольственной безопасности. Регулирование осуществляется преимущественно подзаконными и программными актами, что снижает стабильность и системность правового режима. Цель настоящей статьи — охарактеризовать конституционные основы обеспечения продовольственной безопасности, проанализировать действующую систему её правового регулирования и сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

Конституционные основы обеспечения продовольственной безопасности. Конституция Российской Федерации не содержит прямого упоминания продовольственной безопасности, однако её гарантии имеют прочную конституционную основу. Статья 7 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Достойная жизнь в содержательном смысле предполагает физическую безопасность, достойный прожиточный минимум, доступ к социальным и материальным благам, медицинскому обслуживанию, социальному обеспечению. Полноценное питание выступает необходимой предпосылкой каждого из перечисленных элементов, а следовательно — и самой идеи социального государства.

Статьи 17 и 18 Конституции РФ гарантируют права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Это положение имеет непосредственное значение для рассматриваемой темы: статья 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 года относит право на такой жизненный уровень, включая пищу, к числу неотъемлемых прав человека [2], а статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года признаёт основополагающее право каждого на свободу от голода [3]. Таким образом, право на питание имеет международно-правовое признание и подлежит реализации в национальной правовой системе.

В национальном законодательстве право на полноценное питание непосредственно не сформулировано, однако оно является условием реализации целого ряда закреплённых в Конституции РФ прав: права на жизнь (статья 20), поскольку без питания невозможна физиологическая жизнь человека; права на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41), так как охрана здоровья немыслима без разнообразного и полезного питания в достаточном количестве; права на защиту материнства и детства (статья 38), предполагающую обеспечение питанием беременных женщин и детей как наиболее уязвимых категорий населения; права на социальное обеспечение (статья 39), которое по своему смыслу означает достаточность средств для нормальной жизнедеятельности, а значит — и для полноценного питания. Продукты питания рассматриваются также в контексте права на благоприятную окружающую среду (статья 42) [1].

Приведённые положения позволяют сделать вывод: обеспечение продовольственной безопасности является не только отраслевым (аграрно-правовым) вопросом, но и задачей конституционно-правового уровня, а право на полноценное питание следует рассматривать как гарантируемое Конституцией РФ условие реализации основных прав человека. Государство в силу статьи 7 Конституции РФ несёт общесоциальную функцию создания условий для достойной жизни, и продовольственная безопасность выступает одной из её базовых составляющих.

Действующее определение продовольственной безопасности закреплено в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 (далее — Доктрина) [4]. Продовольственная безопасность понимается как состояние экономики страны, при котором обеспечена продовольственная независимость и гарантируется физическая и экономическая доступность для населения качественных, безопасных и полезных пищевых продуктов в объёмах и ассортименте в соответствии с рациональными нормами потребления. Доктрина устанавливает количественные индикаторы продовольственной безопасности, в том числе значения самообеспеченности по зерну (не менее 95 %), сахару, растительному маслу (не менее 90 %), мясу (не менее 85 %), молоку (не менее 90 %). Вместе с тем Доктрина содержит преимущественно нормы-дефиниции, нормы-принципы и целеполагающие предписания: в отличие от закона она не содержит классических обязываний, запретов и правовых последствий их нарушения.

Система действующего правового регулирования продовольственной безопасности. Правовые основы государственного регулирования в рассматриваемой сфере образуют систему актов трёх уровней — федерального, регионального и муниципального.

Общие вопросы обеспечения национальной, экономической и продовольственной безопасности урегулированы Федеральным законом от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»: в соответствии со статьёй 4 государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации [5]. Параметры стратегического планирования установлены Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6] и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [7], прямо относящей продовольственную безопасность к числу стратегических национальных приоритетов.

Отраслевое регулирование представлено, в частности: Федеральным законом от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [8], закрепляющим основные понятия (пищевые продукты, продовольственное сырьё, пищевая ценность и др.) и полномочия по государственному регулированию; Законом РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [9], защищающим интересы граждан как покупателей продовольствия; Федеральным законом от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [10]; Федеральным законом от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [11], определяющим состав продуктов питания основных социально-демографических групп населения.

Ключевое значение имеет Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» [12], устанавливающий цели государственной аграрной политики: устойчивое развитие сельских территорий и повышение уровня жизни сельского населения; формирование благоприятного инвестиционного климата; поддержание ценового паритета между сельским хозяйством и промышленностью; сохранение и воспроизводство природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве. Однако закон не раскрывает понятие продовольственной безопасности и связывает меры государственной поддержки лишь с узким кругом мероприятий, что не позволяет рассматривать его в качестве специального акта в данной сфере.

Отдельные вопросы урегулированы Федеральными законами «О сельскохозяйственной кооперации», «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд», «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей», «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи», «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (в котором обеспечение продовольственной безопасности и импортозамещение прямо названы среди целей), а также Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» и Федеральным законом «О гражданской обороне» применительно к чрезвычайным ситуациям.

На региональном уровне действуют, например, Закон «Об обеспечении продовольственной безопасности в Нижегородской области», Закон «О продовольственной безопасности Костромской области», Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2015 № 841–168 «Об обеспечении продовольственной безопасности и поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге» [13]. Сопоставление региональных актов показывает, что их структура в целом сходна (понятия, цели и задачи, полномочия органов власти, механизм обеспечения), однако содержание различается: в законе Костромской области выделены статьи о прогнозных продовольственных балансах и общественном контроле, в Нижегородской области — статья о критериях и показателях продовольственной безопасности. Такая асимметрия означает, что объём гарантий граждан зависит от региона проживания, что в условиях единого конституционно-правового статуса граждан представляется не вполне последовательным.

Наконец, ядром регулирования остаётся Доктрина продовольственной безопасности. Именно на её основе строится правотворческая и правоприменительная практика в данной сфере, однако юридическая сила Доктрины и её программный характер не восполняют отсутствия закона.

Проблема отсутствия специального федерального закона. Вопрос о специальном законодательном акте ставился ещё в 1990-е годы. 10 декабря 1997 г. Государственная Дума приняла первый Федеральный закон «О продовольственной безопасности Российской Федерации», одобренный Советом Федерации, однако Президент РФ вернул закон без рассмотрения. Основанием послужило нарушение части 3 статьи 104 Конституции РФ: законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счёт федерального бюджета, могут вноситься только при наличии заключения Правительства РФ. Гарантия физической и экономической доступности жизненно важных продуктов была квалифицирована как требующая дополнительных расходов, в то время как требуемое заключение Правительства отсутствовало.

11 февраля 1999 г. в Государственную Думу был внесён новый законопроект, прошедший обсуждения и одобренный в первом чтении, однако летом 2005 г. без какого-либо мотивирования снятый с рассмотрения. С тех пор вопрос о принятии закона в системном виде на законодательном уровне не решался.

Отсутствие специального федерального закона порождает ряд последствий. Во-первых, центральный нормативный акт сферы — Доктрина — является указом Президента с преобладанием декларативных и целеполагающих норм, не содержащим механизмов реализации и ответственности. Во-вторых, понятийный аппарат и индикаторы продовольственной безопасности не имеют законодательного закрепления, что затрудняет их использование в правоприменении и правотворчестве субъектов РФ. В-третьих, разрозненность федеральных и региональных актов приводит к неравенству гарантий в зависимости от региона. В-четвёртых, за пределами правового поля остаются вопросы ответственности за необеспечение продовольственной безопасности и порядка взаимодействия публичных институтов в данной сфере.

Предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации. На основании проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения.

Первое — разработать и принять Федеральный закон «О продовольственной безопасности в Российской Федерации». Предлагаемая структура закона: раздел об общих положениях и понятиях (продовольственная безопасность, продовольственная независимость, физическая и экономическая доступность продовольствия, каче-

ство и безопасность пищевых продуктов); раздел о целях, принципах и критериях обеспечения продовольственной безопасности; раздел о разграничении полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления; раздел о мерах государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и государственного контроля; раздел о мониторинге состояния продовольственной безопасности и ежегодном докладе Правительства РФ палатам Федерального Собрания; раздел о заключительных положениях и ответственности. В закон подлежат переводу ключевые положения Доктрины 2020 года [4], прежде всего количественные индикаторы самообеспеченности, что придаст им качество юридически обязательных целевых показателей, на которые смогут опираться программы и бюджетные решения.

Второе — дополнить Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»: закрепить в нём определение продовольственной безопасности, указать на обеспечение продовольственной независимости как самостоятельную цель государственной аграрной политики и возложить на органы государственной власти обязанность учитывать индикаторы продовольственной безопасности при формировании и реализации государственных программ развития сельского хозяйства.

Третье — дополнить Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» положением о том, что государственный контроль качества и безопасности пищевых продуктов является составной частью обеспечения продовольственной безопасности, а также развить нормы о прослеживаемости пищевой продукции на всех этапах её производства и оборота, согласовав их с техническим регулированием в рамках Евразийского экономического союза.

Четвёртое — обеспечить унификацию регионального законодательства. Федеральный закон о продовольственной безопасности должен стать нормативной базой для приведения региональных актов к единой модели; целесообразно также принятие модельного закона субъекта РФ «Об обеспечении продовольственной безопасности», устанавливающего обязательные элементы регионального регулирования (понятийный аппарат, критерии и показатели, порядок мониторинга, полномочия органов государственной власти и местного самоуправления). Это устранит зависимость объёма гарантий от региона проживания граждан.

Пятое — совершенствовать Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [11]: предусмотреть пересмотр состава потребительской корзины на основе актуальных научно обоснованных норм питания с сокращением интервалов пересмотра и учётом региональных особенностей структуры питания, поскольку потребительская корзина является юридическим выражением минимального уровня физической доступности продовольствия.

Шестое — развить социальную составляющую продовольственной безопасности: закрепить на федеральном уровне гарантии полноценного питания для отдельных категорий граждан, расширив сложившийся механизм обеспечения горячим питанием школьников (Федеральный закон от 01.03.2020 № 47-ФЗ [14]) на иные уязвимые группы — детей из малоимущих семей, беременных женщин — через дополнение Федеральных законов от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [15] и от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [16] соответствующими нормами о дополнительном питании.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Продовольственная безопасность имеет прочную конституционную основу: несмотря на отсутствие в Конституции РФ прямого упоминания права на питание, оно является необходимым условием реализации прав на жизнь, охрану здоровья, социальное обеспечение и защиту материнства и детства, а также вытекает из международных обязательств Российской Федерации.

Действующая система регулирования представлена разрозненными актами федерального и регионального уровня при центральном значении Доктрины продовольственной безопасности, имеющей преимущественно программный характер. Попытки принятия специального федерального закона в 1997–2005 годах успеха не имели, в результате чего в правовой системе сохраняется пробел, порождающий разрозненность и декларативность регулирования. Устранение указанного пробела возможно посредством принятия федерального закона «О продовольственной безопасности в Российской Федерации», дополнения отраслевых законов, унификации регионального законодательства и развития социальных гарантий полноценного питания. Реализация предложенных мер будет способствовать переходу от фрагментарного к системному конституционно-правовому обеспечению продовольственной безопасности Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

4. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 383.
5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 49.
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5151.
8. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
9. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
10. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
11. Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (ч. 5). Ст. 6950.
12. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 27.
13. Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2015 № 841–168 «Об обеспечении продовольственной безопасности и поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге» // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. 28 дек.
14. Федеральный закон от 01.03.2020 № 47-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 9. Ст. 1142.
15. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
16. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 7002.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних: актуальные проблемы квалификации

Волкова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Абдулвалиев Алмаз Фирзярович, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Исследуются особенности установления беспомощного состояния потерпевшего и доказывания осведомлённости виновного о таком состоянии, правовая оценка развратных действий, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий, а также разграничение составов, предусмотренных статьями 135 и 242 УК РФ. Отдельное внимание уделено последствиям законодательного приравнивания сексуальных действий с лицами, не достигшими двенадцатилетнего возраста, к насильственным посягательствам. По итогам анализа обозначены направления совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: *половая свобода, половая неприкосновенность, несовершеннолетний потерпевший, беспомощное состояние, развратные действия, цифровая среда, сеть Интернет, совокупность преступлений, квалификация, уголовное законодательство.*

Преступления, предусмотренные статьями 131–135 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), посягают на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Если потерпевшим является несовершеннолетний, возраст приобретает особое значение для определения уголовно-правовой оценки содеянного. Законодатель устанавливает дифференцированные основания ответственности с учётом возраста потерпевшего, в том числе выделяет лиц, не достигших четырнадцати лет, и лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет.

Повышенная общественная опасность рассматриваемых деяний обусловлена не только непосредственным нарушением половой неприкосновенности ребёнка, но и возможным отрицательным воздействием на его физическое, психическое и нравственное развитие. По опубликованным данным, число зарегистрированных в России

преступлений сексуального характера в отношении детей за период с 2010 по 2024 год увеличилось на 44 процента [1]. Кроме того, в публичных сообщениях со ссылкой на органы прокуратуры отмечался рост преступлений соответствующей направленности, совершаемых с использованием информационных технологий: за 2023–2024 годы было зарегистрировано более тысячи таких случаев [2]. Приведённые показатели свидетельствуют о необходимости учитывать при квалификации не только традиционные способы совершения преступлений, но и новые формы противоправного поведения в цифровой среде.

Несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в Постановлении от 4 декабря 2014 г. № 16, отдельные вопросы применения статей 131–135 УК РФ продолжают вызывать затруднения у правоприменителей [3]. Одним из наиболее сложных остаётся установление беспомощного состояния несовершеннолетнего и определение того, осознавал ли виновный наличие такого состояния.

1. Беспомощное состояние несовершеннолетнего: объективные и субъективные критерии

В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ беспомощным признаётся такое состояние потерпевшего, при котором вследствие физического или психического состояния, возраста либо иных обстоятельств он не способен понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление виновному [3]. Следовательно, оценка данного признака не должна сводиться к формальному установлению возраста либо наличия медицинского диагноза. Необходимо исследовать совокупность обстоятельств, включая уровень интеллектуального и психического развития несовершеннолетнего, его индивидуальные особенности и фактическую способность осознавать происходящее.

Вместе с тем примечание к статье 131 УК РФ устанавливает специальное правило в отношении потерпевших, не достигших двенадцатилетнего возраста: они признаются находящимися в беспомощном состоянии в силу закона. Тем самым законодатель закрепил юридическую презумпцию, которая не опровергается ссылками на фактическое понимание ребёнком характера происходящего или его согласие на соответствующие действия. Для уголовно-правовой оценки определяющим становится установленный законом возрастной критерий.

Иная ситуация складывается при расследовании дел, в которых потерпевшему от двенадцати до восемнадцати лет и у него отсутствуют очевидные физические либо психические нарушения. В подобных случаях вопрос о беспомощности требует индивидуального исследования. Существенное значение могут иметь заключения судебных экспертиз, в том числе комплексных психолого-психиатрических исследований, позволяющих установить особенности развития подростка и его способность понимать характер и значение совершённых действий [4; 8; 14].

Однако экспертное заключение о неспособности потерпевшего осознавать происходящее само по себе не разрешает вопрос о наличии всех признаков состава преступления. В частности, необходимо отдельно установить субъективную сторону состава преступления, а именно — осознание виновным факта нахождения потерпевшего в беспомощном состоянии. Иными словами, вывод о состоянии потерпевшего не может автоматически подменять доказывание того, что обвиняемый осознавал соответствующие особенности и использовал их при совершении деяния. Такой вывод должен подтверждаться совокупностью доказательств: характером общения сторон, длительностью и обстоятельствами знакомства, поведением виновного до и после события, а также иными фактическими данными, имеющими значение для дела.

Смешение объективных характеристик состояния потерпевшего и субъективного отношения к ним со стороны виновного создаёт риск неполного исследования обстоятельств преступления. Поэтому при оценке доказательств важно не ограничиваться экспертным заключением, а устанавливать, какие именно сведения о состоянии несовершеннолетнего были известны обвиняемому и позволяли ли они осознавать его неспособность понимать характер происходящего либо оказывать сопротивление. На необходимость внимательного подхода к определению беспомощности и доказыванию умысла обращается внимание и в научной литературе [4; 8; 14].

Представляется целесообразным конкретизировать в уголовном законодательстве содержание понятия «беспомощное состояние» либо обеспечить единообразное нормативное и судебное толкование его основных признаков. При этом необходимо сохранить разграничение между установлением фактического состояния потерпевшего и доказыванием осведомлённости о нём виновного. Такой подход позволит избежать необдуманных выводов и повысить уровень качества квалификации.

2. Развратные действия в цифровой среде и проблема разграничения смежных составов

Расширение цифровых технологий существенно изменило способы совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Противоправное воздействие может осуществляться дистанционно, без непосредственного физического контакта с потерпевшим. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16 разъяснено, что развратные действия могут выражаться и в бесконтактных формах поведения, в том числе совершаемых посредством сети Интернет [3]. Подобный подход позволяет учитывать фактическое содержание действий, а не только способ их совершения.

На практике спорным остаётся вопрос о соотношении развратных действий, предусмотренных статьёй 135 УК РФ, и незаконного оборота порнографических материалов, ответственность за который установлена статьёй 242 УК РФ. Проблема возникает, например, когда виновный направ-

ляет несовершеннолетнему изображения или видеозаписи порнографического характера в рамках общения, имеющего сексуальную направленность. В таких обстоятельствах требуется определить, охватывается ли изготовление и распространение порнографических материалов составом развратных действий либо образует дополнительное самостоятельное преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ.

В судебной практике встречаются различные подходы к разрешению этого вопроса. Так, в одном из дел суд исключил дополнительную квалификацию по статье 242 УК РФ, посчитав, что направление порнографических изображений несовершеннолетним в конкретных обстоятельствах полностью охватывалось составом развратных действий, предусмотренным частью 3 статьи 135 УК РФ [5]. Иной подход был применён по делу, в котором виновный направлял двум несовершеннолетним видеозапись сексуального характера: суд усмотрел в содеянном совокупность преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 135 и пунктом «б» части 3 статьи 242 УК РФ [6].

Наличие различий в судебных решениях показывает, что для квалификации недостаточно установить сам факт передачи порнографического материала. Следует выяснить содержание и направленность действий, адресата, цель поведения виновного, а также наличие самостоятельных признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 242 УК РФ. Для статьи 135 УК РФ существенна направленность поведения на конкретного несовершеннолетнего, в частности стремление удовлетворить сексуальный интерес виновного либо вызвать или сформировать сексуальный интерес у потерпевшего. В свою очередь, незаконный оборот порнографических материалов предполагает самостоятельное посягательство на общественную нравственность. При наличии всех признаков обоих составов преступления вопрос о совокупности должен решаться с учётом фактических обстоятельств дела и правил квалификации.

В научных публикациях также подчёркивается необходимость разграничивать развратные действия и преступления, связанные с оборотом порнографических материалов, исходя из содержания объективной стороны и направленности умысла [7; 9; 10]. Вместе с тем единообразие практики могло бы быть повышено посредством дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ о критериях разграничения указанных составов применительно к цифровым способам совершения преступлений.

В качестве одного из вариантов законодательного совершенствования можно рассмотреть уточнение статьи 135 УК РФ в части описания развратных действий, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о закреплении квалифицирующего признака, связанного с использованием порнографических материалов. При этом соответствующие изменения должны быть сформулированы таким образом, чтобы не допускать необоснованной дополнительной квалификации по статье 242 УК РФ.

3. Возраст потерпевшего и разграничение насильственных и ненасильственных посягательств

Самостоятельную дискуссию вызывает соотношение статьи 135 УК РФ с положениями примечания к статье 131 УК РФ. Так, после введения специального примечания к ст. 131 УК РФ, которое предписывает квалифицировать любые сексуальные контакты с лицами младше 12 лет как насильственные преступления, изменилась и сфера применения ст. 135 УК РФ. В результате поправок ее действие теперь ограничено возрастной категорией от 12 до 16 лет. Проблемы разграничения этих составов, возникшие из-за данной законодательной поправки, породили споры в юридическом сообществе.

Основная проблема вышеуказанного подхода заключается в уравнивании принципиально разных по степени общественной опасности деяний. Объективная сторона изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) предполагает применение насилия. Ставить знак равенства между такими действиями и, например, бесконтактными развратными действиями, не сопряженными с физическим принуждением, методологически неверно и ведет к чрезмерно карательной практике.

В литературе обращается внимание на проблемы, возникающие при применении примечания к статье 131 УК РФ к бесконтактным развратным действиям [11]. С учётом изложенного, представляется обоснованным исключение примечания к ст. 131 УК РФ. Взамен для корректной квалификации и соблюдения принципа соразмерности наказания, статья 135 УК РФ должна быть дополнена особым квалифицирующим составом, предусматривающим повышенную ответственность за совершение указанного деяния в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста. Это позволит соблюсти баланс между необходимостью усиленной защиты малолетних потерпевших, правами обвиняемых и требованиями юридической техники.

Безусловно, любые развратные действия в отношении несовершеннолетних заслуживают общественного порицания и уголовного преследования. Однако их объективные последствия для психики и развития ребенка не тождественны травме от сексуального насилия. Действующая редакция примечания к ст. 131 УК РФ, устанавливающая фикцию насилия, приводит к чрезмерно суровой оценке ненасильственных действий, что противоречит базовым началам уголовного права.

Заключение

Проведённый анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных проблем квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Во-первых, сохраняются сложности при установлении беспомощного состояния потерпевшего, особенно если речь идёт о подростках старше двенадцати лет. Экс-

пертное заключение имеет важное доказательственное значение, однако не освобождает органы расследования от обязанности установить осведомлённость виновного о соответствующих особенностях потерпевшего. Требуется более последовательное разграничение объективных и субъективных признаков.

Во-вторых, развитие цифровой среды обусловило распространение бесконтактных способов совершения развратных действий. Это требует дальнейшего уточнения уголовно-правовых норм и формирования единообразных критериев оценки поведения, осуществляемого посредством сети Интернет.

В-третьих, неоднородность судебной практики по вопросу о совокупности статей 135 и 242 УК РФ указывает на необходимость более чётких ориентиров для разграничения соответствующих составов. При решении вопроса о совокупности преступлений следует устанавливать самостоятельность каждого посягательства и наличие всех признаков предусмотренных законом преступлений.

В-четвёртых, требует дальнейшего научного и законодательного обсуждения соотношение возрастных презумпций, закреплённых в уголовном законе, с фактическим характером деяния. Законодательная защита малолетних должна сочетаться с дифференциацией ответственности в зависимости от объективной стороны преступления и соблюдением принципа справедливости.

Таким образом, совершенствование регулирования в рассматриваемой сфере должно осуществляться комплексно: посредством конкретизации законодательных конструкций, развития судебных разъяснений и повышения качества доказывания по уголовным делам. Это позволит обеспечить эффективную охрану несовершеннолетних и одновременно снизить риск ошибочной либо чрезмерно широкой квалификации.

Литература:

1. Число случаев сексуального насилия в отношении детей в России выросло на 44 % с 2010 года. — Текст: электронный — ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/16661015 (дата обращения: 01.11.2026).
2. Генпрокуратура рассказала об IT-преступлениях против половой свободы детей. — Текст: электронный — РИА Новости. URL: https://ria.ru/20241010/prestuplenie-1977435112.html (дата обращения: 01.11.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» — Российская газета. 2014. № 284. 12 декабря.
4. Ефимова В. Г. О некоторых особенностях квалификации при определении беспомощного состояния несовершеннолетних лиц при совершении насильственных половых преступлений — Молодой ученый. 2024. № 19 (518). С. 140–143.
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Иваново от 23 октября 2020 г. по делу № 1–208/2023 — Архив прокуратуры Ленинского района г. Иваново.
6. Приговор Онежского городского суда Архангельской области от 13 июля 2022 г. по делу № 1–71/2022; апелляционное определение Архангельского областного суда от 19 сентября 2022 г. по делу № 22–318/2022 — Архив прокуратуры Ленинского района г. Иваново.
7. Зазирная М. М. Разграничение уголовной ответственности за совершение развратных действий и преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов или предметов — Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 155–158.
8. Путинцева В. В. Возраст как критерий беспомощного состояния при изнасиловании — Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 135–137.
9. Скворцова О. В., Макаренко Д. Д. Развратные действия с использованием сети Интернет — Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 146–153.
10. Скобина Е. А., Забелина О. А. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних с использованием интернет-пространства — Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Казань, апрель 2019 г.). Казань: Молодой ученый, 2019. С. 48–53.
11. Овсянкин П. А., Пестерева Ю. С. Проблемные вопросы квалификации бесконтактных развратных действий в разрезе примечания к ст. 131 УК РФ — Вестник науки. 2024. № 4 (73).
12. Барышева К. А. Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений — Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.04.2014 № 5-АПУ14–15 — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 1.
14. Трубинская А. С. Проблемы квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних — Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2017 г.). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. С. 114–117.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ — Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
16. Шабанов Н. В. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности, совершенных в отношении несовершеннолетних — Журнал прикладных исследований. 2023. № 9.
17. Яшков С. А. К вопросу о доказывании умысла на совершение насильственных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния подростков — Вестник науки. 2024. № 2 (71).

Отграничение превышения пределов необходимой обороны от преступлений, совершённых в состоянии аффекта: проблемы квалификации и критерии разграничения

Воронина Ольга Валерьевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Клоченко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматривается проблема отграничения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, от преступлений, совершённых в состоянии аффекта (ст. 107 и 113 УК РФ), в том числе при предшествующем систематическом семейно-бытовом насилии. В качестве альтернативы критерию «цели» предлагается критерий «направленности действий», оцениваемый по совокупности проверяемых индикаторов. Обосновывается тезис о том, что ссылка защиты на состояние аффекта в делах о самообороне может ухудшить положение обвиняемого ввиду асимметрии санкций и объёма наказуемых последствий. Формулируются предложения по совершенствованию разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: *необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, аффект, убийство в состоянии аффекта, ст. 108 УК РФ, ст. 107 УК РФ, ст. 114 УК РФ, ст. 113 УК РФ, направленность действий, систематическое насилие, квалификация преступлений.*

Delineation of exceeding the limits of necessary defense against crimes committed in a state of passion: problems of qualification and criteria of delineation

Voronina Olga Valeryevna, master's degree student
Scientific advisor: Klochenko Larisa Nikolaevna, candidate of law, candidate of philology, associate professor
Russian New University (Moscow)

This article examines the problem of distinguishing crimes under Part 1 of Article 108 and Part 1 of Article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation from crimes committed in a state of affect (Articles 107 and 113 of the Criminal Code of the Russian Federation), particularly in cases involving prior systematic domestic violence. As an alternative to the «purpose-based» criterion, the article proposes the «direction of conduct» criterion, which is evaluated through a set of verifiable indicators. The author substantiates the thesis that a defense strategy relying on a state of affect in self-defense cases may worsen the accused's position due to the asymmetry of sanctions and the scope of punishable consequences. Finally, specific proposals are formulated to improve the guidelines of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: *necessary defense, excess of necessary defense, state of affect, murder in a state of affect, Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 113 of the Criminal Code of the Russian Federation, direction of conduct, systematic violence, qualification of crimes.*

Необходимая оборона и причинение вреда в состоянии сильного душевного волнения относятся к числу тех институтов уголовного права, в которых поведение потерпевшего выступает непосредственным основанием как правомерности, так и привилегированной ответственности. Объективная сторона данных составов в делах о превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 и 114 УК РФ) и в делах об убийстве или причинении тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 107 и 113 УК РФ) имеет значительное фактическое сходство: в обоих случаях имеет место предшествующее противоправное или аморальное поведение потерпевшего, в обоих случаях виновный действует на фоне сильного эмоционального возбуждения, в обоих случаях причиняется смерть или тяжкий вред здоровью. Различие между этими группами составов имеет не только догма-

тическое, но и прямое практическое значение для обвиняемого, причём значение это обратное интуитивному. Санкция ч. 1 ст. 107 УК РФ (до трёх лет лишения свободы) строже санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ (до двух лет): законодатель оценивает убийство при превышении обороны как менее опасное, чем убийство в состоянии аффекта. Менее заметна, но не менее значима асимметрия в объёме наказуемых последствий: ст. 113 УК РФ охватывает причинение как тяжкого, так и средней тяжести вреда, тогда как ч. 1 ст. 114 УК РФ — только тяжкий, а умышленное причинение вреда средней тяжести при отражении посягательства уголовной ответственности не влечёт вовсе (п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19) [1]. Выходит, что лицо, причинившее вред средней тяжести под влиянием аффекта, отвечает по ст. 113 УК РФ, а лицо, причинившее такой же вред при той же внешней ситуации, но с целью защиты, не отвечает вовсе. Ссылка защиты на состояние аффекта в делах о самообороне способна тем самым не улучшить, а ухудшить положение обвиняемого, и при наличии сомнений приоритет должен отдаваться оборонительной норме.

Особую остроту проблема приобретает в ситуациях систематического семейно-бытового насилия, когда закон обращается к длительной психотравмирующей ситуации дважды, но в разных нормах и без связи между ними: ст. 107 и 113 УК РФ включают её в основание аффекта, а п. 5 и 8 Постановления Пленума № 19 допускают оборону против длящегося посягательства и сохраняют её, когда обороняющемуся неясен момент окончания нападения. Как соотносятся эти нормы, если человек, годами подвергавшийся побоям, причиняет смерть или тяжкий вред нападающему в момент «затишья», судебная практика ответа не даёт. Между тем действующее разъяснение высшего суда содержит единственный формальный критерий разграничения — п. 15 Постановления Пленума № 19, согласно которому для преступлений в состоянии сильного душевного волнения характерно причинение вреда не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны, а для превышения пределов обороны наличие аффекта не обязательно. Слабое место этого разъяснения — критерий цели. Цель является составообразующим признаком убийства при превышении обороны и именно ею оно отграничивается от иных видов убийства, однако цель — категория внутренняя, субъективная, а Пленум не называет объективных признаков, по которым о ней можно судить [3]. На практике суд либо принимает цель из показаний обвиняемого, и тогда они подвергаются критической оценке, либо выводит её из внешней картины события, что чревато произвольностью квалификации [4].

Показательно дело Зарецкой А. А. (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.12.2025 № 66-УД25–26-А5 [5]). Осуждённая заявляла о защите от попытки изнасилования и ходатайствовала о переквалификации с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 или ст. 107 УК РФ. Верховный Суд отказал, согласившись с отсутствием состояния обороны: доводы о защите были опровергнуты экспертизами, обнаруженные на теле осуждённой повреждения не соответствовали заявленному сроку, после причинения потерпевшему множественных повреждений она не пыталась оказать ему помощь и устроила поджог, а по заключению судебно- психиатрической экспертизы основных диагностических признаков физиологического аффекта в её поведении не усматривалось, при том что она находилась в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Дело демонстрирует, что для отграничения составов недостаточно слов обвиняемого о цели: необходимы объективные индикаторы, поддающиеся проверке по материалам дела, и экспертная опора, требование которой было сформулировано ещё определением Верховного Суда РФ от 30.05.1997 по делу Дьякова, где приговор по ст. 107 УК РФ отменён именно потому, что вывод о состоянии аффекта построен исключительно на противоречивых показаниях подсудимого [6].

Для устранения произвольности квалификации предлагается оценивать не абстрактную цель, а объективную направленность действий — связь способа и момента причинения вреда с реальной динамикой посягательства. Она поддаётся проверке по материалам дела и потому точнее простого указания на цель. Направленность оценивается по совокупности индикаторов, каждый из которых работает только в системе. По времени причинения вреда защитная направленность проявляется в действиях во время посягательства, непосредственно за ним либо при реальной угрозе его продолжения, в том числе когда окончание посягательства было неясно (п. 8 Постановления Пленума № 19); расправа или эмоциональная разрядка — в действиях после того, как посягательство предотвращено, пресечено или окончено, необходимость в защите явно отпала и это осознавалось (п. 7). По поведению потерпевшего защитная направленность устанавливается, когда он продолжает агрессию либо готов к ней (оружие, удушение, угрозы); расправа — когда он не угрожает, не может сопротивляться либо отступил. По соотношению действий с динамикой угрозы защитные действия вызваны конкретными действиями посягающего и прекращаются с нейтрализацией угрозы, пусть и чрезмерны; при расправе они не обусловлены необходимостью пресечь угрозу и имеют самостоятельную цель. По поведению после содеянного о защите свидетельствуют оказание помощи, вызов скорой, сообщение близким; о расправе — сокрытие следов и оставление потерпевшего без помощи. Наконец, заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы: отсутствие помощи после содеянного может объясняться самим страхом, а не расправой, и именно экспертиза призвана развести эти состояния, установив, влияло ли психическое состояние, сформированное хроническим насилием, на способность оценить момент окончания посягательства (п. 8 и 14 Постановления Пленума № 19).

Механизм систематического насилия описывается в литературе как циклический: периоды нарастающего напря-

жения сменяются острым эпизодом, за которым следует фаза раскаяния и примирения, после чего цикл повторяется [7]. Для уголовного права существенны два следствия: паузы между эпизодами не означают прекращения угрозы, а фаза примирения затрудняет и обращение за помощью, и уход. Очевидно, что при систематическом насилии неясность момента окончания имеет объективную природу: «затишье» не означает окончания, если такие паузы были характерны для прежних эпизодов, если потерпевший высказывал угрозы, а орудие осталось доступным. Систематичность посягательства влияет, таким образом, на восприятие обороняющимся момента его окончания, и п. 8 Постановления Пленума № 19 следует применять к таким ситуациям с учётом этого обстоятельства. Труднее всего граница проходит там, где нападения в момент деяния нет. Так обстоят дела с Кузнецовой Ю. Э., Гончаровой О. В., Судаковой Л. Р., осужденных по ст. 105 УК РФ на 8 лет и 2 месяца и 7 лет лишения свободы соответственно [8, 9, 10]. Объединяет эти эпизоды не сходство орудий и не сходство назначенных наказаний, а способ оценки обстановки: конкретный удар рассматривается как автономное событие, отделённое от истории отношений. Между тем при систематическом насилии и кумулятивной угрозе такая изоляция методологически некорректна.

Зарубежный опыт решает ту же проблему иными средствами, и это подтверждает правильность избранного пути. В Канаде дело R. v. Lavallee признало правомерность обороны даже при отсутствии немедленной атаки, обосновав это спецификой восприятия угрозы жертвой хронического насилия, а экспертные показания о характере, продолжительности и истории отношений вошли в оценку как фактор [11]. В Англии и Уэльсе закон 2009 г. о коронерах и правосудии сохранил «потерю контроля» как частичное основание смягчения, прямо указав, что она не обязана быть внезапной (ст. 54, ч. 2), и назвав среди квалифицирующих оснований страх перед серьёзным насилием со стороны потерпевшего (ст. 55, ч. 3) [12]. Для российского законодательства вероятен путь разъяснений, не затрагивающий диспозицию ст. 37 УК РФ.

Проведённый анализ позволяет сформулировать конкретные предложения. Пункт 13 Постановления Пленума № 19 целесообразно дополнить указанием на «характер, продолжительность и историю отношений между посягавшим и обороняющимся, в том числе прежнее применение насилия либо угроз его применения», что позволит судам последовательно учитывать систематичность при оценке соразмерности. В пункте 8 следует закрепить положение о том, что при посягательстве, являющемся эпизодом систематического насилия, ясность момента его окончания оценивается с учётом прежних эпизодов. Необходимо разъяснить, что применение предмета при превышении пределов обороны не образует квалифицирующего признака п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ: это следует из ч. 3 ст. 17 УК РФ, поскольку ст. 114 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 111 УК РФ, и при ином подходе привилегированная норма фактически опустеет, так как почти любое бытовое превышение совершается с использованием ножа или иного подручного предмета — довод, легший в основу пересмотра дела Воробьевой (№ 16-УД21–14-К4), где квалификация прошла путь от п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ через ч. 1 ст. 114 УК РФ к ч. 1 ст. 37 УК РФ [13]. Наконец, следует определить круг вопросов, ставящихся перед экспертами, если лицо длительно подвергалось насилию: влияло ли сформированное им психическое состояние на способность оценить момент окончания посягательства и степень его опасности и имеются ли признаки аффекта, от которых зависит применение ст. 107 и 113 УК РФ. Предлагаемый алгоритм при этом задаёт порядок проверки: состояние обороны и его режим устанавливаются до оценки соразмерности, соразмерность — до отграничения от ст. 107 и 113 УК РФ, а квалифицирующие признаки основного состава оцениваются лишь после установления отсутствия состояния обороны.

Реализация предложенных подходов не требует изменения диспозиции ст. 37 УК РФ и может быть осуществлена путём актуализации разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, что повысит предсказуемость судебной практики и обеспечит соразмерность уголовной ответственности в ситуациях, связанных с систематическим насилием. При этом следует помнить, что корректировка квалификации не автоматична и идёт в обе стороны: там, где объективные индикаторы свидетельствуют о расправе, а не о защите, ссылка на аффект не должна вести к необоснованному применению привилегированных норм.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О практике применения судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 29.06.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
3. Иванов Н. Г. Превышение пределов необходимой обороны // Российский следователь. — 2022. — № 4. — С. 44–48.
4. Усачева А. П. Привилегированные виды причинения вреда здоровью: понятие, признаки и обстоятельства // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2019. — № 2 (73). — С. 11–15.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.12.2025 № 66-УД25–26-А5 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2511554 (дата обращения: 02.10.2026).

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 1997 г. по делу Дьякова: извлечение // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. — URL: https://vsrf.ru/files/11577/ (дата обращения: 02.10.2026).
7. Walker L. The Battered Woman Syndrome. — New York: Springer, 1984. — 208 p.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2025 г. № 45-УД25–33-К7 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц.сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2514162 (дата обращения: 14.10.2026).
9. Определение Московского областного суда от 19 декабря 2024 года по делу № 22–10750/2024// Московский областной суд: офиц. сайт. — URL: https://oblsud.mo.sudrf.ru/ (дата обращения: 14.10.2026).
10. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.10.2024 по делу № 1–15/2024// Санкт-Петербургский городской суд: офиц. сайт. — URL: https:// sankt-peterburgsky.spb.sudrf.ru/modules (дата обращения: 14.10.2026).
11. R. v. Lavallee [1990] 1 S. C. R. 852 (Supreme Court of Canada) [Электронный ресурс] // URL: https://recordoflaw.in/r-v-lavallee-1990–1-s-c-r- 852/ (дата обращения: 14.10.2026).
12. Coroners and Justice Act 2009, c. 25, ss. 54–56. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/25/contents (date of access: 03.10.2026).
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2021 г. № 16-УД21–14-К4. — Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/RuLBovEPYqYJ/ (дата обращения: 14.10.2026).

Информационный обмен между цифровыми платформами и налоговыми органами: правовые проблемы и перспективы развития

Гаврилова Алина Юрьевна, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Данная статья очерчивает границы передачи сведений о партнёрах посреднических цифровых платформ налоговым органам при специальном регулировании платформенной экономики. Опираясь на налоговое законодательство и правила информационного взаимодействия, она рассматривает, какое значение имеет согласие партнёра, какие данные допустимо передавать, как действует режим налоговой тайны и какими способами пользователи могут защищать свои права. В качестве подхода предлагается сочетать риск-ориентированный контроль с сокращением объёма передаваемых сведений, прозрачными процедурами и возможностью исправить ошибочную информацию.

Ключевые слова: *цифровая платформа, налоговый контроль, информационный обмен, персональные данные, налоговая тайна, права пользователей.*

Платформа-посредник собирает прежде разрозненные у участников оборота сведения, включая условия заключённых договоров, суммы взаиморасчётов, особенности исполнения обязательств и данные о продавцах. Есть и обратная сторона. Сосредоточение информации создаёт предпосылки для выявления неучтённых доходов, но повышает и риск использования сведений о частной деятельности вне целей налогового администрирования. Предмет исследования — правовые пределы обмена данными между операторами платформ и налоговыми органами; главный вопрос состоит в том, какие гарантии позволят повысить результативность контроля, не превращая его в несоразмерное вмешательство в права пользователей.

Конституция РФ задаёт эту рамку несколькими положениями, статья 57 закрепляет обязанность платить законно установленные налоги и сборы, статья 23 защищает частную жизнь, а статья 24 гарантирует защиту сведений о ней. Статья 46 гарантирует судебную защиту. Публичный интерес в полном сборе налогов не отменяет необходимости иметь конкретное законное основание для получения данных. Конституционные положения требуют различать сведения, по которым проверяют исполнение налоговой обязанности, и данные о поведении человека на площадке, если они напрямую не влияют на расчёт налога [1].

Статья 82 задаёт формы налогового контроля. Налоговый кодекс РФ в статье 93.1 предусматривает истребование документов и информации о налогоплательщике либо конкретных сделках, а статья 102 закрепляет режим налоговой тайны [2]. Эти положения задают налоговым органам общую правовую основу. Но такая основа не означает, что налоговые органы получают постоянный и ничем не ограниченный доступ к пользовательским данным платформы. Запрос информации по предусмотренной процедуре и регулярный технологический обмен — разные способы взаимодействия, которые различаются основанием, предметом и интенсивностью,

а также гарантиями, позволяющими проверить действия государственного органа.

Особый правовой режим начал действовать 1 октября 2026 года, когда вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ. Статья 20 этого закона предусматривает информационное взаимодействие операторов посреднических цифровых платформ с налоговыми органами, а порядок взаимодействия устанавливается Правительством РФ [3]. Самого факта, что лицо пользуется интернет-сервисом, недостаточно, чтобы установить обязанность или возможность передать конкретные сведения. Поэтому нужно проверить, распространяется ли специальный закон на сервис и является ли лицо партнёром соответствующей платформы. Кроме того, следует установить основание для передачи именно этой категории данных.

Правительство РФ постановлением от 20 июня 2026 года № 766 утвердило Правила осуществления указанного взаимодействия. Пункт 3 предусматривает электронный обмен через информационные системы оператора, доступные налоговому органу, либо через электронные сервисы и протоколы ФНС, то есть закрепляет два предусмотренных канала. Пункт 4 ставит направление перечисленных в нём сведений в зависимость от согласия партнёра платформы [4]. Это существенное юридическое ограничение. Само наличие технического канала связи не означает самостоятельного права произвольно извлекать все сведения, накопленные платформой.

Правила предусматривают сведения о договоре оператора с партнёром и данные, позволяющие его идентифицировать; в состав также входят волеизъявление относительно снижения цены товара за счёт партнёра, акт сверки взаиморасчётов и документы, связанные с его формированием [4]. Главным образом речь идёт о коммерции и расчётах партнёра. Сведения о покупателях автоматически к перечню не относят — это касается их поисковых запросов, переписки, геолокации и истории просмотров; сам факт наличия таких данных не делает их частью предусмотренного состава. Чтобы получить эти сведения, необходимо отдельно оценить законное основание и требуемый объём.

Первое противоречие касается согласия партнёра. Правила № 766 применяют эту конструкцию к отдельным сведениям, но зависимость продавца от площадки может влиять на то, насколько свободно он выражает свою волю. Согласие требует ясности. Оно должно охватывать определённый перечень данных и конкретную цель, а отказ нельзя автоматически превращать в презумпцию недобросовестности. Специальное согласие нельзя переносить на любой случай обработки персональных данных. Федеральное законодательство допускает обработку и по другим прямо установленным основаниям [4; 6].

Второе противоречие связано с тем, как квалифицируют транзакционные данные. Платформа может учитывать стоимость заказа, фактическую выплату партнёру, комиссию и возврат, однако эти суммы не всегда образуют налоговую базу лица. Само расхождение — ещё не доказательство налогового правонарушения. Ошибочный контрольный сигнал может возникнуть из-за разного правового режима доходов, особенностей агентских отношений и временного разрыва между заказом и расчётом. Поэтому для юридически значимого вывода требуется проверить первичные документы, учесть применяемый режим налогообложения и дать лицу возможность представить объяснения [2].

В налоговом контроле разумнее судить об эффективности по тому, удаётся ли проверить обоснованные риски, а не по объёму собранных данных. Хранить их дороже. К тому же избыточные массивы повышают риск ошибочно сопоставить сведения. Работу лучше выстраивать поэтапно, сначала использовать ограниченные структурированные показатели, затем разбирать конкретные расхождения и лишь после этого, в пределах процессуальных полномочий, запрашивать необходимые документы. Такой порядок сохраняет возможность выявлять нарушения. Обычное пользование сервисом не превращается в непрерывное наблюдение.

Вторым направлением может стать проверка данных. Партнёру нужен ясный доступ к переданным о нём сведениям, возможность сообщить о расхождениях в расчётах и представить документы по возвратам, комиссиям и корректировкам операций. Оператору платформы целесообразно определить порядок, при котором он фиксирует исправление исходной записи и передаёт уточнённые сведения по тому же защищённому каналу, что использовался для передачи исходных данных. Такая процедура не мешает контрольной деятельности и снижает вероятность того, что техническую ошибку платформы оценят в налогово-правовом отношении без достаточных оснований.

Российское законодательство уже задаёт для обмена специальное нормативное основание. Техническая инфраструктура тоже есть. Но правомерность каждой передачи определяется тем, какие сведения передают, каков статус участника и по какой процедуре получают данные. Наиболее устойчивой выглядит модель, в которой ограниченный стандартизированный обмен дополняют адресным истребованием дополнительной информации для конкретной контрольной задачи, а конфиденциальность обеспечивают действующие гарантии. Такой механизм позволяет налоговым органам проверять сведения о налогооблагаемых операциях, а пользователям — понимать основания передачи данных, исправлять ошибки и защищать свои права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.10.2026).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (действующая редакция) // ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/html/nk.htm (дата обращения: 29.10.2026).
3. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310020 (дата обращения: 29.10.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 20.06.2026 № 766 «Об утверждении Правил осуществления информационного взаимодействия операторов посреднических цифровых платформ с налоговыми органами» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260092 (дата обращения: 29.10.2026).
5. ФНС России. Информационное взаимодействие с цифровыми платформами // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/digital_platforms/ (дата обращения: 29.10.2026).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (действующая редакция) // Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/laws/130 (дата обращения: 29.10.2026).

Судебное снижение неустойки по статье 333 ГК РФ: критерии явной несоразмерности и пределы усмотрения

Гайнуллина Альбина Ильхамовна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Статья посвящена проблеме определения явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства. Цель исследования — предложить воспроизводимую модель судебной оценки, которая сохраняет компенсационную и стимулирующую функции неустойки как меры гражданско-правовой ответственности. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, анализ разъяснений Верховного Суда РФ, статистики арбитражных судов, судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции, а также зарубежной литературы. Обосновывается, что сопоставление заявленной и присужденной сумм в судебной статистике не позволяет само по себе измерить применение статьи 333 ГК РФ. Предлагается двухэтапная проверка: установление несоразмерности с учетом законного интереса кредитора и выбор предела снижения с обязательным мотивированием каждого этапа.

Ключевые слова: *неустойка, статья 333 ГК РФ, явная несоразмерность, судебное усмотрение, мера ответственности, договорная ответственность, законный интерес кредитора, снижение неустойки.*

Введение

Неустойка является мерой гражданско-правовой ответственности и одновременно выполняет компенсационную, штрафную и стимулирующую функции (о дискуссии о ее правовой природе см.: [6, с. 1413–1414]). Поэтому спор о ее размере нельзя свести к арифметическому сравнению пени и долга. Слишком низкая санкция делает просрочку экономически выгодной для должника; чрезмерная — превращает меру ответственности в источник необоснованной выгоды кредитора. Баланс этих начал обеспечивается статьей 333 ГК РФ, допускающей уменьшение подлежащей уплате неустойки при ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства.

Норма намеренно построена через оценочное понятие. Однако отсутствие в ней перечня обстоятельств и ясной последовательности их проверки ведет к различию судебных подходов, в том числе между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Цель статьи состоит в уточнении структуры оценки по статье 333 ГК РФ и формулировании предложений, которые сделают решение суда проверяемым без отказа от учета конкретных обстоятельств дела.

1. Правовая модель снижения неустойки

После реформы гражданского законодательства 2015 г. [1] снижение неустойки перестало быть универсальной инициативой суда. Если должник — коммерческая организация, индивидуальный предприниматель либо некоммерческая организация при осуществлении доходной деятельности, необходимо его обоснованное заявление. Для иных должников суд может поставить вопрос о снижении самостоятельно при очевидной несоразмерности [2, п. 71]. Заявление должно быть сделано при рассмотрении дела судом первой инстанции; исключение связано с переходом апелляции к рассмотрению дела по правилам первой инстанции [2, п. 75].

Распределение бремени доказывания имеет принципиальное значение. Ответчик доказывает несоразмерность неустойки и необоснованность выгоды кредитора. Само по себе тяжелое финансовое положение, задолженность перед контрагентами, отсутствие финансирования либо последу-

ющее погашение основного долга не являются основаниями для снижения [2, п. 73]. Кредитор, напротив, не обязан подтверждать собственные убытки, поскольку неустойка взыскивается независимо от них, но вправе показать обычные последствия аналогичной просрочки: стоимость кредита, изменение цен, валютный риск и иные показатели [2, п. 74].

Следовательно, статья 333 ГК РФ не является способом «смягчить» ответственность неудачливого должника. Ее предмет — объективное сопоставление санкции с последствиями нарушения, что соответствует принципу соразмерности ответственности [10, с. 119]. Это отличает ее от статьи 404 ГК РФ: последняя применяется, когда кредитор содействовал увеличению ответственности должника или обе стороны виновны в нарушении [2, п. 81]. Смешение двух оснований ведет к ошибке в мотивировке и к двойному учету одного обстоятельства.

2. Критерии явной несоразмерности и их доказательственное значение

Наиболее убедительна не одиночная цифра, а совокупность взаимосвязанных обстоятельств. В доктрине справедливо отмечается, что неопределенность критерия создает риск интуитивного восприятия чрезмерности судом [11, с. 158]. М. Ю. Осипов подчеркивает, что соразмерность неустойки является оценочной категорией, решать вопрос о которой вправе только суд [8, с. 118], а М. В. Вронская и Ю. В. Ехлакова видят решение проблемы в закреплении в статье 333 ГК РФ четких критериев снижения [7, с. 24]. Вместе с тем оценочность нормы не означает произвольности: каждый использованный критерий должен быть связан с последствиями конкретного нарушения и подтвержден доказательствами.

Таблица 1. **Обстоятельства, подлежащие оценке при применении статьи 333 ГК РФ**

Группа обстоятельств	Что сопоставляется	Доказательства
Экономический эквивалент просрочки	Размер пени, возможные потери, цена краткосрочного финансирования	Сведения Банка России, кредитные предложения, расчеты
Соразмерность санкции	Ставка пени, срок просрочки, итоговая сумма, основной долг	Договор, расчет, данные об обычаях оборота
Последствия для кредитора	Срыв финансирования, замещение поставки, изменение цены, риск неплатежа	Переписка, договоры, платежные документы, экспертные расчеты
Баланс поведения сторон	Вина кредитора, содействие росту санкции, эквивалентность договорных мер	Переписка, графики, условия договора

К перечню обстоятельств, предложенному в таблице 1, целесообразно добавить законный интерес кредитора в надлежащем исполнении, который может выходить за пределы доказуемых убытков. Показателен зарубежный опыт: он отвечает и на вопрос о том, где закреплены критерии соразмерности. Как правило, закон задает лишь общий стандарт («явная чрезмерность», «разумность», «законный интерес»), а его содержание раскрывает судебная практика; числовые пороги встречаются редко. Так, во Франции после реформы 2016 г. статья 1231–5 Гражданского кодекса позволяет суду, в том числе по собственной инициативе, смягчить или увеличить неустойку, если она явно чрезмерна или ничтожно мала, и снизить ее при частичном исполнении пропорционально интересу, который оно принесло кредитору, но рамок оценки явной чрезмерности закон не дает [15]. Германское право допускает снижение несоразмерно высокой неустойки исключительно по ходатайству должника и прямо требует учитывать любой законный интерес кредитора, а не только имущественный [9, с. 155–156]. В США единообразный торговый кодекс называет три ориентира: ожидаемый или фактический вред, сложность доказывания убытков и неудобство либо невозможность иным способом получить адекватное средство защиты [14]. В английском праве закона нет, критерий выработан судами: бремя, совершенно несоразмерное законному интересу кредитора в исполнении основного обязательства [13, с. 47–48]. Бразильский кодекс, как сообщается, называет природу и цель сделки [15]; редкий пример числового предела — ГК Монголии, ограничивающий общую сумму неустойки 50 % суммы долга [9, с. 155]. Эти подходы объединяет различие презумпций: континентальные правопорядки, как правило, признают согласованную сумму исполнимой, допуская лишь снижение явно чрезмерной, тогда как общее право исходит из недействительности штрафа [12, с. 1847]. Российское регулирование, сочетающее презумпцию исполнимости с контролем несоразмерности, ближе к континентальному, но, в отличие от США, Германии или Бразилии, закон не называет ориентиров, и их роль выполняют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Отсюда вывод: даже при законодательной конкретизации критериев судебная оценка не исчезает, поэтому ключевой гарантией остается обязательная мотивировка по структуре, предложенной в статье.

Используемая судами двукратная ключевая ставка либо средняя ставка по краткосрочным кредитам — не тариф неустойки и не автоматический предел. Это ориентир для оценки того, не становится ли пользование чужими денежными средствами выгоднее надлежащего исполнения. Верховный Суд РФ прямо допускает доказательства иного среднего размера платы по кредитам и требует учитывать недопустимость извлечения преимуществ из незаконного

поведения [2, п. 75]. Поэтому ставка 0,1 % в день, широко применяемая в договорах, может рассматриваться лишь как опровержимая презумпция соразмерности, но не как универсальный порог: ее приемлемость зависит от предмета договора, распределения рисков, продолжительности нарушения и доказанных последствий.

3. Судебная статистика и пределы выводов из нее

Сводные сведения Судебного департамента показывают высокий уровень удовлетворения исков о взыскании неустойки: в 2024 г. из 174 679 рассмотренных дел удовлетворено 155 609, то есть около 89 %. При этом сумма удовлетворенных требований составила 46,9 млрд руб., или около 39 % заявленной суммы [16]. Эти данные свидетельствуют о существенном расхождении между объемом заявленных и присужденных требований.

Безусловно, статистическая форма агрегирует различные процессуальные ситуации: частичный отказ в иске, ошибки в расчете, истечение давности, зачет, изменение требований, добровольную оплату, применение иных норм и собственно снижение неустойки. Однако анализ судебной практики позволяет в какой-то степени отождествлять разницу между удовлетворенными и заявленными требованиями со снижением неустойки по статье 333 ГК РФ.

Практический пример показывает значение мотивировки. В деле № А40–86195/2025 апелляционный суд рассмотрел довод о несоразмерности договорной санкции за просрочку поставки и применил статью 333 ГК РФ, соотнеся установленную договором ставку с рыночными показателями и ключевой ставкой [4]. Важен не сам итог, а логика проверки: суд указал экономический ориентир и объяснил, почему договорный размер создает дисбаланс. Именно такая структура позволяет отличить мотивированное снижение от произвольного выбора новой ставки.

Выводы подтверждаются и практикой судов общей юрисдикции. Решением Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 10.01.2020 по делу № 2–427/2020 неустойка по кредитной карте снижена с 2 978,14 до 1 500 руб., то есть почти вдвое; в решении названы лишь общие обстоятельства дела и характер нарушенного обязательства, не приведено расчета и не указано, какие доказательства несоразмерности представил ответчик [5]. Контраст с мотивировкой апелляционного суда по делу № А40–86195/2025 показывает, что проблема не в самом праве суда снижать санкцию, а в отсутствии единого стандарта ее обоснования.

4. Двухэтапный стандарт мотивировки

Для повышения единообразия практики целесообразно закрепить в разъяснениях Верховного Суда РФ, а в перспективе — в статье 333 ГК РФ, двухэтапный стандарт. На первом этапе суд отвечает на вопрос, доказана ли именно явная несоразмерность. Он должен отдельно оценить: а) размер и ставку неустойки; б) срок нарушения и соотношение санкции с основным долгом; в) вероятные либо фактически наступившие последствия для кредитора и его законный интерес в исполнении обязательства; г) рыночную стоимость финансирования или иной релевантный экономический ориентир; д) поведение сторон, если оно относится к статье 404 ГК РФ.

На втором этапе определяется итоговая сумма. Снижение не может быть произвольным: в решении следует указать, какой показатель принят базовым и почему он обеспечивает одновременно компенсацию разумных последствий просрочки и сохранение превентивного эффекта. Если применяется размер ниже однократной ключевой ставки в случаях просрочки денежного обязательства, необходимо специально мотивировать соблюдение ограничения, установленного пунктом 6 статьи 395 ГК РФ и разъясненного Пленумом [2, п. 75].

Предлагаемая модель не вводит жесткую формулу, которая неизбежно окажется несправедливой для части договоров. Она дисциплинирует усмотрение: отсутствие доказательств по первому этапу исключает снижение, а отсутствие расчета и объяснения по второму делает судебный акт уязвимым при проверке. Для сторон это означает и практическое изменение процессуальной позиции: должник должен представить не общую ссылку на высокую пеню, а альтернативный расчет; кредитор — объяснить цену и последствия отсрочки исполнения.

5. Процессуальные гарантии предсказуемой оценки

Предлагаемый стандарт требует не только перечня факторов, но и корректной процессуальной организации их исследования. Суду следует вынести на обсуждение вопрос о несоразмерности, если он вправе рассматривать его по собственной инициативе, и предоставить сторонам возможность представить расчет и возражения. В коммерческом споре суд не должен восполнять доказательственные пробелы должника: такая подмена противоречила бы заявительному порядку, установленному законом. В то же время отказ в снижении не может ограничиваться фразой об отсутствии оснований. Он предполагает оценку тех конкретных доводов и документов, которыми должник обосновывал несоразмерность.

Недопустимость формального отказа в применении статьи 333 ГК РФ подтверждается и практикой Верховного Суда РФ: например, определением Судебной коллегии по экономическим спорам от 24.07.2026 № 305-ЭС25–14939 по делу № А40–186192/2024 отменены акты, в которых суд ограничился общей ссылкой на соразмерность санкции, не оценив доказательства несоразмерности, представленные должником [3].

Особое значение имеет разграничение фактов, относящихся к возникновению долга, и последствий просрочки. Например, спор о качестве поставленного товара или встречном исполнении влияет прежде всего на наличие и период нарушения. После их разрешения суд оце-

нивает санкцию по статье 333 ГК РФ. Аналогично вина кредитора, приведшая к увеличению просрочки, сначала должна быть оценена по статье 404 ГК РФ, а затем — при необходимости — в рамках проверки окончательного размера неустойки. Такая последовательность исключает ситуацию, когда одно и то же обстоятельство дважды уменьшает ответственность должника.

Заключение

Статья 333 ГК РФ обеспечивает необходимый контроль за несоразмерной ответственностью, но не должна заменять пересмотр договорного риска задним числом. Явная несоразмерность устанавливается не по одному формальному индикатору, а по доказанной связи между санкцией, последствиями конкретного нарушения и законным интересом кредитора в исполнении. Судебная статистика фиксирует расхождение заявленных и присужденных сумм, однако сама по себе не измеряет масштаб снижения неустойки по статье 333 ГК РФ. Двухэтапная модель — сначала доказанность несоразмерности, затем прозрачный выбор предела снижения — позволит сделать судебное усмотрение контролируемым, сохранив индивидуальный подход к спору и стимулирующую функцию неустойки.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2026 № 305-ЭС25–14939 по делу № А40–186192/2024.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2026 № 09АП-67077/2025 по делу № А40–86195/2025.
5. Решение Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 10.01.2020 по делу № 2–427/2020 (УИД 16RS0049–01–2019–007985–64) // СудАкт: сайт. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/Am7jsIbLnLNC/ (дата обращения: 08.10.2026).
6. Бутова Р. А. Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности: отдельные проблемы теории и судебной практики // Право и политика. — 2012. — № 8 (152). — С. 1412–1427.
7. Вронская М. В., Ехлакова Ю. В. Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве // Юридические исследования. — 2023. — № 11. — С. 10–25.
8. Осипов М. Ю. Снижение неустойки: некоторые проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 3. — С. 110–120.
9. Санисалова Н. А. Неустойка в российском и зарубежном законодательстве // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. — 2012. — № 28. — С. 151–156.
10. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Принцип соразмерности и применение судами ст. 333 ГК РФ // Lex Russica (Русский закон). — 2017. — № 5 (126). — С. 115–123.
11. Чеговадзе Л. А., Шехов Д. А. Судебное снижение неустойки в коммерческих спорах по денежным обязательствам // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2021. — № 3. — С. 152–159.
12. DiMatteo L. A. An Examination of Judicial Reasoning — When a Penalty Is Not a Penalty // The George Washington Law Review. — 2017. — Vol. 85. — No. 6. — P. 1846–1903.
13. Leung K. K. C. The Penalty Rule: A Modern Interpretation // Denning Law Journal. — 2017. — Vol. 29. — P. 41–67.
14. Uniform Commercial Code, § 2–718 (Liquidation or Limitation of Damages; Deposits) // New York State Senate: [site]. — URL: https://www.nysenate.gov/legislation/laws/UCC/2–718 (дата обращения: 09.11.2026).
15. Viglino, M. Regards croisés France-Brésil sur la clause pénale / M. Viglino // Village de la Justice: [site]. — 2025. — 31 mars. — URL: village-justice.com (дата обращения: 09.11.2026).
16. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945 (дата обращения: 05.11.2026).

Мнимая оборона и разграничение смежных уголовно-правовых ситуаций

Галкин Александр Сергеевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуется уголовно-правовая природа мнимой обороны и критерии её разграничения с необходимой обороной, превышением её пределов, умышленным причинением вреда и состоянием аффекта. Рассматривается значение фактической ошибки при оценке действий лица, ошибочно воспринимающего обстановку как свидетельствующую о наличии общественно опасного посягательства. Анализируются разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о последствиях извинительного и неизвинительного заблуждения. Обосновывается необходимость законодательного закрепления критериев оценки обоснованности предположения о наличии посягательства и возможности лица осознавать ошибочность такого предположения.

Ключевые слова: *мнимая оборона, необходимая оборона, фактическая ошибка, извинительное заблуждение, общественно опасное посягательство, превышение пределов необходимой обороны, статья 37 УК РФ.*

Уголовно-правовая оценка причинения вреда в условиях предполагаемого нападения зависит не только от объективного наличия общественно опасного посягательства, но и от восприятия лицом фактической обстановки. Наиболее отчётливо данная проблема проявляется при мнимой обороне, когда лицо причиняет вред, ошибочно полагая, что действует в условиях реального посягательства. Отсутствие действительного нападения само по себе не предрешает вопрос о квалификации: необходимо установить содержание заблуждения, обстоятельства его возникновения и возможность лица правильно оценить происходящее.

Статья 37 УК РФ предполагает наличие общественно опасного посягательства как объективного основания необходимой обороны. При мнимой обороне такое посягательство фактически отсутствует, однако лицо воспринимает сложившуюся обстановку как требующую защитительных действий. Следовательно, внешнее сходство поведения с необходимой обороной не означает тождества их уголовно-правовой природы: определяющее значение приобретает соотношение объективной действительности и субъективного представления о ней.

В научной литературе мнимая оборона рассматривается как самостоятельная проблема уголовно-правовой квалификации. А. В. Агафонов исследует особенности её квалификации, уделяя внимание обстоятельствам возникновения ошибочного представления о посягательстве. М. Н. Злобин и Ю. О. Сацкая характеризуют мнимую оборону как относительно самостоятельное уголовно-правовое явление и обосновывают необходимость её законодательной регламентации.

Мнимую оборону целесообразно определить как причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при отсутствии реального общественно опасного посягательства, когда лицо вследствие фактической ошибки воспринимает обстановку как требующую применения защитительных мер. В данной конструкции необходимо учитывать два взаимосвязанных обстоятельства: объективное отсутствие посягательства и субъективное убеждение лица в его наличии. Однако одной лишь субъективной уверенности в необходимости защиты недостаточно для признания действий правомерными. Юридическое значение имеет наличие объективных обстоятельств, способных обусловить такое заблуждение, а также возможность лица осознать его ошибочность.

Основные правила оценки мнимой обороны сформулированы в пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19. Если обстановка давала основания полагать, что совершается общественно опасное посягательство, а лицо не осознавало и не могло осознавать его отсутствие, действия рассматриваются как совершённые в состоянии необходимой обороны. Если лицо не осознавало отсутствия посягательства, но должно было и могло это осознавать, содеянное квалифицируется по правилам об ответственности за неосторожные преступления. Когда же обстановка не давала оснований предполагать наличие нападения, ответственность определяется на общих основаниях.

Таким образом, правовая оценка зависит от характера фактической ошибки и возможности её предотвращения. Извинительное заблуждение исключает ответственность при соблюдении условий, предусмотренных разъяснениями Пленума, тогда как неизвинительная ошибка может повлечь ответственность за неосторожное преступление при наличии всех признаков соответствующего состава. Если же объективных оснований предполагать нападение не имелось, правила о мнимой обороне применению не подлежат.

Прежде всего мнимую оборону необходимо разграничивать с реальной необходимой обороной. В последнем случае общественно опасное посягательство существует объективно, а причинение вреда направлено на его пресечение или предотвращение. При мнимой обороне защитительная направленность поведения обусловлена ошибочным представлением о фактической ситуации. Поэтому отсутствие реального нападения не разрешает вопрос о квалификации без установления того, имелись ли объективные основания для возникно-

вения заблуждения и могло ли лицо осознать его ошибочность.

Иное содержание имеет превышение пределов необходимой обороны. Оно предполагает наличие реального посягательства, при отражении которого лицо умышленно причиняет вред, явно не соответствующий характеру и опасности нападения. При мнимой обороне реальное посягательство отсутствует, поэтому первоначально необходимо установить правовую природу заблуждения. Лишь если обстановка давала основания предполагать наличие нападения, действия оцениваются с учётом правил необходимой обороны и условий предполагаемого посягательства. Следовательно, превышение и мнимая оборона различаются прежде всего по объективной основе защитительного поведения: в первом случае лицо противодействует действительному нападению, во втором — ошибочно воспринимает ситуацию как нападение.

Мнимую оборону следует также отграничивать от умышленного причинения вреда на общих основаниях. Если обстановка не содержала признаков нападения или непосредственной угрозы, а лицо осознавало отсутствие посягательства, ссылка на защитительную цель не может служить основанием для применения соответствующих правил. При квалификации необходимо учитывать предшествующее взаимодействие участников, поведение предполагаемого посягающего и действия самого лица непосредственно перед причинением вреда. Эти обстоятельства позволяют проверить достоверность утверждений о восприятии угрозы и установить действительное содержание фактической ошибки.

Наконец, мнимая оборона не должна смешиваться с состоянием аффекта. В первом случае юридически значима фактическая ошибка относительно наличия общественно опасного посягательства, во втором — особое эмоциональное состояние, обусловленное предусмотренными уголовным законом обстоятельствами. Сильное душевное волнение само по себе не свидетельствует о мнимой обороне, как и ошибочное восприятие угрозы не означает автоматического возникновения аффекта. Для квалификации необходимо установить, что именно обусловило причинение вреда: представление о необходимости защиты либо эмоциональная реакция на поведение потерпевшего.

Несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, мнимая оборона непосредственно в статье 37 УК РФ не урегулирована. Проблема заключается не только в отсутствии законодательного определения данного явления, но и в недостаточной конкретизации критериев, позволяющих установить, имело ли лицо возможность распознать отсутствие общественно опасного посягательства. Формулировка «должно было и могло осознавать», используемая в пункте 16 Постановления Пленума № 19, предполагает оценку конкретных обстоятельств, однако не раскрывает, какие факторы должны учитываться при установлении возможности правильно воспринять происходящее. В научной литературе уже предлагалось дополнить статью 37 УК РФ положением о мнимой обороне. Представляется, однако, что законодательное решение должно быть направлено на конкретизацию критериев оценки фактической ошибки.

Существенная проблема состоит в риске ретроспективной оценки поведения лица: вывод о возможности осознать отсутствие посягательства может основываться на сведениях, ставших известными лишь после причинения вреда. Между тем заблуждение необходимо оценивать с учётом информационных и ситуационных условий, существовавших в момент принятия решения о применении защитительных мер. Последующее установление действительных обстоятельств происшествия само по себе не означает, что лицо располагало соответствующими сведениями ранее. В связи с этим предлагается дополнить статью 37 УК РФ частью 2.2 следующего содержания: «При оценке обоснованности предположения о наличии общественно опасного посягательства, а также возможности лица осознавать ошибочность такого предположения учитываются конкретная обстановка в момент совершения действий, внезапность и характер предполагаемой угрозы, время и условия восприятия происходящего, а также иные обстоятельства, объективно влиявшие на способность лица правильно оценить ситуацию».

Предлагаемое дополнение направлено на нормативное закрепление критериев оценки фактической ошибки и не сводится к воспроизведению пункта 16 Постановления Пленума № 19. Его назначение состоит в том, чтобы ориентировать правоприменителя на исследование конкретной обстановки, в которой возникло заблуждение, без подмены оценки условий восприятия сведениями, полученными впоследствии. При этом наличие ошибки не означает автоматического признания причинения вреда правомерным: ответственность возможна при установлении всех признаков соответствующего состава преступления. Такая конкретизация позволит последовательнее разграничивать извинительное и неизвинительное заблуждение.

Мнимая оборона характеризуется отсутствием реального общественно опасного посягательства и ошибочным восприятием лицом фактической обстановки как требующей применения защитительных мер. Её разграничение с необходимой обороной, превышением её пределов, умышленным причинением вреда и аффектом должно основываться на установлении объективных оснований заблуждения, возможности осознать его ошибочность и действительной направленности поведения. Определяющее значение имеет оценка обстоятельств, существовавших непосредственно в момент причинения вреда. В связи с этим обоснованным представляется дополнение статьи 37 УК РФ положением, закрепляющим критерии оценки обоснованности предположения о наличии посягательства и возможности лица осознавать ошибочность

такого предположения. Это позволит конкретизировать правовые ориентиры оценки фактической ошибки и снизить риск необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действующей редакции).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (в ред. от 9 декабря 2025 г.).
3. Агафонов А. В. Мнимая оборона и особенности её квалификации // Современный ученый. — 2024. — № 7. — С. 408–416. — DOI: 10.58224/2541–8459–2024–7–408–416.
4. Злобин М. Н., Сацкая Ю. О. Мнимая оборона как относительно самостоятельное уголовно-правовое явление // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 2 (152). — DOI: 10.60797/IRJ.2025.152.50.

Эволюция видов «иных документов»: от старины до современности (статья 74 УПК РФ)

Глухова Ксения Юрьевна, студент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена историко-правовому исследованию трансформации видов «иных документов» как самостоятельного вида доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве. Прослеживается расширение видового многообразия документальных носителей сведений — от древнерусских актов, крепостных книг и «письменных доводов» Петровской эпохи до фото-, кино-, аудио- и видеоматериалов советского периода и современных электронных документов (ст. 74, 84 УПК РФ). Особое внимание уделяется критериям разграничения различных видов иных документов, вещественных доказательств и протоколов следственных действий. Обосновывается вывод о том, что категория «иные документы» эволюционировала как открытый перечень форм фиксации информации, который на современном этапе требует нормативного закрепления процессуальных гарантий проверки цифровых носителей.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, доказательства, виды иных документов, письменные доводы, вещественные доказательства, электронный документ, цифровая информация, ст. 74 УПК РФ, ст. 84 УПК РФ.*

Введение

Перечень видов доказательств, закреплённый в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, воспринимается сегодня как устойчивая конструкция уголовно-процессуального закона. Однако внутреннее наполнение его завершающей позиции — «иных документов» — прошло многовековую эволюцию. По мере развития письменности, делопроизводства и технических средств фиксации информации менялись и конкретные виды документов, допускаемых в процесс: от пергаментных и бумажных актов с заранее установленной формальной силой до фонограмм, видеозаписей и цифровых файлов.

Актуальность обращения к эволюции видов иных документов обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, стремительное появление новых цифровых форм фиксации сведений (переписка в мессенджерах, данные облачных сервисов, логины информационных систем) поставило вопрос о том, охватываются ли эти виды существующей конструкцией ст. 74 и ст. 84 УПК РФ или требуют обособления. Во-вторых, отсутствие в законе закрытого перечня видов иных документов при его предельно лаконичной формулировке порождает на практике сложности при отграничении нетипичных документов от вещественных доказательств.

Цель и задачи исследования

Цель работы — проследить историческую трансформацию видов иных документов в отечественном уголовном процессе и определить направления совершенствования их нормативного регулирования.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

— охарактеризовать виды письменных материалов в дореволюционном судопроизводстве;

— проанализировать расширение круга документов в советском законодательстве;

— систематизировать виды иных документов по действующему УПК РФ и выявить критерии их отграничения от смежных доказательств;

— определить место электронных документов в видовой системе.

Методы исследования

Историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования и исследование

В древнерусском праве и розыскном процессе Московского государства обособленной категории «иных документов» не существовало, однако практика знала целый ряд письменных актов, обладавших решающей доказательственной силой. В памятниках права XV–XVII вв. (Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном уложении 1649 г.) фигурировали такие виды документов, как правые грамоты, кабальные и заёмные записи, крепостные акты, челобитные, обыскные и дозорные книги. Их отличительной чертой была жёсткая формальная регламентация: юридическую силу имели лишь документы, составленные уполномоченными дьяками или площадными подьячими с соблюдением установленных реквизитов, а спор о подлинности разрешался путём сличения почерков и опроса свидетелей.

Качественный сдвиг в систематизации видов документов произошёл в Петровскую эпоху. В Артикуле воинском 1715 г. и Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г. законодатель ввёл собирательное понятие «письменные доводы» и впервые детализировал их разновидности. К ним относились: публичные акты (судебные протоколы, выписки из государственных книг), частные долговые и распорядительные документы (расписки, завещания, договоры, векселя), а также торговые книги и купеческие счета. При этом закон градировал их силу в зависимости от вида: одни акты признавались полным доказательством, другие (например, частные записи) — лишь половинным, требующим подкрепления присягой или свидетельскими показаниями.

Свод законов Российской империи (1832 г.) продолжил детальную видовую классификацию письменных доказательств, подразделяя их на акты, совершённые или засвидетельствованные установленным порядком (крепостные, явочные, нотариальные), и домашние акты (письма, расписки, домовые книги). Закон жёстко связывал вид документа с его доказательственным значением, не допуская опровержения содержания отдельных официальных актов свидетельскими показаниями.

Судебная реформа 1864 г. разрушила эту формальную иерархию. Устав уголовного судопроизводства отказался от деления документов на «полные» и «половинные», подчинив все их виды принципу оценки по внутреннему убеждению суда [3]. В число письменных доказательств по Уставу входили как официальные удостоверительные акты (метрические выписи, полицейские удостоверения, справки присутственных мест), так и частная переписка, дневники и деловые бумаги. При этом дореволюционная доктрина (И. Я. Фойницкий, Д. Г. Тальберг, С. В. Познышев) чётко провела границу: если любой из перечисленных видов документов использовался для удостоверения изложенной в нём мысли, он выступал письменным доказательством; если же документ был подложным или носил на себе следы преступления, он переходил в разряд вещественных доказательств [14; 15; 16].

Таким образом, к концу дореволюционного периода сложилось чёткое представление о многообразии письменных видов документов (официальных и частных), но само понятие документа ещё ограничивалось исключительно бумажным текстовым носителем.

После 1917 г. законодатель отказался от прежней громоздкой классификации актов. УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. в ст. 58 использовали лаконичную формулу «протоколы осмотров и иные письменные документы», не раскрывая их видов и объединяя правила их хранения с вещественными доказательствами (ст. 59) [4; 9].

Принципиальный перелом произошёл с принятием Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. [5; 6]. В статье 69 УПК РСФСР 1960 г. «иные документы» были впервые закреплены как самостоятельный вид доказательств, причём законодатель отказался от эпитета «письменные». Это решение открыло дорогу для включения в данную категорию принципиально новых, нетекстовых видов фиксации информации, порождённых научно-техническим прогрессом.

В статье 88 УПК РСФСР 1960 г. к иным документам были отнесены не только традиционные справки, акты ревизий, характеристики и деловая переписка, но и материалы фото- и киносъёмки, звукозаписи (фонограммы), а позднее — видеозаписи. Тем самым понятие документа в уголовном процессе утратило исключительно «бумажный» характер и трансформировалось в категорию, охватывающую любые искусственно созданные материальные носители сведений.

Советская процессуальная наука выработала устойчивый критерий отграничения новых видов документов от вещественных доказательств: фотоснимок, магнитная лента или справка признавались иным документом, если имели значение благодаря зафиксированному в них смысловому или образному содержанию, а не в силу физических свойств носителя. Вместе с тем категория «иных документов» продолжала выполнять роль открытого резерва, способного вбирать в себя любые появляющиеся в практике виды фиксации сведений.

Действующий УПК РФ 2001 г. сохранил открытый, не исчерпывающий подход к определению видов иных документов. Пункт 6 части 2 статьи 74 УПК РФ называет «иные документы» самостоятельным видом доказательств, а часть 2 статьи 84 УПК РФ уточняет, что сведения в них могут быть зафиксированы как в письменной, так и в иной форме, прямо перечисляя в качестве видов таких документов материалы фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации.

Анализ статьи 84 УПК РФ и правоприменительной практики позволяет классифицировать современные виды иных документов по форме фиксации и происхождению на несколько групп [17; 18]:

Традиционные письменные документы: официальные справки, акты ревизий и документальных проверок, характеристики, договоры, финансовые отчёты, медицинские карты, приказы, а также объяснения граждан и рапорты должностных лиц, полученные до возбуждения уголовного дела.

Аудиовизуальные и графические материалы: фотоснимки, киноплёнки, фонограммы, видеозаписи с камер наружного наблюдения, видеорегистраторов и мобильных устройств, а также схемы, чертежи и планы.

Электронные (цифровые) носители информации: электронные документы, подписанные электронной подписью, файлы различных форматов, базы данных, сведения о соединениях между абонентами.

Ключевым нормативным ограничением для всех перечисленных видов выступает правило ч. 4 ст. 84 УПК РФ: любой из этих объектов признаётся вещественным доказательством, если обладает признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ. Так, заведомо подложный договор или аудиозапись, являющаяся орудием вымогательства, утрачивают режим иного документа и приобщаются к делу как вещественные доказательства. На это последовательно указывает и Конституционный Суд РФ (например, в Определении от 28 февраля 2017 г. № 335-О), подчёркивая, что документ не может быть признан вещественным доказательством, если он не служил средством совершения преступления и не сохранил на себе его следов [7].

Кроме того, важно отличать иные документы от протоколов следственных и судебных действий (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Несмотря на внешнее сходство письменной формы, протокол формируется исключительно уполномоченным субъектом в ходе регламентированного процессуального действия, тогда как все виды иных документов возникают вне рамок такого действия и вовлекаются в дело путём представления участниками процесса или истребования (ст. 86 УПК РФ). Особый защитный режим установлен п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ для такого специфического вида документов, как материалы адвокатского производства: они признаются недопустимыми доказательствами, если получены в ходе ОРМ или следственных действий и не имеют признаков вещественных доказательств.

4. Цифровые виды документов как новый этап эволюции

На современном этапе главным вектором видовой эволюции иных документов стал переход от аналоговых носителей к цифровым [20; 11]. Если в XX веке перечень пополнялся за счёт фото- и видеоплёнки, то в XXI веке в уголовное судопроизводство массово вовлекаются такие новые разновидности документов, как скриншоты и экспорты переписки в мессенджерах, электронные письма, публикации и логины активности в социальных сетях, файлы из облачных хранилищ, электронные чеки и биллинги операторов связи.

В науке уголовного процесса развернулась дискуссия о месте этих объектов в системе ст. 74 УПК РФ [10; 19]. Сторонники выделения «электронных доказательств» в самостоятельный пункт ч. 2 ст. 74 УПК РФ указывают на специфику цифровой среды: нематериальную форму представления сведений в виде двоичного кода, лёгкость дистанционного изменения и необходимость специальных познаний для их верификации. Противники отмечают, что включение очередного вида в ст. 74 УПК РФ не решит проблем практики, поскольку цифровые формы продолжают стремительно обновляться.

Представляется, что эволюция видов иных документов доказывает правоту второго подхода. Исторически категория «иные документы» развивалась именно как родовая конструкция, способная адаптироваться к новым видам носителей без ломки общей системы доказательств. Современный электронный файл по своей процессуальной природе тождествен письменному документу XIX века или фонограмме XX века: он ценен для дела прежде всего заключённой в нём информацией. Если же сам электронный носитель или метаданные файла содержат следы неправомерного воздействия (например, вредоносного ПО или фальсификации), начинает действовать классический критерий ч. 4 ст. 84 УПК РФ, переводящий объект в статус вещественного доказательства.

Вместе с тем появление цифровых видов документов обнажило пробел в процессуальном регулировании их проверки. Действующая статья 164.1 УПК РФ регламентирует лишь особенности изъятия электронных носителей и копирования информации при производстве следственных действий, но не устанавливает единых правил фиксации электронных документов, представляемых сторонами или истребуемых у владельцев информационных систем.

В связи с этим представляется целесообразным сохранить иные документы в качестве единой родовой категории в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнив статью 84 УПК РФ частью 5 следующего содержания: «При получении, копировании и исследовании сведений, зафиксированных в электронной форме, в протоколе соответствующего процессуального действия указываются: источник и способ получения сведений; характеристики исходного носителя информации; сведения о созданной копии и способе её получения; применённые технические средства и программное обеспечение; сведения, позволяющие проверить неизменность полученных данных (контрольные суммы, и т. п.)». Данная норма обеспечит проверяемость любых цифровых видов документов независимо от способа их вовлечения в уголовное дело. Предлагаемое уточнение согласуется с конституционными гарантиями справедливого правосудия и права на защиту (ст. 48, 50 Конституции РФ) [1].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Эволюция категории «иные документы» представляет собой процесс последовательного расширения её видового состава вслед за развитием средств фиксации информации: от древнерусских грамот, крепостных актов и «письменных доводов» Петровской эпохи к официальным и частным письменным документам после реформенного процесса 1864 г., затем к фото-, кино-, аудио- и видеоматериалам советского периода и, наконец, к современным цифровым файлам.

Законодательное обособление данной категории в Основах уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. позволило отказаться от привязки документа исключительно к бумажному носителю, превратив «иные документы» в открытый перечень видов фиксации сведений.

В действующем УПК РФ (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84) многообразие видов иных документов объединено общим критерием: их доказательственное значение определяется содержанием зафиксированных сведений, а не материальными свойствами носителя. При наличии признаков, предусмотренных ч. 1 ст. 81 УПК РФ, любой вид документа трансформируется в вещественное доказательство (ч. 4 ст. 84 УПК РФ).

Новейшие цифровые виды документов (электронная переписка, данные облачных сервисов, логин информационных систем) органично вписываются в родовую категорию «иных документов» и не требуют введения нового пункта в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Совершенствование закона должно идти по пути закрепления в ч. 5 ст. 84 УПК РФ обязательных реквизитов фиксации и проверки неизменности электронных документов.

Таким образом, история «иных документов» подтверждает главный вывод работы: данная категория развивается как открытая система форм фиксации сведений, и именно сохранение её родового характера при одновременном усилении процессуальных гарантий проверки цифровых данных отвечает как преемственности отечественного доказательственного права, так и потребностям современной практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: (дата обращения: 12.11.2026).
2. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174ФЗ (с изм. и доп.) // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: (дата обращения: 12.11.2026). — Статьи 73, 74, 75, 81, 84, 86, 88, 164.1.
3. Устав уголовного судопроизводства: утв. Судебными уставами от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1991. — Т. 8: Судебная реформа.
4. Уголовнопроцессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. — 1923. — № 7.
5. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. (утратили силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 6.
6. Уголовнопроцессуальный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2017 г. № 335О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Р. В. на нарушение его конституционных прав статьёй 81 Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. — URL: (дата обращения: 12.11.2026).
8. Зайцев Н. И. История становления доказательств и доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве от начала правления Петра I до наших дней // Правопорядок: история, теория, практика. — 2024. — № 1 (40). — С. 84–92.
9. Козловский П. В. Эволюция видов доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2012. — № 4 (47). — С. 64–68.
10. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 74–84.
11. Петренко Е. А. Электронные доказательства как новый вид доказательств в УПК РФ: практические проблемы изъятия и правовая неопределённость // Молодой учёный. — 2026. — № 22 (625). — С. 341–344.
12. Арутюнян С. А. Доктринальные подходы к пониманию правовой природы иных документов как доказательств в российском уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 10. — С. 290–296.
13. Килина И. В. Иной документ как самостоятельный вид доказательств в уголовном процессе // Пермский юридический альманах. — 2025. — № 8. — С. 321–343.
14. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. — М.: Г. А. Леман, 1913. — 329 с.
15. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Т. 1. — Киев: Товарищество печатного дела и торговли И. Н. Кушнерев и К°, 1889. — 328 с.

16. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. — СПб.: Альфа, 1996. — 552 с.
17. Жеребченко А. В., Кравцов С. С., Улитина У. А. Вопросы определения и использования иных документов в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. — 2025. — № 2. — С. 225–231.
18. Харисова И. Р., Шлыгина Е. А. Иные документы как доказательства в уголовном процессе: особенности и проблемы // Учёные записки Тамбовского отделения РосСМУ. — 2022. — № 26. — С. 56–63.
19. Россинский С. Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — Т. 26, № 2. — С. 161–171.
20. Дунаева М. С. Эволюция правового регулирования собирания цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука. — 2026. — № 5. — С. 255–259.
21. Титов П. М., Соромотина В. А. Теоретические подходы к понятию вещественных и иных доказательств в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. — 2023. — Вып. 27. — С. 478–485.

Понятие и правовая природа финансового мониторинга: соотношение с финансовым контролем и надзором

Горбачёв Леонид Валерьевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье проводится исследования правовой природы финансового мониторинга как самостоятельного института российского финансового права. Проводя разграничение следующих категорий «финансовый контроль», «надзор» и «мониторинг». Анализируются отличия данных правовых явлений по целям, методам и субъектному составу. Обосновывается вывод о публично-правовой и правоохранительной природе финансового мониторинга, а также его месте в системе Особенной части финансового права.

Ключевые слова: *финансовый мониторинг, Росфинмониторинг, ПОД/ФТ, финансовый контроль, бюджетный надзор, легализация доходов, финансовая безопасность.*

Введение

Российская Федерация с начала 21 века благодаря развитию банковской и цифровой системы очень серьезно принимает интеграцию в глобальную финансовую систему и необходимость защиты национального суверенитета от угроз терроризма и транснациональной преступности что обусловлено формированиями сложной многоуровневой системы противодействия легализации криминальных капиталов. Центральным элементом этой системы выступает финансовый мониторинг.

Несмотря на более чем двадцатилетнюю историю правового регулирования (базовым актом является Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ), в доктрине финансового права до сих пор не выработан единый подход к определению правовой природы данной деятельности и скорее всего вряд ли будет возможен в связи с основой теоретическая коллизией заключающиеся в соотношении финансового мониторинга с классическим государственным финансовым контролем и административным надзором. Решение этого вопроса имеет не только теоретическое, но и практическое значение для определения границ полномочий контролирующих органов и объема обязанностей частного сектора и этот разрыв стал увеличиваться в связи с развитием уже цифровых валют.

1. Понятие и правовая природа финансового мониторинга

Сам предмет закрепляет за финансовым мониторингом статус системы мер, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма (ПОД/ФТ) и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

Правовая природа сама по себе стала носить комплексный характер. Традиционно исследователи относят его к сфере государственного управления публичными финансами. Однако такой подход представляется узким. Более обоснованной является концепция **специальной контрольно-надзорной деятельности публично-правового характера с выраженным правоохранительным компонентом**.

Аргументы в пользу данной концепции:

– **Целеполагание:** Целью финмониторинга является не пополнение бюджета или обеспечение эффективности госрасходов, а защита финансовой системы от криминализации и реализация государственной политики безопасности.

– **Методология:** Деятельность базируется на принципах риск-ориентированного подхода, обязательного доносительства (*reporting*) со стороны частных лиц (банков, нотариусов) и применения мер принуждения ограничительного характера (замораживание активов).

– **Институциональная основа:** Ядром системы является Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) — федеральный орган исполнительной власти, обладающий уникальной компетенцией, сочетающей аналитические, информационные и властно-распорядительные функции.

Таким образом, финансовый мониторинг представляет собой делегированную государством частному сектору функцию первичного контроля, результаты которого аккумулируются и анализируются специальным публичным органом для последующей передачи материалов в правоохранительную систему.

2. Разграничение понятий: финансовый контроль, надзор и мониторинг

Для построения прочной теоретической базы необходимо четко развести смежные категории, которые часто ошибочно используются как синонимы (табл. 1).

Таблица 1

Критерий	Финансовый контроль (Бюджетный кодекс РФ)	Надзор (теория админ. права)	Финансовый мониторинг (ФЗ № 115-ФЗ)
Предмет	Государственные и муниципальные средства, законность их расходования.	Соблюдение общеобязательных правил широким кругом лиц.	Частные финансовые потоки, происхождение денежных средств.
Объект	Получатели бюджетных средств, распорядители, участники казначейского сопровождения.	Юридические лица и ИП вне зависимости от формы собственности.	Субъекты ст. 5 ФЗ № 115-ФЗ (банки, страховщики, риелторы и др.).
Характер связи	Часто иерархический (ведомственный контроль).	Отсутствие ведомственной подчиненности.	Функциональная зависимость через обязанность предоставления сведений.

Важное терминологическое уточнение требуется в отношении Бюджетного кодекса РФ. Статья 267.1 БК РФ вводит понятие «контрольный мониторинг» как метод внутреннего государственного финансового контроля. Это цифровая форма взаимодействия Федерального казначейства и объекта контроля, направленная на проверку соблюдения условий государственных контрактов и соглашений. Данный инструмент не следует смешивать с антиотмывочным мониторингом: первый проверяет *эффективность траты публичных денег*, второй — *криминальную природу происхождения любых денег*.

3. Отличия по целям, методам и субъектам

3.1. Цели деятельности

Цель классического финансового контроля — обеспечение законности формирования и исполнения бюджетов всех уровней, аудит эффективности использования государственной собственности. Его задача — минимизировать риски нецелевого использования казны. Цель финансового мониторинга — пресечение попыток интеграции теневых капиталов в легальный экономический оборот. Она носит превентивный характер: выявление подозрительной операции происходит до того, как преступление будет окончательно совершено, что позволяет заблокировать каналы финансирования деструктивной деятельности.

3.2. Субъектный состав

Субъектами финансового контроля выступают органы внешнего аудита (Счетная палата РФ) и внутреннего контроля (Федеральное казначейство, контрольно-счетные органы субъектов РФ). Их отношения с объектами носят императивный характер внутри бюджетного процесса. Система финансового мониторинга имеет трехуровневую структуру:

Уполномоченный орган: Росфинмониторинг, осуществляющий сбор, анализ информации и координацию всей системы.

Органы государственной власти: Генпрокуратура, МВД, ФСБ, ФНС, таможенные органы, выступающие потребителями аналитических справок Росфинмониторинга.

Организации, осуществляющие операции с денежными средствами (первичный барьер): кредитные организации, страховые компании, лизинговые фирмы, профессиональные участники рынка ценных бумаг, адвокаты, нотариусы. Именно они несут основную нагрузку по выявлению бенефициарных владельцев и критериев необычных сделок.

3.3. Методы реализации

Методы финансового контроля традиционны для отечественной школы: проверка, ревизия, обследование, экспертиза. С развитием цифровизации добавляются наблюдение и анализ информационных систем Казначейства. Методы финансового мониторинга специфичны:

– Идентификация клиента, представителя и бенефициарного владельца (процедуры KYC/CDD).

– Обязательный и факультативный мониторинг операций (выявление сделок, превышающих установленные законом пороги, или имеющих признаки необычности).

– Присвоение уровня риска клиенту (в том числе через платформу Банка России «Знай своего клиента»).

– Приостановление операций на срок до пяти рабочих дней и направление сведений в Росфинмониторинг.

– Замораживание (блокирование) денежных средств или иного имущества лиц, включенных в перечни террористов и экстремистов.

– Введение проекта цифрового рубля (что позволяет регулятору и контролирующим органам отслеживать перемещение средств между кошельками почти в режиме реального времени без рассылки межбанковских запросов)

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что финансовый мониторинг вышел далеко за рамки подотрасли валютного контроля. Он трансформировался в самостоятельный межотраслевой институт обеспечения финансовой безопасности государства.

Его ключевое отличие от финансового контроля заключается в смене парадигмы: если контроль направлен на проверку *законности движения уже публичных (бюджетных) средств*, то мониторинг фокусируется на проверке *легитимности источников происхождения любых (прежде всего частных) средств*, попадающих в орбиту финансовых институтов.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении влияния цифровых валют и новых платежных технологий на эволюцию методов финансового мониторинга, а также в анализе трансформации статуса коммерческих банков из простых посредников в агентов финансового сыска, несущих жесткую административную и уголовную ответственность за качество реализуемого ими первичного контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
2. Инструкция Банка России «Об обязательных нормативах банков» от 16 января 2004 г. № 110-И
3. Ревенков П. В., Дудка А. Б., Воронин А. Н., Каратаев М. В. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег. — М.: Directmedia, 2020
4. Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля»

Эволюция правового регулирования финансового мониторинга в России: от становления к риск-ориентированному подходу

Горбачёв Леонид Валерьевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматривается объединение множественных систем противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) в Российской Федерации. Анализируется трансформация законодательной базы от формального контроля за операциями к внедрению национальной оценки рисков и имплементации международных стандартов ФАТФ. Особое внимание уделяется юридическому оформлению перехода к риск-ориентированному подходу (РОП), изменению роли субъектов первичного финансового мониторинга и трансформации надзорных полномочий Банка России.

1. Введение

Формирование современной российской системы финансового мониторинга является прямым следствием интеграции страны в глобальную экономику и необходимости соответствия международным стандартам прозрачности финансовых потоков. За четверть века правовое регулирование в этой сфере прошло путь от фрагментарного нормотворчества до создания комплексной экосистемы, ядром которой выступает риск-ориентированный подход (РОП). Целью настоящей статьи является историко-правовой анализ эволюции данного института, выявление ключевых этапов его развития и детальный разбор юридического механизма внедрения РОП.

2. Первый этап: Становление институциональной базы (конец 1990-х — 2003 гг.)

До начала 2000-х годов борьба с отмыванием денег в России носила преимущественно уголовно-правовой характер и регулировалась Уголовным кодексом РФ (ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества…»). Однако отсутствие специализированного административного и процедурного аппарата делало эти нормы малоэффективными.

Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Данный акт заложил фундамент всей отечественной архитектуры ПОД/ФТ.

Юридическое оформление этого этапа характеризовалось:

– **Командно-административной моделью:** Основной обязанностью банков, страховых компаний и иных организаций стал сплошной контроль операций. Закон установил жесткий пороговый критерий: обязательному контролю подлежали любые операции на сумму свыше 600 000 рублей (впоследствии пороги неоднократно корректировались).

– **Созданием финансовой разведки:** Указом Президента РФ от 01.11.2001 № 1263 был образован Комитет по финансовому мониторингу (КФМ России), позднее преобразованный в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

– **Формальным комплаенсом:** Субъекты первичного финансового мониторинга были обязаны идентифицировать клиента, фиксировать сведения об операциях и передавать их в Росфинмониторинг исключительно при достижении установленных законом суммовых критериев, вне зависимости от реальной степени риска конкретной сделки.

На этом этапе российская система лишь адаптировала базовые требования Сорока рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), фокусируясь на количественных показателях.

3. Второй этап: Институционализация и централизация надзора (2004–2011 гг.)

В этот период происходит масштабная реформа государственного управления. КФМ передается в ведение Министерства финансов, а затем наделяется статусом федеральной службы. Параллельно формируется мегарегуляторы контур: Банк России начинает активно применять меры воздействия к кредитным организациям за нарушения законодательства о ПОД/ФТ.

Ключевым нормативным актом становится Положение Банка России от 19.08.2004 № 262-П (заменено на 499-П), детально регламентирующее правила идентификации клиентов. Юридическая техника смещается в сторону детализации обязанностей бенефициарных владельцев и установления признаков необычных сделок.

Однако система оставалась экстенсивной. Огромные массивы данных передавались в Росфинмониторинг без предварительной фильтрации банками. Это создавало колоссальную нагрузку на финансовую разведку и бизнес, снижая общую эффективность выявления реальных схем финансирования терроризма из-за высокого уровня информационного шума.

4. Третий этап: Переход к риск-ориентированному подходу (2012–2021 гг.)

Импульсом для глобальной перестройки послужило ужесточение требований международных стандартов ФАТФ (редакция рекомендаций 2012 года), которые закрепили необходимость применения РОП как обязательного условия эффективности национальных систем ПОД/ФТ. Россия, стремясь избежать включения в «серый список» ФАТФ, инициировала глубокую реформу законодательства.

4.1. Национальная оценка рисков (НОР)

Первым шагом стала разработка методологии Национальной оценки рисков легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Постановлением Правительства РФ от 14.06.2017 № 706 утверждены Правила проведения такой оценки. Впервые государство перешло от декларирования угроз к их эмпирической оценке. Были выделены наиболее уязвимые сектора (банковский сектор, рынок драгоценных металлов, некоммерческие организации, виртуальные активы) и типологии преступлений.

4.2. Юридическое оформление РОП в законодательстве

Трансформация нашла отражение в поправках к ФЗ-115 (наиболее значимый блок изменений внесен Федеральным законом от 23.04.2018 № 90-ФЗ):

– **Статья 7.1 ФЗ-115:** закрепила прямую обязанность адвокатов, нотариусов, бухгалтеров и аудиторов выявлять подозрительные операции своих клиентов и сооб-

щать о них, распространив периметр финмониторинга на профессиональных посредников.

– **Приоритет качественной оценки над количественной:** законодательство официально разрешило субъектам первичного мониторинга не относить операцию к подлежащим обязательному контролю, если она признана низкорискованной во внутренних правилах внутреннего контроля (ПВК). И наоборот, обязало направлять сообщения о любых сомнительных сделках независимо от суммы.

– **Дифференциация режимов обслуживания:** появилась юридическая возможность открытия банковских счетов клиентам без личного присутствия (при определенных условиях биометрической идентификации), но одновременно вводились жесткие ограничения для высокорискованных категорий (например, публичных должностных лиц — статья 7.3 ФЗ-115).

Центральное место заняла норма, согласно которой критерии необычных сделок теперь определяются не только закрытым перечнем регулятора, но и самостоятельно разрабатываются организациями исходя из масштаба их деятельности и профиля клиентской базы.

5. Четвертый этап: Цифровая зрелость и адаптация к новым вызовам (2022 г. — настоящее время)

Современный этап характеризуется интеграцией инструментов искусственного интеллекта в процессы финмониторинга и реакцией на внешние геополитические вызовы.

Юридическое оформление включает:

– **Экспериментальные правовые режимы (ЭПР):** Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ позволяет Банку России временно смягчать отдельные требования ПВК для тестирования новых алгоритмов скоринга транзакций на базе машинного обучения.

– **Цифровой профиль и Единая биометрическая система (ЕБС):** Изменения в ФЗ-115 и ФЗ-572 («Об осуществлении идентификации»...) создали правовой базис для удаленной идентификации клиентов через государственные информационные системы. Это позволило перенести часть комплаенс-процедур в цифровую среду, автоматизировав оценку рисков на этапе онбординга.

– **Противодействие обходу санкций:** С 2022 года законодательство было дополнено нормами, расширяющими понятие «подозрительной операции» за счет индикаторов попыток использования трансграничных расчетов для обхода ограничительных мер. При этом важно разграничивать классическую систему ПОД/ФТ и контрсанкционный комплаенс, хотя на практике банки интегрируют их в единые антифрод-системы.

– **Информационное взаимодействие платформ:** Создана платформа «Знай своего клиента» (ЗСК) Банка России, которая распределяет юридических лиц и ИП по трем зонам риска («зеленая», «желтая», «красная»). Правовые последствия попадания в «красную зону» прямо прописаны в ст. 7.7 ФЗ-115: практически полная блокировка банковского обслуживания.

6. Заключение

Анализ эволюции правового регулирования финансового мониторинга в России демонстрирует успешный переход от репрессивно-количественной модели к интеллектуально-качественной. Если в 2001 году закон требовал от бизнеса быть пассивным передатчиком информации государству, то сегодня субъекты первичного мониторинга несут ответственность за построение собственных прогностических моделей риска.

Юридическое оформление риск-ориентированного подхода завершило процесс формирования суверенной российской системы ПОД/ФТ. Она сохранила жесткость базовых запретов, но приобрела гибкость в инструментах их реализации. Дальнейшее развитие правового регулирования будет связано с необходимостью тонкой настройки баланса между тотальной цифровой прозрачностью финансовых потоков и защитой коммерческой тайны, а также с постоянной адаптацией национального законодательства к динамично меняющимся международным санкционным режимам и технологиям распределенных реестров.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
2. Постановление Правительства РФ от 14.06.2017 № 706 «Об утверждении Правил проведения национальной оценки рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма».
3. Прошунин М. М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: монография. — М.: Статут, 2021.
4. Саттарова А. А., Саттаров Р. А. Эволюция риск-ориентированного подхода в банковской деятельности // Банковское право. — 2022. — № 4.
5. Отчеты Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) о взаимных оценках Российской Федерации.

6

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 25.11.2026. Дата выхода в свет: 02.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.